

Пэлем Гринвел Вудхауз Дядя Динамит

Дядя Фред – 2

Пэлем Гринвел Вудхауз Дядя Динамит

Часть первая

Глава 1

Первый из дневных поездов начал свой ленивый бег по небольшой ветке, которая отходит от Уокли, чтобы доставить пассажиров в Эгмарш-Сэнт-Джон, Эшенден-Окшот, Бишопз-Икенхем и другие сонные селенья, испещряющие южную часть Англии.

Кряжистые дети природы не собирались обогащать сверх меры железнодорожную компанию, а потому большей частью ехали в третьем классе, оставляя первый класс беспечным аристократам, на сей раз — молодому пассажиру с открытым, добрым, но очень загорелым лицом и человеку лет на тридцать старше, высокому, изысканному, бодрому той бодростью, какую дает насыщенность каждой минуты. Глаза у него были яркие, усы — седые, красивые, шляпа — немного набекрень. Сигару он держал, словно знамя.

Первые минут десять царило приличное молчание. Потом молодой человек, бросивший взгляды на своего спутника, покашлял и сказал: «Э-э».

Спутник с любопытством взглянул на него. Молодой человек покраснел, он вообще был застенчив, да и думал уже, что зря затеял разговор.

— Простите, — сказал он тем не менее, — вы не лорд Икенхем?

— Он самый.

— Вот здорово!

Спутник его удивился.

— Я и сам этому рад, — признался он. — А вы почему радуетесь?

— Ну, это... — ответил младший, думая о том, какой был ужас, если бы он ошибся. — Понимаете, я с вами знаком... Был. Давно. Дружил с вашим племянником. Знаете, Мартышка. Ездил к вам играть в теннис. Вы мне дали пять шиллингов.

— Так деньги и уходят...

— Наверное, вы меня не помните. Я — Билл Окшот.

— Что вы, что вы, мой дорогой! Как не помнить? — сердечно соврал лорд Икенхем. — Хотел бы я получать десять фунтов за всякий раз, когда говорил жене: «Что там с нашим Биллом?»

— Нет, правда? — обрадовался Билл. — Вот здорово! Как поживает леди Икенхем?

— Спасибо, хорошо.

— Вот здорово! Она мне дала полкроны.

— Женщины бережливее мужчин. Что поделаешь, структура черепа! Да, моя дорогая жена — в превосходном состоянии. Я только что проводил ее. Уплыла в Вест-Индию.

— На Ямайку?

— Нет, по собственной воле.

Молодой человек помолчал, чуть не сказал: «Здорово», но передумал и спросил о Мартышке.

— Мартышка, — ответил лорд Икенхем, — в прекраснейшей форме. Попирает мир. Можно сказать смело, что Моав — его умывальная чаша и на что-то такое он поставил сапог свой. Получил солидное наследство от крестного из Америки, больше не боится портных. Скоро женится.

— Это здорово.

— Да, — согласился лорд Икенхем, восхищенный такой гибкостью стиля. — Он и сам доволен, а вот я — не очень. Быть может, вы заметили, Билл Окшот, что полного счастья не бывает. Одному — хорошо, другому — хуже. Скажем, А скачет от восторга, а Б — хмурится, не говоря об Иксе и Игреке. Так и здесь. Я надеялся, что он изберет мою подопечную. Выросла на моих глазах, стала прелестной барышней, все есть — красота, очарование, характер и, кстати, ум, которого хватит на двоих. С Реджинальдом, иначе — Мартышкой, это необходимо. Так нет же! Однако посмотрим на светлую сторону. Посмотрим?

— Пожалуйста.

— Прекрасно. Итак, смотрим. Новую барышню я не видел, но вроде бы она ничего. А то этот лоботряс еще привел бы крашеную блондинку. Вероятно, вы помните, как склонен он к влюбленности?

— Мы не виделись с детства.

— Он и тогда порхал как мотылек. Дон Жуан танцкласса. Ловелас в костюме Фаунтлероя.

— Теперь он... э... изменится.

— Надеюсь. С другой стороны, возьмем леопарда. Может он измениться? А эфиоп? То-то и оно. Кстати, об эфиопах. Вас коптили?

Билл смущенно улыбнулся:

— Загорел, да? Я был в Бразилии. Еду домой.

— Вы из этих мест?

— Да, из Эшендена.

— Женаты?

— Нет. Я живу у дяди. То есть он живет у меня.

— В чем разница?

— Понимаете, дом — мой. Дядя его... э... опекает. Мне было шестнадцать лет, когда отец умер. Вот дядя и приехал, так и живет, распоряжается. Посмотреть на него, — припомнил Билл свои обиды, — он один хозяин. Лучшую комнату отвел под свой музей!

— У него музей?

— Да, африканские штуки. Да что там! Кто занял лучшую спальню? Я? Нет, дядя Эйлмер. Кто первым читает газету? Я? Нет, дядя Эйлмер. Кому достается яйцо без жидкого белка?

— Постойте, угадаю. Дяде Эйлмеру?

— Именно!

Лорд Икенхем погладил усы.

— Что-то подсказывает мне, — заметил он, — что дядя Эйлмер надоел вам. Я прав?

— Да.

— Почему же его не выгнать?

— Ну, как это... — растерянно сказал Билл, копя пол огромной ногой. — Разве можно?..

— А что, нельзя?

— Ну, трудно.

— Так-так...

Лорд Икенхем догадался, что затронул болезную тему, и деликатно отступил. Он вернулся к кроссворду, Билл Окшот стал смотреть на убегающие пейзажи.

Однако видел он не их, а прекрасное лицо Гермионы. Оно сияло перед ним, обещая, что скоро он узрит его не только взором воображения. Здесь, в Англии, можно смотреть в ее глаза, любоваться ее профилем...

Любоваться и все? Или, после Бразилии, он решится сказать ей, что любит ее девять лет подряд? Может быть, но вряд ли.

Размышления эти прервал сосед, тронув его колено.

— Сейчас ваша станция, — напомнил лорд Икенхем. — Эшенден-Окшот.

— А? Да-да. Моя станция, — согласился Билл, встал и взял свои вещи. Но тут же вскрикнул, как бы не в силах поверить своим глазам, хотя они не лгали.

Обычно эта станция не очищает душу ни жалостью, ни страхом. Видеть тут нечего, кроме бакенбардов начальника, которые явно выросли в теплице; разве что вы уж очень тонки, и вас тронет то, как управляется хрупкий носильщик с тяжелыми бидонами. Так и тянет назвать станцию тихой.

Сегодня бы к этому не тянуло. От автомата в одном конце до навеса, под которым хранились метлы и ведра, стояли люди, человек сорок. Двое самых сильных и терпеливых держали плакат, на котором любящая рука начертала:

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ, МИСТЕР УИЛЛЬМ!

Кроме того, тут были: оркестр, полисмен, священник, бойскауты, сельские жители, что-то вроде младшего класса воскресной школы (с цветами) и величественный седоусый человек, руководивший всем этим.

Билл Окшот стоял у окна, словно герой сказки, зачарованный колдуном, и так явственно страдал, что спутник его все понял.

Перед ним, догадался он, застенчивый юноша, который бежит мирской славы, — а кто-то почему-то устроил ему пышную встречу. Естественно, он выглядит как загнанный лось.

Сам граф мирскую славу любил. Если бы его встречали бойскауты и оркестр, он не сплеховал бы и начал кланяться раньше, чем остановится поезд. Однако новый приятель другого склада, и надо ему помочь.

Добрый лорд предпочитал дела, а потому не ограничился сочувствием.

— Лезьте под сиденье, — сказал он.

Голос его показался Биллу гласом с неба, словно ангел-хранитель в час беды дал дельный совет. Нырнув под сиденье, он подождал, пока поезд не двинется снова. Когда же он вылез, отряхивая ладони, он увидел, что спутник с восторгом смотрит на него.

— Редкая ловкость, — сказал растроганный граф. — Дрессированный тюлень

— и то медленней ныряет за рыбкой. Тренировались? Нет? Поразительно! В жизни не видел такой опупелой толпы. Так и кажется, что стадо волков не обнаружило в саях русского крестьянина. Тяжело, ничего не скажешь. Волкам,

конечно.

Билл Окшот еще дрожал, лепеча слова благодарности.

— Не за что, не за что, — отвечал лорд Икенхем. — Какой пустяк! Сладость и свет, вот мой девиз.

— Я никогда этого не забуду, — серьезно сказал его спутник. — Поймите, пришлось бы говорить речь, а может — и целовать этих гнусных деток! — Он вздрогнул. — Вы их видели? Миллион голов, и все с букетами.

— Видел, как не видеть! И понял, что со времени нашего знакомства вы заметно прославились. Деток с цветами соберут не для всякого. Вот я — настоящий граф, не кто-нибудь, а где цветы, где детки? Да... Чем же вы прославились, Билл Окшот?

— Так, знаете...

— Не крутите. Они встречали вас. Кому еще напишут «Мистер Уилльм»?

— Да, конечно.

— Это ваш дядя, с усами? Такой важный?

— Дядя.

— Итак, поройтесь в памяти. Что сделали вы достойного букетов и бойскаутов?

— На Амазонку вот ездил...

— Так, так, так. Экспедиция. Я сразу не понял. Думал, вы были в Бразилии по делу, скажем — орехи какие-нибудь. А почему вас туда понесло? Хотели забыть прекрасную деву?

Билл покраснел. И впрямь, он уехал от безнадежной любви, как оказалось

— напрасно.

— В общем, да, — ответил он.

— Почему именно Бразилия? В мое время предпочитали Скалистые горы, там можно охотиться на медведей.

— Прочитал в газете, что майор Планк набирает людей. Пошел, записался.

— Так... Жаль, не знал. Я бы хвастался давней дружбой. Что же, сейчас мы приедем в Бишопз-Икенхем. Вернетесь обратно? Или поедем ко мне, выпьем, и я вас отправлю на машине?

— Я вам не помешаю?

— Что вы, что вы! Очень рад. Итак, решено. Теперь подумаем, что сказать дяде.

Билл сосредоточился и заморгал, словно его схватил за ногу бразильский аллигатор.

— Тут нужна хорошая, связная история, — продолжал граф. — Судя по виду, он человек опасный, укусит — умрешь. Кем он был? Кулачным бойцом?

— Губернатором в одной колонии.

— Тогда нам придется нелегко. Я этих губернаторов знаю, серьезные люди. Кстати, как его зовут?

— Босток. Сэр Эйлмер Босток.

— Что? Быть не может!

— Вы его знаете?

— Сорок лет не видел, а то и побольше. Когда-то знал хорошо. Мы вместе учились.

— Правда?

— Еще бы! Он на три года младше меня. Звали его Балбесом. Неприятный был мальчик, наглый, никакого почтения к старшим. Именно за это я дал ему шесть раз по задку крикетной битой, надеясь его исправить. Да, теперь мне многое понятно. Балбес, как известно из газет, собирается войти в парламент и хочет примазаться к вашей славе. Кто не рад опереться на людей, расширивших пределы цивилизации!

— Я не расширял.

— Чепуха! Растянули, как резинку. Но мы отвлеклись, надо придумать убедительную повесть. Что, если сказать так: жара, задремал, проехал станцию?

— Здорово!

— Правда? Мне и самому нравится. Главное, просто. И возразить нечего. Да, это лучше всего. Значит, юный Балбес стал губернатором!.. Никогда бы не поверил. Кто бы мог подумать!

— Сколько вы его не видели?

— Сорок два года будет 31 июля. А что?

— Странно, так близко живете...

— Что ж, Билл Окшот, я вам все открою. Я не общаюсь с соседями. Жена вечно пытается вытащить меня на всякие приемы и рауты, но я неумолим. Часто мне кажется, что для идеальной жизни нужны табак и бойкот всего графства. А вашего дядю, Балбеса, я слишком хорошо помню.

— Вообще-то вы правы...

— Не ангел. Даже не эльф. Я боюсь за Мартышку. Он ведь женится на его дочери. Боюсь и не завидую. Ну, вот и приехали!.. — сказал лорд Икенхем. — Выпьем, отдохнем. И Мартышка будет, он утром звонил. Переночует, а завтра собирается к вам, в Эшенден.

Граф легко спрыгнул на платформу, даже не подозревая, что он только что нанес другу ужасный удар. При словах «женится на его дочери» Билл Окшот издал тот самый звук, какой издает бульдог, если пнуть его в ребра, когда он ест баранью ногу; но лорд Икенхем подумал, что он икнул.

Глава 2

Летний день сменился сумерками. Билл Окшот давно унес домой свое разбитое сердце, когда приехал Мартышка. Его задержала в пути одна из тех загадочных поломок, которые нередко настигают двухместную машину. Он едва успел одеться к обеду и в восемь часов сидел в столовой, напротив дяди, восстанавливая ткани после нелегкого дня.

Лорд Икенхем был ему рад, да и вообще гостеприимен, но при дворецком не хотел затрагивать личные темы. Поговорив о Нью-Йорке, где недавно побывал Мартышка, и об отъезде леди Икенхем, он сообщил, что встретил Билла Окшота, а племянник его отвечал, что надеется возобновить былую дружбу, посещая эшенденские уголья.

Потолковали они и о машинах, собаках, иностранных делах, будущих бегах и (эту тему включил Мартышка) о том, что делать, если обнаружишь в ванне труп, на котором — только гетры и пенсне.

Когда же подали кофе и сигары, лорд Икенхем раскрыл душу.

— Какое счастье, — начал он, — посидеть одним, без дворецких! Понимаешь в полной мере дивную строку: «Мир, совершенный мир, когда любимых нет». Нельзя сказать, что я люблю Коггза, скорее побаиваюсь, смягчая это чувство прохладной привязанностью. А тебе я рад, очень рад. Давно хотел кое-что обсудить.

— Да? — сдержанно отвечал Мартышка. Он был молод, приятен с виду, но внимательный наблюдатель заметил бы в нем ту строгость, ту напряженность, которая, вероятно, возникала у святого Антония перед нападением бесов. Мартышка подозревал, что сейчас начнутся искушения и стоять надо насмерть.

Еще за обедом, когда глава семьи говорил об отъезде супруги, он подметил в

его глазах тот самый блеск, какой появляется у мальчика, если он дома один и знает, где ключ от буфета. Блеск этот он видел и раньше; им начинались самые крупные беды. Едва заметный вначале, за супом, теперь он разгорелся вовсю, и Мартышка собрал все силы.

— Сколько ты думаешь пробыть у Бостоков? — спросил граф.

— С неделю, — отвечал ему племянник.

— А потом?

— Вернусь в Лондон.

— Прекрасно, — одобрил лорд Икенхем. — Вернешься в Лондон. Отлично. Я поеду с тобой, и мы проведем полезный, приятный день.

Мартышка сжался. Он не воскликнул: «Так я и знал!», но как бы и воскликнул. Оставшись без заботливой жены, Фредерик Алтамонт Корнуоллис, пятый граф Икенхемский, снова принялся за свое.

— Ты спрашиваешь, — сказал когда-то один вдумчивый «трутень», — почему при словах «дядя Фред» Мартышка синееет и выпивает два виски кряду. Я объясню. Дело в том, что этот дядя — истинный динамит. Он немолод, но при случае становится таким, каким себя чувствует, то есть лет двадцати с небольшим. Не знаю, знакомо ли тебе слово «эксцессы». Если знакомо, примени к нему, не ошибешься. Пусть Мартышка расскажет, например, про собачьи бега.

Если бы лорд Икенхем его слышал, он бы первым признал, как это верно. Клонясь к закату, он сохранил стройность, живость и чистоту подвыпившего студента. За последние годы он не раз втягивал племянника в приятнейшие авантюры, самой удачной из которых были именно собачьи бега, хотя, по его мнению, полисмен поумнее ограничился бы мягким укором.

— Вероятно, ты понял из моих слов, — продолжал пятый граф, — что тетя Джейн уехала на несколько недель и я невыносимо страдаю. Точь-в-точь этот тип, который места себе не находил без любимой газели. Однако...

— Дядя... — вставил Мартышка.

— Однако, — сказал дядя, — у любой тучи, если взглядеться, есть серебряная каемка. В данном случае утешает то, что я снова сам себе хозяин. Трудно передать, как я люблю тетю Джейн, но иногда... какое бы тут выбрать слово?... я скован при ней, не могу себя выразить. Она считает, что мне не надо ездить в Лондон. Я так не считаю. Когда живешь в сельском склепе, ржавеешь, отстаешь от жизни. Не уверен, что я назову тебе хоть одного вышибалу, а я их знал поголовно. Вот почему...

— Дядя!..

— Вот почему, несмотря на страдания, я могу пережить ее отъезд. Сообщи, когда соберешься в Лондон, и я — к твоим услугам. Ах ты господи, как же я молод! Видимо, это от погоды.

Мартышка стряхнул с сигары пепел и отхлебнул бренди. Взгляд его был холоден и суров.

— Дядя Фред, — сказал он, услаждая слух своего ангела, — об этом не может быть и речи.

— То есть как?

— Вот так. На собачьи бега я не поеду.

— Зачем же бега? Хотя там очень полезно и приятно. Изучаешь душу народа.

— Никуда не поеду. Будешь в Лондоне, заходи. Накормлю, дам хорошую книгу. И все.

Лорд Икенхем помолчал, размышляя о тлетворности денег. Раньше, когда Мартышка сидел без гроша, служил в суде и время от времени пытался занять у

дяди пять фунтов, он бы не посмел возражать. Деньги изменили его, растлили. Старая история, думал граф.

— Что ж, — сказал он, — если ты не хочешь...

— Не хочу, — подтвердил Мартышка. — Не вздыхай, я не сдамся. Гермione и так не нравится, что я в этом клубе «Трутни». Как ни печально, она о тебе слыхала.

— Моя жизнь — открытая книга, — сообщил граф.

— Слыхала и боится, что это у нас в роду. Вечно твердит: «Надеюсь, ты не похож на дядю».

— Ты ее не понял. Видимо, она говорит: «...похож на дядю». Или: «Постарайся, мой друг, быть похожим на дядю».

— В общем, я должен следить за собой, как последняя собака. Если она догадается, что я... немного легкомыслен, свадьбе не бывать.

— Значит, ты не согласишься, чтобы я приехал к ним в образе лакея? Жаль, вышло бы очень смешно.

— О господи!

— Просто предложил. Да я и сам не могу, пришлось бы сбрить усы, а я к ним исключительно привязан. Если нет детей, кого и любить? Усы. Значит, твоя Гермione — из таких?

— В каком смысле?

— Ну, полна благородства. Принципы всякие... В общем, истинная дочь Англии.

— Да, да! Просто жуть. Не увидишь — не поверишь.

— Жду с нетерпением.

— У меня есть фотография, — сказал Мартышка, вынимая ее из нагрудного кармана, как вынимают кролика из цилиндра. Лорд Икенхем долго изучал портрет.

— Поразительное лицо.

— А глаза, глаза!

— Вот именно.

— А нос!

— И нос заметил. Видимо, очень умна.

— Еще бы! Пишет книжки.

— Ой!

Дикое подозрение зародилось в Мартышкиной душе.

— Она тебе не нравится? — спросил он.

— Понимаешь, — осторожно ответил лорд Икенхем, — я вижу, что она... скажем так, исключительная женщина. Но тебе она не пара.

— Почему?

— Мне кажется, она тебя подомнет. Ты смотри, какой подбородок. А глаза? Так и сверкают.

— Что тут плохого?

— В домашних условиях — очень опасно. При таком взоре нужен стальной муж. Ты стальной? Нет. Как и я, ты истинный подкаблучник.

— В каком смысле?

— Подкаблучником я называю человека, который каждое утро относит жене завтрак, и воркует, и кукует, пока она ест. Лично мне такие люди нравятся, но им нельзя жениться на писательницах с твердым подбородком и сверкающим взором. Их удел — хрупкая женщина, которая воркует вместе с ними, а уж кукует — говорить нечего! Тем, кто ищет жену, я советую: выбери такую, которую можно пощекотать. Можно пощекотать твою Гермione? Ни в коем случае. Она выпрямится во весь рост и скажет: «Милостивый государь!»... Идеальная жена для таких, как ты, — наша

Салли.

При этом имени Мартышка застыл и покрылся тонким льдом. Более чувствительный человек, чем его дядя, послал бы за вязаной кофтой.

— Мне показалось, что у Коггза что-то с ногами, — отрешенно произнес племянник. — Он прихрамывает.

— С самого ее приезда, — продолжал граф, которого теперь не могли отвлечь самые пленительные темы, — я мечтал о том, чтобы у вас что-нибудь вышло. Наконец ты сказал, что все в порядке. И вдруг, — он повысил голос, — вы поссорились! Не понимаю, как можно поссориться с Салли! Конечно, виноват ты?

Мартышка хотел бы промолчать, но не вынес несправедливости.

— Ничего подобного! — вскричал он. — Ты сперва узнай, как все было!

— С удовольствием, — согласился граф. — Самое время. Из Салли ничего не вытянешь.

— Ты ее видел?

— Она приезжала с Отисом недели две назад, оставила бюст. Вон он стоит.

Мартышка холодно взглянул на бюст.

— Ничего не объяснила?

— Сказала, что вы расстались. Больше ничего.

— Да? — откликнулся Мартышка, тяжело дыша носом. — Хорошо, я объясню. Я отказался исполнить ее просьбу, и она меня назвала синюшным кроликом.

— Вероятно, это очень красиво. Голубой кролик...

— Поговорили, обсудили. В общем, вернула кольцо и письма. Заметь — с посыльным.

— Ах, какой влюбленный не ссорится! Надо было помириться на следующий день.

— Ну, а мы вот не помирились. Собственно, кролик — это последняя капля. Мы все время ссорились.

— По каким причинам?

— Во-первых, брат. Мне от него худо.

— Да, Отис — на любителя. Салли говорит, он теперь издатель. Наделает дел, как с антикварной лавкой. Ты ей сказал, что тебе от него худо?

— Сказал. Она обиделась, но не очень. А вот когда я просил бросить скульптуру...

— Зачем?

— Там все такие противные, с бородами. — Мартышка снова вздрогнул, но в суровом стиле. — Я был у нее в мастерской. Ну, просто кишат! Так и лезут, так и лезут, а борода — до бровей.

Лорд Икенхем глубокомысленно пососал сигару.

— Прости, — признал он. — Я ошибся. Ты — стальной человек. А сколько пороху! Просто шейх во гневе.

— А она? Вечно сердилась, точила меня...

— Девушки всегда так. Особенно американские. Мне ли не знать? Я на одной из них женат. В этом их очарование.

— Есть пределы.

— Как же она их перешла? Ты недосказал. О чем она просила?

— Провезти драгоценности через нью-йоркскую таможеню.

— Нет, какой ум! Какая прыть! Постой, у нее нет драгоценностей.

— Не у нее, у одной подруги, Элис. Накупила здесь камней, а пошлину платить не хочет. Салли решила ей помочь.

— Очень милосердно.

— Очень глупо! Так я ей и сказал. Хорошо бы я был на этой таможне!

Лорд Икенхем вздохнул.

— Так, так, понятно... А жаль. Богатый муж ей очень нужен. Она совсем на мели.

Мартышка дернулся. Любовь любовью, но жалость-то не умерла.

— Мне кажется, — продолжал граф, — она недоедает.

— Чушь какая-то!

— Нет, не чушь. Она похудела, а главное — она просто кинулась на баранину с горошком. Скульптура — невыгодное дело. Кто купит эти бюсты?

Мартышка немного успокоился.

— Ты не волнуйся, — сказал он, — у нее есть деньги, тетка из Канзаса оставила.

— Я знаю, но боюсь, что их нет. Вероятно, Отис вытянул. Она тут два года, а он за два года вытянет любую сумму.

— Салли очень умная.

— Ум совершенно ни при чем. Умнейшие женщины теряют разум, когда доходит до любимого брата. Вот, посуди сам: я ей написал, пригласил пообедать, и она с восторгом согласилась. Пишет, что ей очень нужно меня повидать. «Очень» — подчеркнуто. Мне это не нравится. Так писал ты, когда хотел занять денег. Что ж, завтра я ее увижу. Бедная Салли! Дай бог, чтобы все обошлось. Замечательная девушка.

— Да.

— Ты тоже так думаешь?

— Конечно! Я очень хотел ей помочь. Гермiona сказала, старый Босток собирается заказать свой бюст, и я посоветовал обратиться к Салли.

— Так, так... Может растрогаться. «Какая чистота, — воскликнет она, — какое сердце!» Еще не все потеряно, Мартышка, только веди себя правильно.

— Ты не забыл, что я женюсь на Гермione?

— Да ну ее!

— Дядя Фред...

— Советую как друг. Ты — тонкий, трепетный человек, склонный к меланхолии. Помню, на этих бегах, когда полисмен взял тебя за шиворот... Одно слово, Гамлет. Тебе нужна веселая, добрая жена, которая поставит капкан на епископа, если он у вас заночует. Сомневаюсь, чтобы твоя Гермiona проткнула кому-нибудь грелку. Нет, она — не для нас. Пошли телеграмму понежней — прости, передумал и так далее. У меня есть бланки.

Лицо у Мартышки озарилось неземным светом.

— Дядя Фред, — сказал он, — дикие кони не оттащат меня от этой девушки.

— Они и не станут, — заверил граф.

— Я ее боготворю. Я готов для нее на все. Вот, к примеру, она думает, что я не пью. А почему? Потому что она сказала, что молодые люди только и делают, что пьют, как насосы. А я говорю: «Пьют? Не понимаю! Я — в рот не беру». И пожалуйста.

— Значит, когда ты к ним приедешь...

— ...дадут лимонада. Я на это шел. Тяжело, но выдержу. Сказано тебе, боготворю. Если уж она — не ангел в человеческом облике, я и не знаю, где эти ангелы. До сих пор я не умел любить.

— Что ж, мог научиться. Я заботливо созерцал пятьдесят семь твоих попыток,

начиная с веснушчатой девицы в танцклассе, которая дала тебе в глаз ведерком, а кончая...

Лорд Икенхем искал слова. Мартышка ждал.

— ...кончая этим гибридом Джордж Элиот, Боадичеи и покойной миссис Кэрри Нейшн. Этой пламенной гувернанткой. Этой крутой девицей, с которой ни один разумный человек не войдет в темную аллею.

Мартышка встал.

— Присоединимся к дамам? — спросил он.

— Их нет, — отвечал дядя.

— Сам не знаю, зачем я так сказал, — совсем расстроился племянник. — В общем, не говори ты глупостей, сыграем лучше в бильярд.

Глава 3

Наутро с легким сердцем, с песней на устах Мартышка отбыл в Эшенден. Лорд Икенхем благосклонно помахал ему вслед, стоя на ступенях портала.

Ничто не окрыляет влюбленного сильнее, чем гордость, которую испытывает он, когда отвергнет искушение. Вспоминая, с каким упорством противостоял он соблазнам приятных и полезных развлечений. Мартышка возвышался духом.

Приятных и полезных! Мало кто был так близок к восклицанию: «Еще чего!», как Мартышка, в чьей душе не совсем утихли недавние соблазны. Нет, искушать человека, который отринул всякий порок! Вздрогнув от омерзения и гнева, Мартышка загнал соблазны в подсознание, сознание же обратил к более приятным сюжетам, а именно — к встрече с родителями невесты.

Он мало знал о них, но предполагал, что они достаточно умны, чтобы распознать добро, а потому такой человек, какой — стойкий, трезвый, чистый — очарует их с первой минуты. «Он просто прелесть!» — напишут они Гермione, а старый добрый Босток, поистине — герой Диккенса, скажет своей жене (мягкой, уютной, добродушной): «Дорогая моя, давно не видел такого приятного юноши!» и, возможно, прибавит: «А ты?» Словом, Мартышка предвкушал, как прижмет их к своей груди.

Поэтому он огорчился, заметив, что это нелегко. Чтобы прижать хозяев к груди, надо войти в дом, а тут получилась заминка.

Дом Бостоков восходил к тем дням, когда жилища строили не для того, чтобы надеть там шлепанцы и закурить трубку, а для того, чтобы отражать врага, вооруженного тараном. Входные двери были массивны, к тому же и закрыты. Звонок не работал. Мартышка навалился на него всем своим весом, но тщетно; и задумался, что же делать.

Тогда и заметил он открытое окно, достоящее до пола. Это ему понравилось. Может быть, первый визит не начинают с таких поступков, но добродушный, сердечный, гостеприимный хозяин выше этого. Мартышка покинул дверь, вошел через окно — и тут же испытал потрясение, которое испытывал всякий, оказавшись в музее сэра Эйлмера. Собрание африканских диковинок было на редкость ужасно. Что до Мартышки, он в жизни своей не видел такой мерзопакости.

Собравшись с силами, он стал рассматривать ближний экспонат — странную штуку, изготовленную из глины дикарем, напившимся джину, и удивлялся, почему бы тому, вместо таких мучений, не поохотиться на крокодила или хоть на соседа, когда тишину нарушил вопль:

— РЕДЖИНАЛЬД!

Подскочив, Мартышка выронил глиняную штуку. Она упала и разбилась. После чего перед ним в дверях возник незнакомый человек, предваряемый могучими усами.

2 Примерно тогда, когда Мартышка нажал на педаль своей машины, сэр Эйлмер Босток входил в спальню леди Босток, чтобы починить там жалюзи. Он любил эти мелкие домашние дела и хотел, чтобы все было в порядке к приезду жены, которая гостила дней десять в Лондоне, у дочери.

Предположив, что старый школьный друг не одобрит того, что сделал Билл Окшот, лорд Икенхем проявил знание человеческой природы. Губернатор, привыкший к беспрекословному подчинению, не может перенести провала. Он пыхтит, он сжимает кулаки, он кусает губы; тем более если он и в спокойном состоянии напоминает нравом американского медведя, угодившего в капкан. Трудясь над планкой, сэр Эйлмер был мрачен, усы его гневно трепетали, иногда он злобно фыркал.

Он ждал жену, чтобы доверить ее покорному слуху все горести, и, завершив свой труд, дождался. К парадному входу подъехала машина, из нее вышла леди Босток, дама лет сорока с небольшим, похожая на лошадь.

— А, вот ты где, дорогой! — приветливо сказала она, ибо, беседуя с мужем, запасалась приветливостью на обоих. — Какой странный запах...

Сэр Эйлмер нахмурился, он не любил критики.

— Клей, — лаконично ответил он. — Я чинил жалюзи.

— Как хорошо! — восхитилась леди Босток. — Спасибо тебе, дорогой. Слава богу, я опять дома. В Лондоне страшная духота. Гермiona прекрасно выглядит. Шлет приветы тебе и Реджинальду. Он здесь?

Собираясь осведомиться о том, кто такой Реджинальд, сэр Эйлмер вспомнил, что дочь его недавно обручилась с мерзавцем, носящим это имя, и ответил, что тот еще не приехал.

— Она говорит, — сообщила жена, — что он приедет сегодня.

— А его нет.

— Может быть, забыл?

— Молодой кретин, — подытожил беседу сэр Эйлмер.

Леди Босток тревожно глядела на него. Она знала, что, если муж кого невзлюбит, он за две секунды превратит его в жирное пятно; знала — и боялась. На вокзале Ватерлоо дочь недвусмысленно распорядилась, чтобы жениха холили и лелеяли. Прекрасная Гермiona привыкла, что желания ее исполняются, и те, кто хорошо ее знал, не портили себе жизнь.

Припомнив робких адъютантов, корежившихся, как горящая бумага, под взглядом сэра Эйлмера, жена умоляюще посмотрела на него:

— Пожалуйста, дорогой, будь с ним повежливей!..

— Я всегда вежлив.

— А то он пожалуется Гермione. Ты же ее знаешь!

Оба помолчали, размышляя об особенностях дочери.

— Вы бы могли с ним подружиться, — сказала наконец леди Босток.

— Ха!

— Гермiona его очень хвалит.

— Мало нам Уильяма, — заметил сэр Эйлмер, не склонный к оптимизму. — Вот увидишь, обычный хлыщ с напояженными волосами. И хихикает, — прибавил он. — Два идиота — это слишком!

Слова его напомнили леди Босток, что любящая тетя должна спросить о

племяннике.

— Значит, Билли приехал?

— Приехал, как не приехать. Ха!

— Встреча прошла хорошо? Какая прекрасная мысль! Очень удачно, что он успел к празднику. Он всегда так помогает, со всем этим спортом. А где он?

— Не знаю. Надеюсь, в гробу.

— Эйлмер! О чем ты говоришь?

С приезда жены сэра Эйлмер еще не хмыкал, и теперь хмыкнул с такой силой, что Мартышка, въезжавший в ворота, подумал бы, если бы услышал, что лопнула крышка.

— О чем? Я тебе скажу, о чем! Этот мерзавец проехал станцию. Вышел на следующей и вернулся к вечеру в машине Икенхема. Пьяный, как свинья.

Спешим предупредить, что сэр Эйлмер ошибся по вине предубеждений и общего пессимизма. Билл Окшот ничего не пил. Другие бы насосались с горя, а этот замечательный юноша сумел сдержать себя. Да, по приезде он шатался, но от других причин. Нервному и молодому человеку нелегко предстать перед старым и сердитым, тем более — когда он сам мог бы сердиться на него. Естественно, ноги подкашиваются, лицо лиловеет, хотя ты не выпил ни единой капли. Словом, мы отвергаем дикое обвинение.

Леди Босток издала звук, который раскаленные утюги издают, когда их тронешь мокрым пальцем, а женщины — когда им надо бы воскликнуть: «А, черт!»

— В машине лорда Икенхема?!

— Да.

— Как же это?

— Видимо, вместе ехали.

— Ах, вон что! Я удивилась, потому что мы с ним не знакомы.

— Кто не знаком, а кто и знаком. Сорок лет назад мы вместе учились. Слава богу, с тех пор не виделись. Псих, — пояснил сэр Эйлмер.

— Да, я слышала, что он большой чудак. Что там? Вроде бы машина. Наверное, это Реджинальд. Ты бы вышел к нему.

— Не выйду, — сказал сэр Эйлмер. — Подумаешь, Реджинальд! Рассыпется он, что ли? Я доскажу про Уильяма.

— Ну, конечно! Доскажи, дорогой. Как он странно поступил. Объяснил он что-нибудь?

— Объяснил, только врет. Заснул, видите ли! Не-ет, не заснул, а струсил! Вот уж жаба так жаба! Бросить на меня викария с женой, оркестр, бойскаутов десять штук, четырнадцать воскресных деток! Я их всех развез по домам. Ничего, обошлось, хотя детки очень косо смотрели, чудом удержал.

— Как ты замучился, дорогой!

— Это бы ничего! Другое плохо, голосов сто на этом потеряю.

— Ну что ты, дорогой! Ты же не виноват.

— Какая разница? Люди — кретины. Такая новость разлетится мгновенно. Если человек сел в лужу, голосовать за него нельзя. А главное, ничего не поделаешь. Такого верзилу не выпорешь... **ВОЙДИТЕ!**

Дверь открылась, вошла Джейн, горничная леди Восток.

— Вас просят к телефону, миледи, — почтительно сказала она. — Это викарий.

— Спасибо, Джейн. Сейчас иду.

— А я, — прибавил сэр Эйлмер, огорченно фыркнув, — пойду поздороваюсь с этим чертовым Реджинальдом.

— Ты не забудешь, о чем просила Гермiona?

— Куда там! — мрачно отвечал баронет. Он не сомневался, что будущий зять — такой же хлыщ и кретин, как все нынешние, но из страха перед дочерью готов был ворковать, словно голубь, насколько это доступно человеку, способному в самом лучшем случае провозгласить воинственный тост.

Войдя в гостиную, он никого там не застал, но губернаторы умеют справляться с неожиданностями. Когда губернатор видит, что в гостиной нет гостя, он не гадает и не страдает, а набирает воздуха в легкие и кричит:

— РЕДЖИНАЛЬД!

Когда эхо затихло, сэру Эйлмеру показалось, что в музее кто-то ходит. И он пошел туда.

Действительно, там стояло что-то вроде Реджинальда. Представители двух поколений взглянули друг на друга, мало того — они друг друга рассмотрели и друг другу не понравились. Мартышка думал о том, что будущий тесть — не столько герой Диккенса, сколько самый неприятный из старых хрычей, которых он видел немало; тогда как сэр Эйлмер, окинув взглядом все, от лимонных волос до носков со стрелками, убедился в том, что будущий зять — именно хлыщ и кретин.

Однако он решил ворковать и ворковать стал.

— А, вот и вы! Реджинальд Твистлтон, если не ошибаюсь?

— Точно. Твистлтон. Реджинальд.

— Как поживаете? — взвыл сэр Эйлмер, словно лев, получивший в зад немного дробы, когда он пьет из озерца. — Рад видеть. Жена сейчас придет. Что вы тут делаете?

— Смотрю на эти... штуки.

— Коллекция. Цены ей нет.

— Правда? Нет цены?

— Она уникальна. Собирал десять лет. Вы интересуетесь Африкой?

— Да, да! Ужасно.

Усы зашевелились. Видимо, сэр Эйлмер улыбнулся. Зарождалась одна из прекрасных дружб — но тут хозяин музея увидел глиняные черепки, и улыбка сменилась исключительно жуткой гримасой, а Мартышка ощутил, что из него выскабливают внутренности совком или даже лопатой.

— А, х-р-р! — вскричал баронет, возможно, вызывая к африканскому богу. — Как?.. Что?.. Это вы?

— Я-а-а, — проблеял Мартышка, стоя на одной ноге. — Простите, пожалуйста.

Сэр Эйлмер — не без оснований — указал на то, что надо было думать раньше, и Мартышка с ним согласился, после чего нервно хихикнул.

Нервное хихиканье раздражает многих, в том числе сэра Эйлмера. В былое время он нередко напоминал об этом адъютантам. Даже мысль о Гермione не помешала ему издать рык, по сравнению с которым все прежние и впрямь казались воркованьем. Опустившись на четвереньки, он стоял над осколками, словно Марий на развалинах Карфагена, бормоча что-то в усы о кретинах и хлыщах. Мартышка понял не все, но вполне достаточно.

Именно поэтому он побледнел, судорожно сглотнул и покрылся липким потом, словно попал в турецкую баню для человеческой души. Гувернантки в раннем детстве, учителя — в позднем не слишком высоко ставили его ум, новее же он догадался, что очаровать родителей невесты ему, скорей всего, не удалось.

Когда сэр Эйлмер поднялся и сообщил, что штука — жемчужина музея, с которой он не расстался бы ни за какие деньги, хоть бы его молили на коленях,

послышался свист, словно некое тело быстро разрезало воздух, — и мгновение спустя в залу влетела хозяйка.

Только Шерлок Холмс угадал бы, что викарий сообщил ей по телефону о болезни своего помощника (корь); но и доктор Ватсон понял бы, что она расстроена, а потому, при всей своей учтивости, не замечает гостя, стоящего уже на другой ноге.

— Эйлмер! — воскликнула она.

— Что?

— Эйлмер!.. Викарий!..

— ЧТО-О-О?

— Викарий говорит, мистер Другг заболел корью.

— Какой еще друг?

— Его помощник. Такой милый, прыщавый. Заразился, теперь некому судить детей.

— Каких детей?

— Конкурс. На празднике.

Позволим себе небольшое отступление. Во владениях сэра Эйлмера каждый год устраивали праздник, где собирался самый цвет сельского общества. Соревнования в беге, местные танцы, детский конкурс красоты, чай с бесконечным множеством булочек под большим тентом — словом, представьте себе дерби, прием в королевском дворце и пир Валтасара.

Представив, вы поймете, почему огорчилась леди Босток. Можно сравнить ее с антрепренером, у которого за два дня до премьеры заболела звезда, или с генералом, чей лучший полк накануне битвы поголовно схватил радикулит.

— Это ужасно, — продолжала леди Восток. — Я просто не знаю, кем его заменить.

Сэр Эйлмер, почуяв опасность, сказал, что он никого судить не будет, и жена заверила его, что об этом не помышляла.

— Но кого-то найти надо, — сказала она, в полном отчаянии обведя глазами залу, как вдруг заметила гостя, стоявшего снова на той, первой ноге, и спросила его:

— Вы Реджинальд?

Предыдущая беседа с сэром Эйлмером довела Мартышку до такого состояния, что он и сам не знал, Реджинальд он или нет. Вообще-то, она права, скорее всего — он Реджинальд, но не опасно ли это?

Тем не менее он признался.

— Как я рада! — взывала леди Босток, словно душа в чистилище. Трудно ответить на эти слова. «Да» — нелогично, «Хо-хо!» — фамильярно: и, не додумавшись до «И я очень рад». Мартышка снова хихикнул.

Взор хозяйки засветился безумным огнем.

— Вы не бывали судьей на детских конкурсах? — спросила она.

— Кто, я? — ответил Мартышка.

Именно тут ангел, прикинувшись сэром Эйлмером, спас его от страшной беды.

— Зачем он тебе? — спросил ангел. — Я знаю, кто здесь нужен.

Трудно передать, как далек был Мартышка от желания расцеловать будущего тестя, но тут расстояние сократилось. Что до сэра Эйлмера, вы легко вообразите его, если видели корсиканца, которому представилась возможность осуществить кровную месть. Глаза светились тем странным, почти неземным светом, каким светятся они у дядей, воздающих должное племяннику.

— Я знаю, кто здесь нужен, — повторил он. — Уильям.

— Уильям?

— Уильям, — еще раз произнес баронет, смакуя это имя, словно очень хороший портвейн.

Леди Босток удивилась:

— Ты пойми, дорогой... Он... как бы это сказать... совершенно не...

— Уильям.

— Да он откажется!

— Уильям.

— Он такой застенчивый.

— Уильям. Не спорь со мной, Эмили. Не моргай, не сопи. Судить этих деток будет Уильям. Может быть, пожалеет, что проехал станцию и надрался у Икенхема.

Леди Босток вздохнула. Рефлекс покорности возник давно, еще у алтаря.

— Хорошо, дорогой.

— Передай ему, когда увидишь. А сейчас ты идешь к викарию? Я тебя подвезу. Пошли.

Супруги вышли в сад, он — впереди, она — сзади. Мартышка, вытерев лоб носовым платком в тон носкам и галстуку, последовал за ними. Ему хотелось вздохнуть. Это бывало у туземных вождей после беседы с губернатором о недоплаченных налогах.

Чистый хемпширский бриз творит чудеса. Мартышка пошел обратно в дом. Как и многим до него, ему захотелось снова взглянуть на экспонаты, словно бы проверяя, настолько ли они мерзки. Когда он уже входил в стеклянную дверь, румяный полисмен, неспешно проезжавший мимо на велосипеде, воскликнул: «Эй!» и, сверкнув глазами, воинственно выпятил подбородок.

Звали его Гарольд Поттер, раздумываясь он от жары, а задумался поначалу, ибо мечтал об Элзи Вин, здешней горничной, своей невесте.

К ней он, собственно, и ехал, размышляя о любви, пока не увидел беспорядок. Ромео мигом превратился в бессонного стража, воплощавшего в этом селении всю силу закона. Велосипед обрел неожиданную прыть.

Вот почему Мартышка, убедившись, что экспонаты именно так мерзки, как ему и показалось, услышал за спиной взволнованное дыхание. Он обернулся и увидел огромного полисмена с рыжими усами.

— Ой! — воскликнул он.

— Эй! — воскликнул Поттер, словно эхо в швейцарских Альпах.

3 Мы не станем вас убеждать, что положение было легким. Оно восхитило бы лорда Икенхема, который не любил монотонного течения жизни, но племянник его задрожал с головы до ног.

В отличие от собратьев по клубу, легко подкупавших стражей порядка, а во время регаты воровавших у них шлемы, Мартышка боялся полисменов. Потому он и вспоминал с такой скорбью собачьи бега, где страж, удивительно похожий на нынешнего, держал его за шкуру и рекомендовал не рыпаться.

Сейчас он слабо улыбнулся и произнес:

— Здравствуйте...

— Здравсья, — холодно ответил Поттер. — Что тут такое?

— Где?

— Тут. Что вы делаете в чужом доме?

— Меня пригласили.

— Хо!

Мартышке показалось, что положение, и так нелегкое, становится все труднее. Поэтому он обрадовался, когда их рандеву нарушила коренастая, решительная

девица с голубыми глазами и вздернутым носом, судя по одежде — горничная. Она с интересом посмотрела на эту жанровую сцену.

— Гарольд, — сказала девица, — откуда ты взялся? А это еще кто?

— Неизвестный субъект, — отвечал ей Поттер. — Обнаружен в чужом доме.

Мартышка обиделся:

— Ну что вы заладили: «в чужом», «в чужом»! Меня пригласили. Дорогая... простите, не знаю, как вас зовут...

— Мисс Бин, моя невеста, — сообщил полисмен учтиво, но не радушно.

— Вот как? Поздравляю. Пип-пип!

— Пип-пип! — отвечала девица.

— Желаю счастья. Так вот, меня сюда пригласили. Я приехал на несколько дней. Моя фамилия Твистлтон, я — жених мисс Гермियोны. Конечно, вы обо мне слышали.

— Наша мисс, — согласилась девица, — выходит замуж за Твистлттона.

— Ну вот!

— Джейн слышала за обедом, что он приедет погостить. Гарольд, это он и есть.

— Молодец! — похвалил ее Мартышка, она ему вообще понравилась. — Именно. Я — это он. Прочитайте вот тут, на ярлычке: «Р. Г. Твистлтон». Черным по белому, один из самых почтенных портных.

— Может, это чужой пиджак, — не сдался Поттер.

Мартышка взглянул на него.

— Не шутите так, мой дорогой, — посоветовал он. — Вот что, позвоните викарию, там хозяйева, и спросите, видал меня сэръ Эйлмер или нет!

— А вы его видели?

— Конечно.

Констебля это убедило.

— Ну, ладно. Простите, служба.

— Ничего, ничего.

— Тогда до свидания. Элзи, чаем не напоишь?

Элзи Бин вздернула носик:

— Иди на кухню, бери сам. Там твоя сестрица. У кухарки.

Поттер задумался. Жажда и любовь разрывали его на части. С прискорбием сообщим, что победила жажда.

— Пойду, горло промочу, — сказал он и впрямь пошел.

Элзи проводила укоризненным взором синюю спину.

— Да уж, сестрица! — заметила она с такой горечью, что Мартышка подумал: «Дева в беде» — и, вытирая лоб, искоса взглянул на нее.

— Вам не нравится его сестра?

— Да уж, прямо скажем.

— Если они похожи, я вас понимаю. А что с ней такое?

Несмотря на многократные напоминания, Элзи Бин не обрела той сдержанности, какой отличается вышколенная служанка. Когда надо бы ответить вышестоящим: «Да, сэръ» или «Нет, мэм», она изливала душу; а уж теперь к тому же перед ней был гость.

— Вот что, — ответила она. — Из-за нее он никак не уйдет. Точит и точит: «Не уходи», «Не слушай эту Элзи». Никаких сил нету!

Мартышка сосредоточился.

— Сейчас, сейчас, — сказал он. — Я не все понял. Вы хотите, чтобы он ушел со службы?

— Ага.

— А сестра не хочет. Понятно. Чем же плоха его служба? — спросил он. Человек, служивший в суде, умеет задавать вопросы.

Элзи Бин, однако, вопросу удивилась.

— Как это чем? Да их все терпеть не могут! Если б я дома сказала, они бы так и сели. Брат в сентябре выходит, шутка ли! Мы из Боттлтон-Ист, — пояснила она.

Мартышка вдумчиво кивнул. Он все понял. Дочери Лондона, особенно столь оживленного района, как Боттлтон-Ист, претит союз с человеком, хватающим других за шкуру. Если же учесть несчастье с братом, можно легко представить, что множество дядюшек и кузенов сочтут такой союз пятном на семейном гербе.

— Понятно, — признал он. — А что он тогда будет делать? Работу найти нелегко.

— Купит кабачок, — объяснила Элзи. — У него есть триста фунтов. Выиграл в футбольное лото.

— Везет же людям!

— Только сестра мешает. Я все говорю: «Ну, Гарольд!», а он усы жует и молчит. Ничего, подождем, — философически прибавила она. — А это что на полу?

— Я тут уронил одну штуку.

— Хозяин знает?

— Как не знать! Поговорили...

— И он вам голову не отъел?

— Вроде бы собирался, но передумал. Трудный характер, а?

— Одно слово, титан, — сказала Элзи.

Мартышка вышел в холл. Экспонаты ему приелись, он хотел спокойно поразмыслить. Ему было приятно, что мнение о сэре Эйлмере подтвердила девица, хорошо знакомая с ним.

Титан? Не без того. К деспотичным людям Мартышка относился примерно так, как жители Боттлтон-Ист — к служителям закона. Он и боялся их, и недолюбливал. Видимо, союз с Гермियोной труднее, чем ему казалось.

— А хозяйка? — поинтересовался он. — Вроде бы не людоед.

— Да, она получше, — согласилась Элзи Бин. — А лучше всех — мистер Уильям.

— Это еще кто?

— Их племянник, мистер Окшот.

— Ах да, забыл! Мы с ним дружили. Такой розовый.

— Красный, как кетчуп. Это он загорел, в Бразилии. Он мне сегодня рассказывал, там стреляют птиц ядовитыми стрелами.

— Ядовитыми?

— Ага. Из таких трубок.

При всей своей вежливости Мартышка молчать не мог. Он помнил «Юных исследователей Амазонки».

— Нет.

— А он говорит, да.

— Шутит. Отравленными стрелами они убивают родственников. Ну, подумайте! Зачем им эти птицы? Для еды. Значит, они сами отравятся. Съел — и крышка. Они, конечно, идиоты, но не такие же! Птиц они стреляют так: делают рогатку, — он вынул носовой платок и завязал петлей, — берут камень, — он взял пресс-папье, — крутят над головой... Ой, господи!

Раздался треск, и что-то забелело на полу, у другой стены.

— Вот это да! — восхитилась Элзи. — Все переломали. Ну, хозяин вам покажет! Мартышка в третий раз покрылся липким потом.

— А что это? — робко спросил он.

— Фигура, называется бюст. Любит он ее — у-ух! Как-то я тут прибирала, а он и пристал: «Осторожней! Смотрите не свалите!» Да-а...

Мартышка вспотел еще больше. Хороший стилист сказал бы, что капельки пота, словно жемчуг, украсили его лоб. Однако он и похолодел, словно воздушный пирог, у которого сверху — горячее суфле, а внутри — мороженое.

— Боже ты мой! — вскричал он. — Ну, я и влип! Скажите, Элзи, что мне делать?

Вероятно, Боттлтон-Ист рождает особенно мудрых женщин, а может — все они такие, но Элзи ответила:

— Значит, так. Тут темно, он близорукий, а очков не носит. Джейн слышала, он говорил: «В очках я глупо выгляжу». Езжайте в Лондон, купите бюст, суньте сюда. Он не заметит.

Мартышка не сразу уследил за ходом ее мысли, но, уследив, восхитился. Вот он, выход! Собственно, и ехать не надо — бюст есть в Икенхеме. Вчера, за обедом, рассказывая о Салли, дядя показал на него, а он, Мартышка — что за ирония судьбы! — едва взглянул. Сейчас он взглянет будь здоров, это уж точно.

Прикинем: до Икенхема — двенадцать миль, это минуты три с небольшим. Да, до возвращения хозяев обернуться можно.

— И верно! — сказал он, улыбаясь мудрой Элзи. — Пойду выведу машину.

Элзи это одобрила.

— А вы тут приберите, ладно?

— Ага.

— Молодец. Красота! — совсем развеселился Мартышка, убегая к гаражу.

Когда он отъезжал, Элзи Бин, прибравшая обломки, стояла на ступенях, у входа. Мартышка ощутил укор совести.

— Э-э, — сказал он, — спасибо вам большое. Вы меня прямо спасли. Этот Джек Потрошитель съел бы меня и не поморщился.

Элзи заверила, что рада служить. Мартышка пожал ей руку.

— Спасли и спасли, я б совсем пропал, — пояснил он, и как-то вышло, что после этого оставалось по-братски ее поцеловать. Так он и сделал, а Билл Окшот, огибая угол (он много гулял, чтобы заглушить душевные муки), видел все, с начала до конца.

Мартышка впорхнул в машину. Билл глядел на него.

— Это не мистер Твистлтон? — проверил он у Элзи, хотя люди этого типа меняются мало.

— Он самый, — отвечала она, не ведая о буре в его душе, ибо в Боттлтон-Ист все целуют друг друга, как ранние христиане. — Он говорит, вы шутили.

— Когда?

— Насчет птиц. Они их стреляют из рогатки, а из трубки — родственников.

Но Билл не слышал ее. Он думал о Мартышке. Вот кому, думал он, вручила свою судьбу Гермiona! Распутнику, Дон Жуану, который начал свои бесчинства в танцклассе, а теперь целует горничных. Как прав был Икенхем с этим леопардом! Но тот не может, а этот не хочет избавиться от пятен.

— Куда он поехал? — спросил Билл.

— В Лондон.

— Да он только приехал!

— Ага.

— И уехал?

— Ага.

— А зачем?

Элзи была хорошим, осторожным сообщником.

— Не знаю. Взял и поехал.

Билл глубоко вздохнул, думая о том, что приятель его лишился последнего разума. Раскуривая трубку, он страдал. Здоровый распутник — это плохо, сумасшедший — еще хуже.

Глава 4

Ровно без четверти восемь, искупавшись и переодевшись в клубе, лорд Икенхем прибыл в Челси, на Бадж-стрит, чтобы повести в ресторан Салли Пейнтер.

Улица эта, в самом центре артистического квартала, темна, грязна и неприятна. Обитатели ее много читают и часто едят фрукты, ибо у тротуаров трепещут газеты, а в канавах лежат шкурки от бананов, сердцевинки от яблок, косточки от слив и хвостики от ягод. Кошки здесь — жилистые, могучие, и вид у них такой, словно они только что видели, а то и совершили убийство в самом жутком стиле.

Естественно, элегантный граф оживил неприютность этих мест, внеся самый дух фешенебельных бегов, когда разыгрывается кубок. Вскоре он получил подкрепление — из-за угла вынырнула девушка в бежевом, тоже напомнившая о бегах. Даже споря о том, какого оттенка похожий на него кролик, Мартышка не стал бы отрицать, что Салли Пейнтер прелестна, — не только хороша, но так изящна, что и этого бы хватило.

Лорду Икенхему она напомнила легкую душу лета. Увидев, как она остановилась, чтобы погладить кошку, а кошка тут же стала возвышенной и добрее, граф совсем растрогался.

Тем временем Салли, словно Коломбина, бросилась в его объятия.

— Я вас не задержала, дядя Фред? — спросила она. — Пришлось повидаться с одним человеком, насчет бюста. Вы давно ждете?

— Нет, что ты! — отвечал граф, думая о том, что все только и занимаются бюстами.

Салли взяла его под руку и сказала:

— Как я рада вас видеть!

— Да, — согласился он, — видеть меня приятно.

— Спасибо, что пришли. Улизнули, а?

— Странные глаголы ты выбираешь.

— Разве тетя Джейн не говорила, что снимет с вас скальп?

— Припоминаю какую-то шутку, в игривом стиле. Зачем ей нужно, чтоб я уподобился овощу? Однако сейчас твоя названная тетя — на пути в Вест-Индию. Прекрасный случай расширить горизонты. И для нее, и для меня.

— Ах, дядя Фред!

— Что ж, ловим такси. А вот и оно! — заметил граф, когда они свернули за угол. — К «Баррибо», пожалуйста, — сказал он шоферу, и Салли закрыла глаза от счастья. При ее обедах чарует самое имя лучшего ресторана.

— Мы же не одеты! — заметила она, однако.

— Пойдем в гриль. Веч. кост. не обязат.

— А я прилично выгляжу?

— Еще бы! Елена после косметички.

Салли совсем расслабилась.

— Мы, графы, метим высоко, — заверил ее лорд Икенхем. — Самое лучшее — вот наш девиз.

— Хорошо быть графом?

— Нет слов. Иногда проснешься — и ахнешь: как только живут все прочие!

— Но вы знаете, что граф — паразит? Анахронизм, нарост на теле государства. Это Отис сказал. Он теперь вроде коммуниста.

— Вот как? Что ж, передай ему, я себя вешать не дам. Не любит графов?

— Недолюбливает. Говорит, они сосут кровь.

— Какой идиот, однако! А кровь сосем, ничего не попишешь. Для румянца. Правда, я взял свой титул горбом. Люди видят хлыща в короне, с пятью именами; а начинал я снизу. Много лет я был младшим сыном, вот как!

— Что ж вы раньше не сказали?

— Не смел. Подумай сама, в книге пэров есть — но мелким шрифтом!

— Я сейчас заплачу.

— Ничего не могу поделать. Ты знаешь, как живут младшие сыновья? Хуже собак. Они садятся за стол после вице-канцлера Ланкастерского палатината.

— Дядя, миленький, все позади!

— Одно утешение: могут присутствовать в палате лордов, когда идут дебаты. А я и того не мог — клеймил коров в Аризоне.

— Я не знала, что вы клеймили коров.

— Сотнями. У меня был прекрасный удар — точно, метко, как мул копытом. Кроме того, я торговал газированной водой, служил в газете, где и познакомился с твоим папой, хотел обосноваться в Калифорнии. Но был ли я счастлив? Нет. Глубину души, словно кислота, разъедала мысль о том, что я ниже этого вице-канцлера. В конце концов, упорным трудом я добился нынешней славы. Хотел бы я видеть, как вице-канцлер Ланкастерского палатината полезет впереди меня!

— Прямо Горацио Олджер ...

— Да, очень похоже. Но я тебя утомил. Мы, графы, любим вспоминать годы лишений. Расскажи-ка о себе.

— Ну, за стол я все еще сажусь после издательниц модного журнала, а так — ничего.

— Работа есть?

— Бывает.

Машина подкатила к отелю «Баррибо», и они вошли в ресторан. Когда они сели за столик, Салли вздохнула.

— Какая красота! — сказала она.

— Хочешь есть?

— Я всегда хочу.

Лорд Икенхем тревожно посмотрел на нее.

— Ты уверена, — спросил он, — что дела идут неплохо?

— Конечно. Так и пеку эти бюсты. Просто удивительно, сколько народу хочет запечатлеть свои непривлекательные лица.

— Не врешь?

— Нет, правда. Денег хватает.

— Почему же ты послала SOS? Почему подчеркнула «очень»? Какие такие дела?

Салли помолчала, но лишь потому, что сосредоточилась на икре.

— Это, — наконец сказала она, — насчет Отиса.

— Ой!

— Да. Вы уж простите.

— Опять твой Отис! Почему это у самых милых девушек самые противные братья? Видимо, закон природы. Ну, что с ним?

— Позже объясню. Попросите Мартышку сделать для меня кое-что.

— Мартышку?

— Я сама не могу.

Чуткий граф заметил, что голос ее изменился, и, перегнувшись через стол, погладил ей руку:

— Какое безобразие, а?

Салли кивнула. Они помолчали. Лорду Икенхему казалось, что спутница его заплачет. Дяди редко понимают, как их племянники сумели кого-то очаровать. Не понимал и граф, однако видел, что утрата проделала большую дыру в сердце прелестной девушки. Она так явно страдала, что он обрадовался, когда официант снял напряжение, поскольку принес *truite bleu*.

— Расскажи, что там с Отисом, — попросил граф.

Салли криво улыбнулась:

— Не надо, дядя Фред. Я могу говорить про Мартышку. Во всяком случае... Нет, могу. Вы давно его видели?

— Он у меня был. Вчера приехал, сегодня уехал.

— Как он выглядит?

— Прилично.

— Обо мне вспоминал?

— Да. А когда я стал его ругать, рассказал все.

— Что я хотела ему подсунуть камушки Элис Ванситтер?

— Именно.

— Оказалось, что это не нужно.

— Божественная Элис решила заплатить пошлину?

— Нет. Я придумала лучший способ. Красота, а не способ! Элис в полном восторге.

Такая дерзновенность понравилась лорду Икенхему. Салли явно не хотела плакать. В глазах ее появился тот блеск, который пугал Мартышку, когда он видел его у дяди.

— В восторге?

— Прыгала от радости.

— Надеюсь, ты знаешь, что нельзя обманывать таможеню?

— Да, и очень страдаю.

— Ничего не поделаешь. Значит, вам с Мартышкой незачем было ссориться?

— Конечно, незачем.

— Он слишком серьезно отнесся к твоим словам. Джейн шесть раз ссорилась со мной до свадьбы, а я не отчаивался.

— Надо было помнить, какой Мартышка серьезный.

— Святой человек. Но глуп.

— А теперь он женится на этой Гермионе! Вы с ней знакомы?

— Нет. Фотографию видел.

— Я тоже. В «Тэтлере». Очень красивая.

— Если кто любит этот тип красоты.

— Мартышка любит.

— Вероятно. Можно сказать, сейчас он под парами. Но подожди, он очнется.

Горькое пробуждение...

— Откуда вы знаете? Вы же только видели фото.

— И достаточно. Она ему покажет!

— Бедный, бедный!

Они опять помолчали.

— О чем же ты хочешь попросить? — осведомился граф. — Сделает он все, что угодно. Он очень любит тебя, Салли.

— Ну, что вы!

— Любит. Сам сказал.

Ее лицо озарилось такой улыбкой, что официант чуть не уронил тушеных цыплят.

— Сказал?

— И заметь, он послал тебе заказчика, сэра Эйлмера.

— Это от Мартышки? Как мило с его стороны. — Салли мягко вздохнула. —

Жаль, что из-за этого бюста начались беды у Отиса.

— А что такое?

— Начнем с того, что сэр мне позировал.

— Естественно.

— Мы болтали о том о сем.

— Блестящие беседы?

— Не очень. Он описывал, насколько лучше его прежний бюст.

— Знаю. Стоит у него в поместье. Вернее, стоял.

— Откуда вы знаете?

— Подожди. Я еще расскажу мою историю. Сейчас — твоя очередь. Итак, вы болтали, но без особого блеска.

— Да. Однако он сказал очень интересную вещь. Он написал мемуары и готов заплатить за издание. А я подумала: «Как раз для Отиса».

— Так, так... Отис взял и все перепутал?

— Именно. Туда вклеили картинки из другой книги, о современном искусстве. Сэру Эйлмеру они не понравились, особенно ню с подписью «Сэр Эйлмер Босток в двадцать лет». Я ничего не знала, и вдруг он вернул мне бюст. Привезла сама леди Босток. А теперь он подает в суд на Отиса. Если он выиграет, издательство просто рухнет. До чего же неприятно!..

— Отис как вылитый.

— Он такой мечтательный.

— Он жуткий. Вероятно, ты дала ему денег, когда он начинал это все?

— Вообще-то, да.

— О господи! Ну, Салли, не хочу тебя огорчать, но Босток дело выиграет.

— Если дойдет до суда. Я и хочу попросить Мартышку, чтоб он уговорил сэра Эйлмера.

— Хорошо бы. Но как он относится к Мартышке?

— Я думаю, он его полюбил.

— А я-не думаю. Все бюсты, бюсты... Странно, что ваши дела с ними связаны.

И Отис, на которого мне наплевать, и ты, моя дорогая, зависите от того, сумеет ли Мартышка скрыть следы. Жизнь сложна. Я бы сказал — причудлива.

— Дядя, я ничего не понимаю. Какие следы?

— Вот это и есть моя история. Ты сыта? Тогда пойдем, выпьем кофе в гостиной.

Да, — продолжал лорд Икенхем, когда они опустились в глубокие кресла, — именно причудлива. Мартышка был у меня, я уже говорил.

— Говорили.

— А сегодня, после завтрака, уехал в Эшенден, чтобы очаровать хозяев. Я думал было, неделю его не увижу, но ошибся. Через два часа он приехал, трепыхаясь, как кошка на горячей плите.

— Почему?

— Потому что он решил показать служанке, как убивают птиц бразильские аборигены, и разбил тот самый бюст, о котором ты упоминала.

— О-ой!

— И ты уподобляешься кошке?

— Конечно! Разве вы не понимаете? Сэр Эйлмер души не чает в этом бюсте. Он рассердится на Мартышку.

— А Мартышка не сможет просить за Отиса? Да, весьма вероятно. Но не волнуйся, все обойдется. Он снова приехал ко мне, чтобы взять другой бюст, твой.

— Как умно!

— Для Мартышки — даже слишком. Видимо, служанка подсказала. Помню, на собачьих бегах никак не мог назвать себя. «Тви...», «Твист...» — спасибо, я прошептал: «Эдвин Смит, Ист-Далидж, Настурциум-роуд, 11».

— А вы кем были?

— Джорджем Робинсоном, дом 14. Да, скорее всего — служанка. В общем, я дал ему бюст, и он уехал. Не знаю, что было дальше, но склонен к оптимизму. Он говорит, в том углу темно, и вряд ли Балбес туда заходит. Бросит взгляд, белеет что-то — и ладно.

— Почему вы зовете его Балбесом?

— Его вся школа так звала.

— Вы вместе учились?

— Да.

— Тогда, может, вы похлопчете?

— Нет. Недавно я говорил его племяннику, что дал ему шесть раз по заду крикетной битой. Пусть Мартышка хлопчет.

— Если замел следы.

— Замел, замел. Он говорит, у Балбеса плохо с глазами, а очки не носит. Что же до служанки, она человек верный.

— Как вы умеете утешить, дядя Фред!

— Стараюсь, дорогая, стараюсь. Сладость и свет — мой девиз.

— Хорошо, что у вас был этот бюст.

— Исключительная удача. Вообще у нас бюстов мало. Статуи — есть, Венеру — пожалуйста, дедушка их очень любил. «Дом — это не дом без доброй старой Венеры», — говорил он, поглаживая баки. Вот и получилось, что иногда кажется, будто ты зашел в турецкую баню в женский день. А бюстов — нет. Мы. Икенхемы, их не держим. Если бы ты, по велению Промысла, не оставила...

Из кресла в этой гостиной выскочить трудно, но Салли выскочила.

— Дядя Фред! — вскричала она. — Он взял этот бюст?

— Конечно. А что такого?

Салли опустилась в кресло и глухо прошептала:

— В нем — те камушки.

— О господи!

— Да. Я их туда сунула, Элис должна была забрать. Это и есть лучший способ.

— Ну, знаешь! — сказал лорд Икенхем.

Они помолчали еще раз. Никто не назвал бы пятого графа ненаходчивым, но

тут он растерялся. Он крутил усы, он скреб подбородок, он барабанил пальцами по ручке кресла, но вдохновения не обретал. Наконец он поднялся на ноги.

— Что ж, дорогая, — сказал он, — вины за собой я не чувствую. Стоит ли говорить, что хотел я сделать как лучше? Сейчас нужно не блеять, а придумать выход. Наверное, воздух поможет.

Он прошел сквозь вращающуюся дверь, склонив голову, сцепив за спиной руки. Вернулся он минут через пять, совсем иной.

— Все в порядке, моя дорогая, — сказал он. — Балбес вернул тебе бюст? Он в мастерской?

— Да.

— Так, так. Заберем и отвезем завтра в Эшенден. Там я его подменю.

— Но...

— Никаких «но»!

— Как же?..

— И никаких «как же». Именно это говорили Колумбу и остались в дураках. Не ломай себе голову, доверься мне. Езжай домой, уложи вещи, выспись как следует, а я обдумаю кое-какие частности. Еще кофе? Нет? Тогда идем. Ах, хорошо! Чего-нибудь такого я и ждал, а то заkis, старею. Сейчас я чувствую себя как тогда, когда мы с Мартышкой ездили в Бландинг в облике психиатров. Он тебе рассказывал?

— Нет.

— Странно. Я думал, он вспоминает об этом с нежностью. Завтра расскажу, в дороге. До свидания, дорогая, — закончил граф, усаживая Салли в такси. — Выспись получше, не волнуйся. Положись на меня. В таких ситуациях я проявляю лучшие свои качества. А лучшие качества Фредерика Алтамонта Корнуоллиса Твистлтона, пятого графа Икенхемского — это тебе не кот начхал.

Часть вторая

Глава 5

Если погода к тому располагала, у леди Босток вошло в обычай сидеть после ленча в шезлонге на террасе и вязать носки для достойных бедняков. Как и лорд Икенхем, она любила дарить радость и свет, но думала при этом — быть может, резонно, — что носок-другой внесет их в безрадостную жизнь.

Назавтра после вышеописанных событий погода была прекрасная. Небо сияло синевой, озеро сверкало серебром, клумбы источали жужжание пчел и благоухание лаванды. Словом, день был из тех, что веселят сердце, поднимают дух и побуждают пересчитать по одному дары божьи.

Леди Босток их пересчитала и осталась довольна. Хорошо вернуться домой, хотя вообще-то она не очень любила сельскую жизнь; хорошо съесть все то, что в порыве вдохновения приготовила кухарка; хорошо, наконец, видеть мужа в приличном, даже резвом настроении, поскольку судить младенцев будет не он, а Уильям. Сейчас сэръ Эйлмер пел в своем кабинете о том, что все его добро — копьё-о-о и щит из сыромятных кож, или, скажем точнее, ко-о-аж.

Что ж, прекрасно. И все же, несмотря на мастерство кухарки, резвость мужа и красоту дня, леди Босток страдала. Теперь, когда жизнь так сложна, а слепая судьба

одной рукой дает, другой — отнимает, нелегко найти вполне счастливого человека. В сладости есть горечь, и она играет первую скрипку.

Сурово, да, но цивилизация наша сама напросилась на такой приговор.

Сидя в шезлонге и накидывая петли, или что там делают женщины, когда вяжут, леди Босток вздыхала, размышляя о Салли Пейнтер.

Краткий визит произвел на чувствительную женщину большое впечатление. Она просто подъехала к дому, позвонила в дверь, отдала бюст консьержке (а может, служанке) и уехала; но этого хватило, чтобы узнать одно из тех мест, о которых мы читаем в романах. Именно так живут бедные художники, питаясь одной лишь надеждой. Как же радовалась мисс Пейнтер такому заказу, как горюет о его утрате!

Этими мыслями леди Босток поделилась с мужем, возвращаясь от викария, но он не без грубости их отверг. Примерная жена не судит свою половину, и все же сейчас, в одиночестве, она страдала.

— Неужели ничего нельзя сделать? — терзалась она, сравнивая недавнюю трапезу с сухой коркой, которую запивает водой бедная Салли. Уговаривать мужа бесполезно. А если послать денег, тайно, от себя?..

Тут размышления ее прервал, а муки — усугубил племянник, притопавший с трубкой на террасу. Она печально взглянула на него, чувствуя именно то, что чувствует мягкосердечный палач, когда ему по долгу службы пришлось удавить одалиску. Казалось, что она не забудет отчаяния и ужаса, искаживших темно-красное лицо. Следы этих чувств были еще видны.

— Вяжете, тетя Эмили? — мрачно осведомился он.

— Да, дорогой. Носок.

— Вот как? — глухо произнес он. — Носок? Это здорово.

Она осторожно коснулась его руки и попросила:

— Ты не мучайся, дорогой.

— Интересно, как? — ответил Билл. — Сколько их там?

— В прошлом году было сорок три.

— Сорок три!..

— Мужайся, мой дорогой! Если мистер Другг это делал, и ты сможешь.

Билл сразу увидел, в чем ее ошибка.

— Он священник. Их специально тренируют. Наверное, на куклах для чревовещателей. Сорок три? Ха-ха! Куда там, еще нарожали! Одно слово, кролики. Зачем я уехал из Бразилии?

— Уильям, мой дорогой...

— Да, зачем? Какая страна! Мухи, змеи, тарантулы, аллигаторы, скорпионы

— и ни единого младенца! Тетя Эмили, можно я кого-нибудь найду?

— Кого же?

— Да, найти трудно, — согласился Билл. — Мало таких дураков. Ну, я пошел, тетя Эмили. Когда ходишь — как-то полегче.

Он удалился, извергая дым, леди Босток — осталась и в такой скорби, что, как бы желая довести ее до предела, принялась думать о Мартышке.

Потенциальные тещи часто пугаются потенциального зятя. Леди Босток не была исключением. Увидев Мартышку, она совершенно растерялась, не в силах понять, почему ее дочь выбрала этого человека. Только безупречное воспитание мешало ей шлепнуть его носком для достойного бедняка.

Исследуя свои впечатления, она пришла к выводу, что нервный смешок, лимонные волосы и (время от времени) стеклянный взгляд — ничто перед исключительной прыгучестью.

Всего час назад, когда, выйдя из столовой, они оказались в холле, Эйлмер направился было к бюсту, чтобы смахнуть с него пыль носовым платком, а Реджинальд мягко, словно тигр, прыгнул ему наперерез.

Какой странный, однако! Быть может, он не совсем здоров? Быть может, его томит тайная вина?

При жаркой погоде такие мысли располагают ко сну, и глаза несчастной леди стали слипаться. Где-то урчала косилка. Западный ветер нежно ласкал лицо.

Недолгий сон прервали звуки такой силы, словно кто-то взорвал под шезлонгом добрую дозу тринитротолуола.

— ЭМИЛИ!

Сэр Эйлмер высовывался из окна:

— Э-МИ-ЛИ!

— Да, дорогой? — сказала леди Босток. — Да, дорогой?

— Иди сюда! — проревел сэр Эйлмер, словно боцман в бурю. — Скорей!

2 Когда леди Босток поспешала в кабинет, сердце ее билось болезненно и часто. Интонация криков предвещала безымянные беды, и, переступив порог, она поняла, что не ошиблась.

Лицо у сэра Эйлмера было синее, усы — ходили и плясали. Такого она не помнила с тех давних пор, когда самый юный из адъютантов, нервно играя щипцами, отбил ножку у любимого бокала.

Сэр Эйлмер был не один. В углу, в почтительном отдалении, находился Гарольд Поттер, похожий, как все констебли, на хорошо набитое чучело. Леди Босток растерянно посмотрела на одного и на другого.

— Эйлмер, — вскричала она, — в чем дело?

Муж ее, человек искренний, не скрывал плохих новостей.

— Эмили, — сказал он, — тут заговор.

— Что, дорогой?

— ЗА-ГО-ВОР. Ты знаешь Поттера?

Леди Босток Поттера знала.

— Здравствуйте, Поттер, — сказала она.

— Доброго здоровья, миледи, — отвечал Поттер, обмякнув на мгновение учтивости ради и снова обращаясь в чучело.

— Поттер, — сообщил сэр Эйлмер, — рассказал мне странную историю. Эй, вы!

— Сэр?

— Расскажите миледи.

— Хорошо, сэр.

— Это про Реджинальда, — объяснил сэр Эйлмер, чтобы расшевелить аудиторию. — Точнее, — поправился он, — про мнимого Реджинальда.

Глаза у леди Босток увеличились, сколько могли, но тут они еще и вылезли.

— Мнимого?

— Да.

— В каком смысле?

— В прямом. Это самозванец. Я его сразу заподозрил. Смотрит как-то так... уклончиво. Хихикает. Преступный тип. Поттер!

— Сэр?

— Рассказывайте.

— Хорошо, сэр.

Констебль выступил вперед. Глаза его остекленели, как стекленели они, когда он давал показания в суде. Глядел он вверх, словно обращаясь к бесплотному духу,

парившему над головами с невидимым блокнотом.

— Шестнадцатого числа текуще...

— Вчера, — уточнил сэр Эйлмер.

— Вчера, — согласился констебль, — то есть шестнадцатого числа текущего месяца, я проезжал на велосипеде мимо вашего дома и заметил, что туда лезет подозрительный субъект.

— В мой музей, — прибавил сэр Эйлмер.

— В музей, принадлежащий сэру Эйлмеру. Я немедленно задержал и допросил подозреваемого. Он назвался Твистлтоном и сообщил, что у вас гостит.

— Так и есть, — вставила леди Босток.

Муж ее властно махнул рукой.

— Тихо, тихо, тихо, тихо, ТИХО! — сказал он. — Слушай.

Он вздул усы. Жена его, опустившись в кресло, замахала местным журналом. Констебль, снова обмякший на мгновение, остановил взгляд, вздернул подбородок и обратился к невидимому духу.

— Окончив допрос и установив личность, я удалился, оставив задержанного под присмотром служанки, которая помогла мне... — он поискал слово, — установить личность. Однако...

— Слушай, слушай!

— Однако я не был удовлетворен. А почему? — перешел констебль на разговорный язык. — Вроде бы лицо знакомое. Думаю, гадаю — никак! Сами знаете, бывает. И главное, фамилия не та.

— Слушай! — вмешался сэр Эйлмер. — Ты что, СПИШЬ?!

— Нет, дорогой! — вскричала леди Босток, прикрывшая глаза, чтобы унять головную боль. — Что ты, дорогой!

— Поттер служил в лондонской полиции, — пояснил ей муж. — Курит он сегодня трубку...

— Сигарету, сэр, — почтительно поправил Поттер, знавший, как важны частности. — Такую, знаете...

— ...и вдруг вспоминает, — продолжал сэр Эйлмер, метнув в него грозный взгляд, — что видел этого субъекта на собачьих бегах. Что там он его арестовал, вместе с сообщником!

— Эйлмер!

— Кричи, кричи. У Поттера есть альбом с газетными вырезками, он собирает все свои дела. Так вот, он посмотрел и увидел, что фамилия этого типа — совсем не Твистлтон. а Смит. Эдвин Смит, Ист-Далидж, Настурциум-роуд, 11. Ну как, самозванец он или кто?

Поскольку у женщин нет усов, им нелегко в такие минуты. Леди Босток тяжело задышала, но это уже не то, выразительности меньше.

— Что же он у нас делает?

— Поттер считает, что его заслали на разведку. Видимо, так оно и есть. Шайки любят упростить себе дело. Зашлют кого-нибудь, он все разузнает, а потом — откроет окно. Ты спросишь, что им тут понадобилось? Это ясно. Моя коллекция. Где Поттер застал субъекта? В музее. Где застал его я? Опять же в музее. Так и тянет к экспонатам. Вы согласны, Поттер?

Недовольный тем, что его отодвинули на задний план, Поттер все же признал, что согласен. Леди Босток по-прежнему дышала.

— Это очень странно!

— Почему? Моим экспонатам нет цены.

— Я хочу сказать, страшно.
— Такие люди идут на риск. Идут они, Поттер?
— Идут, сэр.
— Истинные черти, а?
— Черти, сэр, — окончательно смирился констебль.
— Он знал, что мы ждем Реджинальда, — рассудила леди Босток. — Но он же мог с ним встретиться!
— Эмили, ты не ребенок. Шайка его устранила.
— Как это — устранила?
— Ну, как они устраняют? Ты что, не читаешь детективов?
Поттер увидел, что пришел его час.
— Звонят, миледи, и приглашают на старую мельницу, а там — запирают.
Или...

— ...подсыпают снотворного в виски и уносят на яхту, — перехватил инициативу сэр Эйлмер. — Методов — сотни. Скорее всего, Реджинальд лежит на раскладушке, с кляпом во рту. Где-нибудь в портовом районе. А, Поттер?

— Лежит, сэр. В районе, сэр.
— Или в трюме, плывет к Америке.
— Плывет, сэр.
— Очень возможно, — отрешенно прибавил сэр Эйлмер. — что его пытаются огнем. Поттер, я вас не держу. Пива хотите?
— Хочу, сэр, — отвечал констебль, на сей раз — с истинным пылом.
— Выпьете на кухне. А мы, — сказал баронет, когда дверь закрылась, — займемся делом.

— Каким, дорогой?
— Выведем на чистую воду этого субъекта.
— Эйлмер!..
— Что тебе?
— Может быть, ты ошибся?
— Не может.
— Ты подумай! Если он — Реджинальд, Гермiona нас загрызет.

3 Баронет заморгал, как заморгал бы рыцарь, который скачет в бой и налетает на дерево. Африканские вожди, трепетавшие, как серны, при мановении его усов, удивились бы такой слабости в том, кто неподвластен человеческому чувству, — и ошиблись бы. Гермionу он боялся.

— М-да, — задумчиво сказал он. — М-да, я тебя понимаю.
— Она рассердится.
— М-да...
— Просто не знаю, что и думать, — развернула мысль леди Босток. — Поттер очень хорошо рассказывал, но мог и ошибиться. Вдруг это — Реджинальд?
— Наверяд ли.
— Да, дорогой, ты прав. Я и сама заметила, он какой-то странный. Пугается, что ли. Но...

Сэру Эйлмеру пришла в голову блистательная мысль.
— Разве Гермiona его не описывала?
— Конечно, мой дорогой. Я совсем забыла! Письмо — в моем столе, сейчас принесу.
— Ну что? — спросил баронет через минуту-другую.
— Вот, пожалуйста, — отвечала жена. — Высокий, стройный, с большими

сияющими глазами.

— А, что я говорил! Сияют у него глаза?

— Не сияют?

— Нет. Одно слово, яйца всмятку. Еще что?

— Он очень остроумный.

— Видишь!

— О!

— Что такое?

— Уильям знает его с детства.

— Вот как? Тогда зовем Уильяма. Где он? Уильям! УИЛЬЯМ! У-ИЛЬ-ЯМИ!

Такие вопли редко пропадают втуне. Билл Окшот, кутивший на террасе, размышляя при этом о своих горестях, влетел в комнату, словно его потянули за веревку.

Он понадеялся было (или испугался), что дядя — при смерти, но быстро понял, что это не так.

— А, что? — спросил он.

— Пришел наконец! — сказал сэр Эйлмер. — Как насчет этого субъекта?

— Какого?

— Который выдает себя за Твистлтона.

— В каком смысле «как насчет»?

— Господи! Ясно тебе сказано: «Как насчет субъекта?»

— Мы очень расстроены, Уильям, — объяснила леди Босток. — Дядя думает, что этот человек — обманщик, самозванец.

— С чего это вы взяли?

— Не важно! — рявкнул сэр Эйлмер. — Ты его знал?

— Да.

— Так, хорошо. А вчера — узнал? — Ну, естественно.

— Не отмахивайся. «Естественно», видите ли! Когда вы виделись в последний раз?

— Лет двенадцать назад.

— Как же ты его узнал?

— Он такой самый. Подросток, а так — такой же.

— Вы вспоминали прошлое?

— Нет, не вспоминали.

— Вот! Пожалуйста!

— Да он отзывается на Мартышку!

Сэр Эйлмер звучно хмыкнул.

— Еще бы! Что ж, ты думаешь, у самозванца не хватит на это ума? В общем, толку от тебя нет.

— Извини!

— При чем тут «извини»? Ничего, я сам разберусь. Поеду к Икенхему, у старого психа должны быть его портреты, как-никак — племянник. Погляжу. Сверю.

— Как ты хорошо придумал, мой дорогой!

— Да, неплохо, — согласился сэр Эйлмер. — Просто осенило.

Он вылетел из комнаты, словно его метнула рука бразильского туземца. Пробегая через холл, он взглянул на Мартышку, который, словно убийца, вернулся на место преступления, в сотый раз вопрошая себя, сойдет или не сойдет.

— Ха! — заметил сэр Эйлмер.

— А, здравствуйте, — отвечал Мартышка, слабо улыбаясь.

Баронет посмотрел на него тем самым взглядом, каким смотрят на самозванцев, особенно если те пойманы на месте. Да, убедился он, вид у субъекта виноватый, мало того, подозрительный.

— Ха! — повторил он на бегу, устремляясь к своей машине.

Через несколько минут, нетерпеливо вырулив на дорогу, он повстречал другую машину. За рулем сидел лорд Икенхем, рядом — Салли.

Глава 6

Лорд Икенхем зорко взглянул на изгиб дороги и беспечно покрутил ус. Вид у него был такой, словно он едет на пикник. Он хорошо выспался, хорошо позавтракал и просто светился радостью. Одно выражение неплохо опишет предприимчивого пэра: как огурчик. Мы можем осуждать его методы, можем и качать головой, но не вправе отрицать сходства с этим овощем.

— Здесь? — спросил он спутницу.

— Здесь.

— Как ты уверенно отвечаешь!

— Я тут была, лепила этот бюст.

— Балбес не ездил к тебе в мастерскую?

— Конечно, нет. Вельможные особы не ездят к скромным скульпторам.

Лорд Икенхем ее понял.

— И то правда, — сказал он. — Никак не привыкну, что Балбес — большая шишка. Для меня он — мордатый подросток, который перегнулся через стул, чтобы удобней было его бить. И я бил, страдая не меньше, чем он. Кстати, не верь, я искренне радовался. Да, все становятся старше, и это странно. Себя я чувствую двадцатилетним, а что до Мартышки, понять не могу, что он женится. Так и вижу его в матросском костюме.

— Какая прелесть!

— Нет. Мерзость. Матлот из оперетты. Но хватит о нем. Пришло время обсудить и стратегию, и тактику.

Голос его обрел ту звонкую легкость, которой боялся племянник.

— Стратегию и тактику, — повторил он. — Вот — дом. Вот — бюст. Надо соединить их, что я сейчас и сделаю. А?

— Я квакнула. Хотела спросить: «Как», но вспомнила про Колумба.

Граф удивился.

— Дорогая моя, неужели ты беспокоишься из-за такой чепухи? Поверь, есть тысячи способов. Если я опушу усы, вот так, похож я на слесаря?

— Нет.

— А если подниму, похож на репортера сельскохозяйственной газеты?

— Ни в малейшей степени.

— Так, так, так... Интересно, есть у Балбеса попугай?

— Нету. А что?

— Неужели Мартышка не рассказывал, что было на Мэйфкинг-роуд?

— Нет. Что же там было?

— Там был небольшой коттедж, укрепленный, словно замок, неприступные «Кедры». Но я проник в него с поразительной легкостью. Вот я — за оградой, вот — в гостиной, сушу ноги у газового камина. Служанке я сказал, что мы пришли подстричь попугая когти. Я — хирург, Мартышка — мой ассистент, дает наркоз. Как же это он не рассказывал? Мне не нравится такая скрытность, есть в ней что-то болезненное.

Да, хирург для попугаев мне особенно удался. Жаль, что у Балбеса их нет. Хотя это естественно — попугаев держат хорошие, добрые люди. Ну, как-нибудь войду.

— А потом?

— Это легче легкого. Прячу бюст под полкой, завожу разговор с Балбесом и вдруг говорю: «Эй, что там?» Он оглядывается, я ставлю бюст. Пошли!

— Подождите, дядя Фред, — сказала Салли.

— Ждать, в такие минуты? Икенхемы не ждут.

— Пусть учатся. У меня план лучше.

— Лучше моего?

— Несравненно. И проще, и разумней.

Пятый граф пожал плечами.

— Что ж, послушаем, — сказал он. — Вряд ли он мне понравится.

— Это и не нужно. Вы сидите в машине...

— Ерунда!

— ...а я отношу бюст.

— Смешно!

— Попытаюсь пройти незаметно, — продолжала Салли. — Но если меня заметят, я все объясню. Историю я придумала, а вы — нет.

— Я могу придумать двадцать историй, одна другой лучше.

— Одна другой безумней. Моя история очень хороша. Я пришла повидать сэра Эйлмера.

— Говори: «Балбеса», это мягче.

— Не буду. Итак, повидать сэра Эйлмера и умолить его, чтобы он взял бюст.

— Чепуха какая-то!

— Могу и поплакать.

— Что за чушь! Где твое достоинство?

— В самом худшем случае он меня выгонит.

— А тогда, — просиял граф, — мы начнем все снова, передоверив дело тем, кто мудрее и старше. Что ж, дерзай. Мне твой план не нравится. Он бесцветен. И вообще, как это можно, где я? Ладно, действуй. Посижу, поскучаю.

Раскурив сигару, он смотрел, как она идет к дому. Исчезая за поворотом, она помахала ему рукой, и он помахал ей с большой нежностью. «Какая девушка!

— думал он. — Старая добрая Салли...»

Лорд Икенхем прожил в Америке лет двадцать, приобрел много друзей, но больше их всех любил беспечного и бедного художника Джорджа Пейнтера. Любил он и его дочь. Она воплощала ту самую разновидность девушек, которую Америка производит в изобилии, одаряя их серьезностью, весельем и почти икенхемовской легкостью. Скажем, как хорошо она справилась с собой, когда он так огорчил ее в гостинной отеля. Не плакала, не ломала рук, не упрекала и не проклинала. Прелесть, а не девушка! Понять невозможно, как Мартышка предпочел ей каких-то таможенников! Вот из-за таких вещей мудрый старый человек разочаровывается в младшем поколении.

Время шло. Граф посмотрел на часы. Сейчас, думал он, она входит в дом, сейчас — скользит через холл, сейчас — ставит бюст. Вот-вот она вернется, скорее всего — вынырнет из кустов. Он стал на них смотреть, но тут Салли появилась на дороге. Руки ее были пусты, лицо — серьезно.

Однако, дойдя до машины, она обрела былую веселость и даже захихикала.

— Веселимся? — осведомился граф.

— Правда, смешно, — сказала она, — хотя случилось самое худшее. В жизни не

угадаете.

— Я и не пытаюсь. Жду.

Салли облокотилась на машину и снова стала серьезной.

— Сперва покурю.

— Нервы?

— Они самые.

Она закурила и спросила:

— Все еще ждете, дядя Фред?

— Естественно.

— Ну, ладно. Дверь была открыта, я обрадовалась...

— Не радуйся раньше времени, — назидательно сказал граф. — Судьба любит пошутить. Но я тебя прервал.

— Я огляделась. Никого нету. Прислушалась — тихо. И я пошла на цыпочках через холл.

— Естественно.

— Поставила бюст... Можно, я назову его бюст А, в отличие от бюста Б?

— Называй.

— Вы хорошо их различаете? Бюст А я несла, бюст Б — с камушками.

— Ясно.

Салли затянулась сигаретой. Ей было нелегко вспоминать, она как будто пробуждалась.

— Да, где мы были?

— Ты идешь на цыпочках через холл.

— Да, конечно. Простите, оступела.

— Не без того, моя дорогая.

— Итак, я взяла бюст Б, поставила бюст А и пошла обратно. Зачем задерживаться?

— Незачем. Не просят — не задерживайся.

— Когда я добралась до двери, ведущей в музей, из гостиной вышла леди Босток.

— Какая напряженность действия!

— Вот именно. Эту минуту я буду помнить до смерти. Заснуть я не смогу много месяцев.

— Нам всем надо спать поменьше.

— Она сказала: «Кто там?»

— А ты ответила: «Я», имея в виду, что это — ты.

— Я ничего не успела ответить. Она кинулась ко мне, жалобно кудахтая.

— Что?

— Кудахтая, как сердобольная курица. Она хорошая, дядя Фред! Раньше я не понимала. Когда он мне позировал, она была такой сдержанной и светской... Но это манеры. Сердце у нее золотое.

— Прекрасно сказано. Запомню. В чем же это выразилось?

— Она кинулась ко мне, хрипло шепча, что она все понимает, и уговаривала мужа, но он не поддается, так что она пришлет мне чек. Потом она пошла в этот музей, поставила бюст в какой-то шкаф и заперла с такой быстротой, словно прятала мертвое тело. А уж после этого она меня выгнала. Нет, не прямо, но явно. Я ничего не могла поделать.

— Значит, бюст в шкафу?

— Да. А шкаф — в музее, а в бюсте — драгоценности. Не повезло нам, дядя

Фред.

Пока она говорила, лорд Икенхем оживал, как поникший цветок, который полили водой.

— Не повезло? — удивился он. — В каком смысле? Я в жизни своей не слышал таких хороших вестей. Теперь надо не просто войти в дом, но и обосноваться, а я очень люблю обосновываться в чужих домах. Итак, ты едешь в Икенхем, там — наша база, а я еду с тобой, беру чемодан, поселяюсь в сельской гостинице и плету сети. Жди в самом скором времени сенсационных событий.

— Вы твердо это решили?

— Тверже некуда.

— А мне нельзя сказать «Ой»?

— Не стоит. Предоставь все мне — и я все улажу. Что-то ты грустная, Салли. Надеюсь, ты веришь в успех?

— Я думаю о Мартышке. Что он сделает, когда вас увидит?

— Подскочит, как холмы. Очень полезно. Мартышке нужен хороший шок.

Они съездили в Икенхем, оставили там Салли, и пятый граф, подъезжая к кабачку, уже жалел, что не попросил ее вернуться и поднести чемодан, когда что-то большое и темно-красное замаячило впереди, и он узнал своего недавнего спутника.

2 Билл Окшот походил на лунатика, который натер ногу. Недавняя беседа и будущая задача потрясли душу, и без того измученную тем, что Гермiona любит другого, а другой целует служанок. Услышав приветствие лорда Икенхема, он посмотрел на него, словно умирающий палтус.

— А, лорд Икенхем, — сказал он. — Здравствуйте.

— Привет, привет, привет! — радостно вскричал пятый граф. За два часа, проведенные с массивным юношей, он горячо его полюбил. — Неужели сам Билл Окшот? В полночный час В полночный час... — см. «Сон в летнюю ночь» (Там — «гордую Титанию»), II, 1., при месячном сиянье я гордого Уильяма встречаю.

— А?

— Не важно. Шекспир. Как поживаете, гордый Уильям? Хорошо?

— Вообще-то, нет, — ответил не гордый, но честный Билл.

— Значит, плохо?

— Ужасно.

— Дорогой мой, вы меня удивляете. Казалось бы, вы вернулись из абсолютно мерзкой страны в этот рай. У вас неприятности?

Несчастный Билл нуждался в сочувствии и решил излить душу приветливому графу. Еще немного, и он бы зарыдал у него на плече.

— Начнем с того, — сказал он, — что дядя рехнулся.

Лорд Икенхем поджал губы.

— Спятил? — уточнил он.

— Именно, спятил.

— Да, это неприятно. Дом — не дом, если в нем живет безумный дядя. Когда же это случилось?

— Сейчас.

— Внезапно?

— Да.

— Почему?

— Из-за Мартышки.

Лорд Икенхем растерялся.

— Неужели мой племянник за один день может свести с ума такого человека?

Ну, хоть бы за две недели... Симптомы?

— Говорит какую-то чушь, а теперь поехал к вам, за Мартышкиной фотографией.

— Зачем она ему?

— Для проверки. Чтобы узнать, какой он.

— Разве он сам не видел?

— Он думает, это самозванец.

— Почему?

— Не знаю. Да что там, сошел с ума. Сажу на террасе, он меня зовет, я иду, он спрашивает про Мартышку. Давно мы знакомы? Давно. Уверен я, что это тот самый человек? Я-то уверен, а дядя не верит мне. Поехал за фотографией.

Лорд Икенхем покачал головой.

— И зря. Изысканный, тонкий любитель красоты не держит таких фотографий. Венеру — пожалуйста. Да, Билл Окшот, вы правы, Балбес спятил. Видимо, с ним был солнечный удар, когда он держал в страхе Африку. Не удивляюсь, что вы огорчены. Советую спрятать ножи, таблетки и бритвы. А в остальном все хорошо?

Билл засмеялся глухим, безрадостным смехом.

— Вы уж скажете! Да я бы пел, как жаворонок, если б все было хорошо.

— Что же еще случилось, о жертва рока?

Билл ответил не сразу, он дрожал.

— Я видел, — сказал он наконец, — как Мартышка целует служанку.

Лорд Икенхем его не понял:

— А что такого?

— Как — что? Он обручен с моей кузиной.

Лицо у графа прояснилось.

— А, так, так, так!.. Вы печетесь о ее счастье. Дорогой мой, не беспокойтесь, у Мартышки это рефлекс. Мы с вами заплачем или сочиним стишок, а он целует служанку. Автоматическое действие.

Билл хмыкнул.

— Уверю вас, — сказал граф. — Посмотрите в учебниках. Как же это? Комплекс горничной? Нет, забыл. Но уж все прочее — в порядке?

— Если бы!

— Значит, нет. Что же еще случилось?

— Младенцы.

— Простите?

— Конкурс детской красоты.

— Разве вы — счастливый отец? — осторожно спросил лорд Икенхем.

— Я — несчастный судья.

— Не говорите загадками, Билл Окшот. Кого вы судите?

— Младенцев.

— Почему?

— У них конкурс.

— Объясните, — сказал лорд Икенхем. — Помните, я здесь — пришелец.

Пока Билл рассказывал о мести сэра Эйлмера, граф сочувственно кивал.

— Ужасно, — подытожил он. — А чего же еще и ждать? Губернаторы — страшные люди. Разят, как молния. В общем, вы влипши.

— Если кого-нибудь не найду. А вы не хотите?

Граф покачал головой:

— Я бы рад, но Балбес не согласится. Как-никак я шесть раз дал ему по задней

части битой для крикета.

— Да он забыл!

— Так скоро?

— Сорок лет прошло!

— Сорок два. Но вы недооцениваете силу моего удара.

— Ну, предположим, не забыл. Посмеетесь вместе.

— Я не согласен с вами, Билл Окшот. Не вам считать Балбеса образцом кротости. Разве он не рычит, разве не приносит кровавых жертв? Рычит и приносит, А тут — забыть, мало того — простить!

— Давайте проверим.

— Ни в коем случае. Выгонит из дома, кстати — вашего. А если не выгонит? Придется с ним дружить до самой смерти. Ездить друг к другу, посылать подарки... У-ф-ф! Нет, даже ради вас я на это не пойду. Вы сказали: «Черт»?

— Сказал.

— Так я и думал. Больно слышать такие слова.

Они помолчали. Билл печально смотрел на проходящую гусеницу.

— Мне конец, — выговорил он.

— Почему? Есть же у вас друзья.

— Здесь — нету. Да и вообще, я их давно не видел. Связаться я могу только с

Планком.

— А кто это? Помню, помню! Начальник экспедиции.

— Да. Майор Брабазон-Планк.

— Брабазон? Поразительно! У нас был такой мальчик, он мне должен два шиллинга. Ваш начальник похож на грушу?

— Да.

— Практически — один зад?

— Да.

— Он. Мы его так и звали, Зад. Просто удивительно! Кого вы ни вспомните, я с ним учился. Свяжитесь с Задом.

— Нельзя. Он боится детей.

— Да? Известный комплекс, посмотрите в любом учебнике.

— Он всю дорогу мучился. Надо навестить сестер, а у них — дети. Нет, Планк не годится.

— Что ж, — сказал лорд. — значит, остаюсь я.

Билл перевел взгляд с гусеницы на графа.

— А? — осведомился он.

— За неимением лучшего, — пояснил тот, — придется довольствоваться мной.

Буду судить младенцев.

— Вы же говорили, это невозможно.

— Говорил?

— Да. Только что.

— А, ясно! Вы меня не поняли. Я говорил, что деликатный человек не придет к тому, кого оскорбил. Но он и не придет. Придет другой.

— Э?

— Что вы удивляетесь? Все очень просто. Я войду в этот дом инкогнито.

— Назоветесь чужим именем?

— Правильно. Я вообще не люблю действовать под своим. Как-то скучно.

Билл смотрел на него, обретая все большее сходство с задремавшей рыбой.

— Вы назоветесь как-то еще? — уточнил он.

— Совершенно верно.

— А...

— Никаких «а».

— Вы запутаетесь.

Лорд Икенхем весело рассмеялся.

— Дорогой мой, — сказал он, — не так давно в предместье Митчинг-Хилл я с полным успехом сыграл не только специалиста по птичьим когтям, но и мистера Роддиса, арендующего коттедж «Кедры», и мистера Булстрода, жителя тех же мест. До сих пор себе не прощу, что не сыграл попугая, он бы мне очень удался. Нет, я не запутаюсь. Введите меня в дом, о прочем не беспокойтесь.

На сей раз Билл понял все, но лучше ему не стало, словно он случайно схватил тигра за хвост.

— Дядя догадается, — предположил он.

— Вы его боитесь?

— Да. Очень.

— Больше, чем младенцев?

Билл окончательно растерялся.

— Что же вы собираетесь делать? — спросил он. — Назовётесь Джонсом или Робинсоном?

— Нет, не Робинсоном. Сейчас это не годится. Судья такого конкурса — это вам не кот начхал. Я буду Брабазоном-Планком. Приятно сыграть старого Зада, и сюжет прекрасный. Ваш бывший начальник путешествует по Англии, вы его случайно встретили и, конечно, пригласили. Он же, услышав о конкурсе, просил о великой чести. Дело в том, что он без памяти любит детей. Нет, Билл Окшот, Балбесу не выкрутиться. Планк — не кто-нибудь, Планк — знаменитость. Если вы спросите, что я думаю об этом замысле, я вам отвечу, что он — идеален.

Рыбы глаза страдальца немного посветлели. Конечно, он боялся, как бы его благодетель чего-нибудь не натворил, но еще больше боялся он остаться без помощи. Когда преподобный Обри Другг увидел сорока трех матрон с сорока тремя на редкость мерзкими младенцами, он побледнел, хотя не ведал страха и мог усмирить даже ревностных прихожанок.

— Ладно! — воскликнул Билл. — Пошли. А вообще-то здорово.

— Пошли, — согласился граф. — Возьмите чемодан.

Когда они подходили к воротам (граф — задумчиво, Билл — оживленно), они услышали шум машины. Билл оглянулся и стал буро-лиловым.

— Это дядя, — сказал он. — Может, мы...

— Стыдитесь, Билл Окшот, — прервал его лорд Икенхем, всегда готовый подбодрить в час опасности. — Это — слабость. Лучше крикнем ему: «Э-э-э-эй!»

3 Сэр Эйлмер провел в Икенхеме четыре минуты, и каждая из них была ему неприятна. Иногда говорят, что человек побывал в огненной печи. Здесь уместней сказать, что он побывал в морозильнике.

Если вы хотите, чтобы дворецкий позволил вам искать фотографии в незнакомом доме, вы непременно сочтете его холодноватым; а Коггз и сам по себе был холоднее среднего. Этот солидный мажордом, похожий отчасти на луну, отчасти на треску, глядел прямо в душу. А всякий, кому глядела в душу треска, останется недоволен.

Коггз не заподозрил пришельца в интересе к ложкам, но как бы и заподозрил. Промолвив: «Нет, сэр, не могу», он отступил в темноту дома и захлопнул дверь. Когда мы говорим «захлопнул», мы имеем в виду, что она хлопнула, едва не

прищевив баронету усы.

Вынести это нелегко, если ты привык к повиновению: и мы не удивимся, что сэр Эйлмер не обрадовался крику «Э-э-э-эй!». Если бы в эти мгновения его увидел туземный вождь, он бы воззвал к своему божеству и полез на дерево.

Лорд Икенхем был покрепче вождя. Он вышел на дорогу и воскликнул:

— Балбес!

Сэр Эйлмер больше удивился забытому прозвищу, чем тому странному факту, что кто-то встал перед машиной. Он затормозил, приткнулся к ветровому стеклу, но не узнал незнакомца, хотя понял, что перед ним — школьный товарищ, и пожалел, что не решится его переехать.

Собственно, он и не смог бы, ибо таинственный друг детства стал одной ногой на подножку и приветливо похлопал его по плечу.

— Балбес, — с мягким укором сказал он, — ты меня совсем забыл.

Сэр Эйлмер спорить не стал, мучительно гадая, кто же перед ним.

— Да, — сказал незнакомец, — быстротечна юная дружба. Что ж, помогу тебе.

Я — Планк.

— Планк?

— Брабазон-Планк, — вмешался Билл, ободренный тем изяществом, с каким вел беседу его собеседник. — Начальник нашей экспедиции.

— Не верь ему, Балбес, — возразил пятый граф. — Номинально — да, это так. Но истинный начальник — он сам, Билл Окшот. Душа экспедиции! Кто отдавал больным свою долю воды, презирал кайманов, подбодрял собратьев, когда они страдали, что не переоделись к обеду? Стальной Билл. Можешь гордиться племянником.

— Планк? — задумчиво произнес сэр Эйлмер. — Ерунда!

— Почему?

— У него огромный зад.

— А, понимаю! Да, помню, был какой-то зад. Но я принимал «Грацию». Попробуй, а? Не помешало бы.

Сэр Эйлмер хрюкнул, и не слишком приветливо. Ему не хотелось вспоминать прекрасного Планка.

— В жизни бы не узнал!

— И я бы тебя не узнал, если бы не Билл Окшот. Вот, например, были у тебя усы?

— А что ты тут делаешь? — осведомился сэр Эйлмер.

— Путешествую.

— Вот что! Ну, бог в помощь. До свидания.

Лорд Икенхем мягко улыбнулся.

— Не беспокойся, — сказал он, — я у тебя погощу.

— Что?

— Билл Окшот уговорил. Я все не решался, но тут обнаружилось, что у вас будет конкурс детской красоты. Да я бы ради него прошел пятьдесят миль! Шестьдесят. Чего там, все сто. Буду судьей.

Сэр Эйлмер поджался, словно тигр, у которого из-под носа утащили индийского крестьянина. Лицо его, и так малиновое, налилось царственным пурпуром.

— Судьей?!

— Да. А что?

— Я не позволю!

Лорд Икенхем умел быть и твердым.

— Балбес, — сказал он, — тебе предстоят выборы. Я мог бы на них повлиять, разоблачив две-три тайны. Тебе будет неприятно, если возвышенные души станут спрашивать о том и о сем. Значит, судьей буду я.

Сэр Эйлмер мрачно молчал, шевеля адамовым яблоком, словно проглотил что-то твердое, с шипами. Он метал грозные взгляды, но это не помогало. Он жевал усы, тоже без толку.

— Хорошо, — сказал он так, будто этот ответ вытащил щипцами дантист, и покосился на Билла. Тот вздрогнул.

— Ну, вот, — успокоился граф. — Теперь пойдем посмотреть молочную ферму.

— Какие еще фермы?

— Как, у тебя их нет? Ну, конюшню.

— Не держу лошадей.

— Странно. А я-то думал, что наши землевладельцы подразделяются на два вида: одни тащат гостей смотреть конюшню, другие — ферму. Есть небольшой подвид, те смотрят бегонии. Что ж, пойду в кабачок, у меня там дела. А потом

— к тебе. Не буду тебя задерживать, ты ведь спешишь отвести мне лучшую комнату. Вы идете со мной, Билл Окшот?

— Я лучше тут покурю.

— Как хотите. До скорой встречи.

И граф упругим, легким шагом направился к «Бычьей голове». Что-что, а кружку пива он заслужил, распространять сладость и свет — нелегкое дело. Позвонив домой и побеседовав с Салли, он уселся за столик, но тут дверь распахнулась, и в ней появился Билл.

Наметанный глаз лорда Икенхема определил с ходу, что он неспокоен. Волосы стояли дыбом, словно он прочесал их пятерней, взгляд стал затравленным. Как и другие его сверстники, Билл всячески стремился вести себя в тяжкую минуту не хуже, чем индеец на костре, но это ему не удалось.

— А, Билл Окшот! — приветливо воскликнул граф. — Прошу, прошу. Я вот наслаждаюсь заслуженным пивом. Слово «заслуженным» подчеркнуто. Видели вы таких растерянных губернаторов? Я — не видел, и никто не видел. Однако вы взволнованы. Выпейте пива, помогает.

Граф пошел к стойке, потолковал с пышной блондинкой и принес две пенящиеся кружки.

— Прелестная девушка, — с отеческой нежностью сказал он. — Беседуем о Бразилии. Пейте, Билл Окшот, а потом говорите, что с вами.

Билл, охвативший голову руками, опустил одну руку и взял кружку.

— Вы не можете, — сказал он, — выдавать себя за Планка.

— Вот как? — Лорд Икенхем поднял брови. — Странные слова. Разве наши предки говорили «не можем», когда шли на неверных? Вообще-то говорили, возьмем хоть реляции Львиного Сердца, так что замнем. Но почему я не могу выдавать себя за Планка?

— Не можете, и все. Знаете, что случилось?

— Конечно, нет. Откройте мне это.

— Дядя Эйлмер уехал, я остался с чемоданом...

— Как невежливо!

— Я кричал «Эй!», чемодан тяжелый, но он не остановился. Ну, я пошел, а тут едет Поттер на велосипеде.

— Кто такой Поттер?

— Наш полицейский.

— А, да! Мартышка говорил. Ревностный служака.

— Я говорю: «Поттер», он говорит: «Сэр?», я говорю: «Спешите?», он говорит: «Нет», я говорю: «Тогда подвезите чемодан», а он говорит: «Хорошо».

— Какой диалог! — восхитился лорд Икенхем. — Пьесы не пишете?

— Нет.

— Жаль. Очень выгодно. Но я вас прервал. Поттер говорит: «Хорошо». Что же было дальше?

— Я говорю: «Это чемодан Брабазона-Планка, он к нам приехал». А Поттер... Еще пива можно?

— Он пил пиво?

— Это я спрашиваю. Легче будет рассказывать.

Лорд Икенхем опять потолковал с блондинкой.

— Итак, — напомнил он, вернувшись, — вы сообщили Поттеру, что Брабазон-Планк приехал к вам погостить. А Поттер?..

Билл выпил всю кружку, поохал и проговорил с ледяным спокойствием:

— Поттер, чтоб его черти драли, сказал: «Майор Планк? Ой, а я его знаю. В крикет играли, сколько раз. Если можно, мистер Уильям, я попью чайку, а потом с ним поздороваюсь». Что нам делать?

Лорд Икенхем немного подумал.

— Вы обманули меня, Билл Окшот, — сказал он, — Только профессионал расскажет так живо. Этот Поттер просто дышит! Да, вы печтаетесь под псевдонимом. Вероятно, вы — кто-то из Ситуэллов. Но вернемся к делу. Оно усложнилось, но, если подумать, решить можно все. Вы не могли бы сказать, что имели в виду Смита или Начбулла Хьютсена?

— Не мог бы.

— Что ж, тогда я скажу, что он играл с моим братом.

— Думаете, он поверит? Вы сможете его убедить?

— Нет пределов тому, что я могу, если постараюсь. Идемте. Где он живет?

— Тут, за углом.

Кроме королевского герба и вывески «Полиция», ничто не свидетельствовало о том, что перед нами — оплот Закона. Как многие участки в английской деревне, этот размещался в веселом домике, крытом черепицей и окруженном небольшим садом, где мирно спал племянник Поттера, девятимесячный Бэзил. Подойдя к ограде, лорд Икенхем кинул взгляд на коляску.

— Он женат?

— Нет. Это — сын сестры. Они живут вместе. Ее муж — стюард на океанском корабле, его никогда нет. То есть иногда он есть.

— Да, это видно.

Из открытого окна доносился пронзительный женский голос. Речь шла о носках. Как, спрашивал голос, можно сделать столько дырок? Сам он приписывал это неряшеству, а также невниманию к тем, кому приходится штопать, пока пальцы не облезут. Лорд Икенхем взглянул на Билла:

— Это сестра?

— Да.

— И Поттер?

— Видимо.

— Она его ругает?

— Она его вечно ругает, спросите Элзи.

— Элзи?

- Нашу служанку.
- А, да! Ту, которую... Хм. Забыл.
- Я знаю, что вы хотели сказать.
- Ну, сейчас не до того. Идемте в сад, рассмотрим прекрасного младенца. Все ж практика.

Глава 7

Констебль Поттер, хранящий покой Эшенден-Окшота, наслаждался чаем в уютной кухоньке.

Слово «наслаждался» тут не очень подходит, ибо чай он пил под надзором сестры, которая была ему если не лучшим другом, то уж точно суровейшим критиком. Она только что посоветовала ему не класть локти на стол, не есть так жадно и не брать масло селедочным ножом, а к приходу Билла и лорда Икенхема перешла к носкам, один из которых как раз и продемонстрировала.

Констеблю было двадцать восемь, сестре его — тридцать три. Простейшие подсчеты скажут нам, что, когда ему было семь, ей было двенадцать, а сестра двенадцати лет может подмять семилетнего брата раз и навсегда. В то время, когда человек формируется, Гарольда вела, тащила, бранила будущая мать Джорджа Бэзила Персиваля Стабза, запрещая делать буквально все, что ему хотелось бы делать. Дошло до того, что она утирала ему нос.

Такие вещи оставляют глубокий след. Элзи Бин постоянно твердила, что ее жених — истинный рохля, и, в общем, была права. Неприятно думать, что страж порядка сидит и смотрит, как ему демонстрируют рваный носок, но ничего не попишешь — он сидел, смотрел и, возможно, боялся.

Чтобы стало полегче, он потянулся к маслу, используя на сей раз предназначенный для этого нож, и увидел в окно тот угол садика, в котором отдыхал Джордж Бэзил.

- Смотри-ка, — сказал он сестре, охотно меняя тему, — там кто-то идет.
- Не твое дело. Такую огромную дырку...
- Высокий джентльмен.
- А вокруг! Одно слово, решето.
- С седыми усами. Ткнул Бэзила в живот.

Хитрый констебль нашел ту единственную тему, которая могла отвлечь его сестру. Белла Стабз не жаловала гостей любого роста, которые решались ткнуть в живот ее спящего сына.

- Выгони его!
- Ладно.

К этой минуте констебль съел три копченые селетки, четыре вареных яйца, половину хлеба и собирался откинуться в кресле, как сытый питон. Однако сестру он слушался, да и любопытство выше, чем потребность переварить пищу. Рассмотрев в окно лорда Икенхема, он подумал, что видит его не впервые, и захотел проверить.

Когда он вышел в садик, гость уже щекотал Бэзила под подбородком. Билл, не очень любивший младенцев, особенно настолько похожих на Эдварда Робинсона, отошел в сторону, а потому первый увидел констебля.

- Привет! — сказал он ему. — Вот, зашли к вам.
 - Я так много о вас слышал, — прибавил пятый граф.
- Констебль удивился.
- Хы! — заметил он. — Не разобрал фамилии.

— Планк, — любезно отвечал гость. — Брабазон-Планк.

Констебль громко икнул, выражая этим недоверие. Мало кто, во всяком случае здесь, ощущал так тонко любую несообразность; и он ее ощутил.

— Брабазон-Планк? — проверил он, испепеляя гостя тем взглядом, каким испепелял бы собаку без ошейника.

— Он самый.

— Ну прямо! Мы с ним играли в крикет, когда я жил в Дорсетшире.

— Вы играли с моим братом.

— Каким еще братом?

— Он скрыл от вас, что у него есть брат? Ай-я-яй! А вот Билл Окшот — не скрыл. Он сказал мне, что вы знали моего младшего брата.

— Мне он сказал, что это вы.

— Виноват, не понял?

— Что вы — майор Планк. Дал чемодан и говорит: «Вот чемодан майора Планка».

Лорд Икенхем приятно засмеялся.

— Это по латыни, — объяснил он. — «Major» — значит, «старший». Билл Окшот сообщил вам, что хозяин чемодана — Брабазон-Планк-major. Окажись тут мой брат, он бы, соответственно, назвал его Брабазон-Планк-minor. Естественно, вы запутались. — Лорд Икенхем бросил взгляд на констебля, который совсем уже отупел. Три копченые селедки, четыре яйца, полхлеба питают тело, но не способствуют остроте ума.

— Если изъясняться по латыни, — продолжал граф, — непременно запутаешься. Major — это minor, а уж minor — это major. Значит, вы играли в крикет с моим младшим братом? Как тесен мир! Я часто это повторяю, примерно

— раз в две недели. Почему вы похожи, Билл Окшот, на чучело свиньи?

Мартышка, хорошо знавший своего дядю, мог бы сообщить другу детства, что общение с пятым графом вгоняет в транс.

— А? — очнулся Билл. — Похож?

— В высшей степени.

— Простите.

— Не за что, не за что! Ах, кто это к нам идет?

Шла к ним миссис Стабз, напоминавшая львицу, у которой обижают детеныша. Недовольная медлительностью брата, она взяла дело в свои руки.

— Здравствуйте, — сказал ей Билл. — А мы вот смотрим на вашего сына.

Лорд Икенхем вздрогнул.

— Как! — воскликнул он. — Это прелестное дитя — ваш сын, мадам?

Манера его была так изысканна, тон так восторжен, что львица обратилась в овечку.

— Да, сэ, — отвечала она, делая при этом книксен. Она его редко делала, но было что-то такое в учтивом, почтенном госте. — Это мой Бэзил.

— Какое имя! А ребенок какой! Участвует?

— Простите, сэ?

— Надеюсь, вы его покажете на конкурсе детской красоты?

— О, да, сэ!

— Прекрасно. Никогда не ставьте свечу под сосудом. Вы присмотрелись к этому ребенку, Билл Окшот? Если нет, присмотритесь. Какие стати! А голос!..

— прибавил он, ибо Джордж Бэзил Персиваль проснулся и огласил сад редкостным ревом. — Сила легких. Должен объяснить вам, мадам, что мне доверена

честь судить на этом конкурсе.

— Да, сэръ?

— Да. Ваш супруг дома? О, как жалко! Я бы посоветовал ему легко и быстро заработать небольшую сумму. Может быть, мистер Поттер, вы поставите на это дивное дитя? Решайтесь. Я не знаю местных обстоятельств, но вообразить не могу, что у него найдется соперник. Так и вижу, как я поднимаю его руку и кричу: «Бэзил!» Что ж, мадам, — он поклонился хозяйке, — нам пора. Много дел. До свидания. До свидания, до свидания.

Он остановился, ибо констебль Поттер вдруг побежал к коттеджу.

— Наверное, что-то забыл, — предположил он.

— Нет, что за манеры, — посетовала хозяйка. — Забыл!..

— Ах, — сказал граф, — что значат манеры, когда есть сердце? Мое почтение, мадам. Пип-пип-пип, дитя мое. — И лорд Икенхем удалился, распространяя сладость и свет.

Выйдя на дорогу, он остановился, чтобы закурить сигару.

— Как все это легко, — сказал он, — если за дело берется человек с переразвитым мозгом! Несколько точных слов, и констебль готов, не хуже Балбеса. Странно, что он вдруг ушел. Может быть, решил смочить виски одеколоном. Мне кажется, он немного устал, когда я обратился к латыни.

— Здорово вы...

— Да, — согласился лорд Икенхем. — Божий дар.

— Интересно, поверил он или нет.

— Наверное.

— Насчет этого ребенка вы перебрали.

— Доброе слово, Билл Окшот, лишним не бывает. Ну, теперь — в Эшенден-Мэнор, к английскому очагу!

Билл колебался.

— Знаете, — сказал он, — я бы выпил еще пива.

— Слабость?

— Да, знаете...

— Ну, возвращайтесь. А я поищу Мартышку. Может он быть в доме?

— Нет, он при мне ушел.

— Обыщу округу. Очень важно, — объяснил лорд Икенхем, — сообщить ему положение дел, пока он ничего не испортил. Мы не хотим, чтобы он вошел, когда я беседую с Балбесом, и сказал мне: «Дядя Фред». Прежде чем мы соберемся у камелька, он должен знать, что потерял дядю, но обрел бразильского исследователя. Ну, пока! Где я обещал Балбесу с ним встретиться? А, у него дома! Встретимся там и мы, когда напьетесь пива.

2 Если дух наш — в смятении, нет ничего лучше хорошего детектива. Расставшись с сэром Эйлмером, Мартышка решил пойти в свою комнату и вынуть «Убийство в тумане», а потом отыскать тихое местечко и утешиться чтением. Нашел он его у дороги, недалеко от ворот, и вскоре забыл обо всем.

Лечение оказалось успешным. Дрожащие нервы утихли, и, в отличие от героини, которую запер в подвале один из Безликих Бесов, приносящих столько беспокойства, Мартышка чувствовал себя неплохо, когда на страницу упала тень, знакомый голос произнес его имя и, взглянув вверх, он увидел дядю.

Казалось бы, что отрадней, чем встреча в сельской местности с любимым дядей, который в свое время держал тебя на руках? Только и остается, что радостно охнуть. поднять глаза к небесам и кинуться к нему в объятия.

Поэтому нам неприятно, что Мартышка не испытал никакой отрады. Вряд ли он бы больше расстроился, если бы прямо из книги выскочил Безликий Бес.

— Дядя!.. — пролепетал он, зная по опыту, что предвещает встреча с пятым графом (а мы с вами припомним, что сказал вдумчивый «трутень»). — Господи, что ты тут делаешь?

В отличие от сэра Эйлмера, лорд Икенхем не любил оглушать людей. Мягкая улыбка осветила его лицо. Он опустил на траву и pokrutil усы.

— Гуляю, мой дорогой, хожу туда и сюда. Дорога свободна в этот час, не так ли?

— Ты же был в Икенхеме.

— И плакал, уезжая.

— Ты собирался в Лондон.

— И собрался.

— А не сюда.

— Ты прав. Что ж, думаешь одно, выходит другое.

Какой-то муравей остановился, чтобы изучить Мартышкину руку. Тот отдернул ее, и мелкая тварь, пролетев головой вперед к юго-юго-востоку, побежала предупредить собратьев, что здесь неспокойно.

— Так я и знал! — воскликнул Мартышка. — Ты опять что-то затеял.

— Ну-ну, мой дорогой!

— Тогда в чем дело? Случилось что-нибудь?

Лорд Икенхем подумал.

— Не то чтобы случилось, — ответил он. — Это слишком сильное слово. Возникли небольшие осложнения, но нет таких осложнений, с которыми не справятся спокойные, разумные люди. Начну сначала. Я поехал в Лондон, повел Салли обедать, и она мне сказала, что Отис снова в беде. Просила тебе передать, что ждет помощи.

Слушая повесть об Отисе Пойнтере и сэре Эйлмере Бостоке. Мартышка испытывал несказанное облегчение. До сих пор он стоял, тут — снова сел, утратив тревогу. Он даже засмеялся, что бывало редко при встречах с пятым графом.

— Это довольно смешно, — объяснил он.

— В определенной мере, — согласился лорд Икенхем. — Но не забудь, если Балбес выиграет, Салли совершенно разорится.

— Да, правда. Я с ним поговорю. Может, и послушает.

— Ты как-то не уверен. Разве он не полюбил тебя отеческой любовью?

— Не то чтобы отеческой... Понимаешь, я разбил африканскую штуку.

— Вечно ты все бьешь! А он огорчился?

— Скорее да. Сейчас я встретился с ним в холле, он сказал: «Хо!» и странно на меня посмотрел. Кажется, я ему не нравлюсь. Может, передумает.

— Конечно. Ты старайся.

— Я стараюсь.

— Молодец. Пусти в ход все свои чары. Помни, как это важно для нее.

— Пущу, пущу. Ты из-за этого приехал?

— Естественно. Хотя... Что же еще такое было? А, припоминаю! Бюст. Который ты у меня взял.

— Бюст? Ну да. Все обошлось. Я его туда поставил. Вообще-то страшно. Крадешься через холл и думаешь: сейчас старый Босток засопит!

— Легко себе представляю. А вот скажи, ты знаешь, как делают эти бюсты? Салли мне объяснила, очень интересно. Сперва их лепят из глины. Потом покрывают

жидким гипсом.

— Да?

— Да. Потом ждут, пока гипс не затвердеет, разделяют его на две половинки и выбрасывают глину. А уж после этого заполняют гипсом форму.

— Ничего, занятно, — признал Мартышка. — А Салли хорошо выглядит?

— Сперва она просто сверкала. Потом — меньше.

— Из-за Отиса?

— Не только. Дай рассказать про бюсты. Заполняют, но оставляют маленькую полость. А туда, — закончил граф, предположив, что был достаточно мягок, — кладут бриллианты, которые ваша подруга просила провезти в Америку.

Мартышка взвился, образуя вихрь рук и ног. Другой муравей, полезший на руку из скепсиса, свалился и сказал собратьям, что Джордж совершенно прав, землетрясением попахивает.

— Что-о-о?!

— Да, мой дорогой. Сами того не зная, не мысля зла, мы хранили контрабанду. Видимо, Салли это придумала, когда ты отказался ей помочь. Конечно, Гамлет прав, все зависит от оценки, но я бы не назвал хорошим наше положение. Эта подруга отплывает в Нью-Йорк на будущей неделе.

— О господи!

— Видишь, какая драма? Да? Так я и думал. Надеюсь, ты согласишься, что честь обязывает нас вернуть драгоценности. Нельзя обкрадывать женщин. Дурной тон.

Мартышка кивнул. Он знал, что такое честь, разбирался и в тоне.

— Хорошо, — сказал он. — Съезжу в Икенхем, возьму бюст. Когз мне поможет?

— Нет, — отвечал пятый граф, — а если бы и помог, толку бы от этого не было. Помнишь, Салли лепила бюст, который Балбес собирался подарить местному клубу? Обидевшись на Отиса, он его вернул, она — привезла, подменила тот, с бриллиантами, и в это мгновение ее настигла леди Босток. Теперь этот бюст заперт в шкафу, вместе с экспонатами. Тем самым...

Мартышка его прервал. У всякой чести есть границы.

— Знаю! — закричал он. — Надо взломать шкаф! Не буду.

— Успокойся, мой дорогой, — ответил лорд Икенхем. — Разве можно доверить тебе такое ответственное дело? Шкаф взломаю я.

— Ты?

— Вот именно.

— Ты не можешь попасть в дом.

— Ах, если бы все не гадали, что я могу, чего не могу! Мой молодой друг, Билл Окшот, пригласил меня погостить. Он хочет, чтобы я был судьей на конкурсе младенцев, почему — сказать не берусь. Видимо, чувствует, что это моя стезя.

Мартышка безумным взором оглядывал пляшущий сад. Лицо его перекопилось, руки и ноги дергались. Лорд Икенхем предположил, что он не совсем доволен.

— Ты войдешь в этот дом? — уточнил страдалец.

— Да, сегодня же, — ответил граф. — Кстати, чуть не забыл! Фамилия моя

— Брабазон-Планк. Ну, знаешь, прославленный путешественник. Не спутай, пожалуйста.

Мартышка сжал руками голову, чтобы она не раскололась, как гипсовая форма для бюста. Лорд Икенхем сочувственно взглянул на него и, ему в утешение, запел приятным баритоном любимую шансонетку. Вскоре он обнаружил, что ему вторят, а еще позже — понял, что это полицейский на велосипеде почти непрерывно кричит:

«Эй!»

3 Лорд Икенхем, сама учтивость, мгновенно обернулся к нему.

— А, это вы! — заметил он. — Хотите со мной побеседовать?

Поттер спешил и посопел. Не так уж легко катить на большой скорости, когда ты набит селедкой, яйцами и хлебом. Заботливый граф заверил его, что спешить некуда, и ждал, пока новоприбывший не заговорил.

— Хо!

— Хо, — ответил вежливый гость. — Сигару?

Констебль ее сурово отверг. Полиция не принимает даров от преступного мира.

Мы уверены, что читатель давно хочет узнать, почему убежал констебль. Пришло время открыть тайну. Он вспомнил, где встречался со странным самозванцем, проверил свои записи, убедился — и сел на велосипед, чтобы его изобличить.

— Брабазон-Планк! — начал он, испепеляя графа взглядом.

— Почему, — осведомился тот, — вы так произносите мою фамилию, словно ругаетесь?

— Хо! — отвечал Поттер.

— Вижу, мы вернулись к началу, — огорчился граф. — Это уже было.

Полицейский решил, что пришло его время. Лицо у него стало таким, каким оно бывает у полицейских, когда они утратят жалость, скажем, поджидая под яблоней юного вора или входя в дом, чьи обитатели привезли без разрешения свинью.

— Брабазон-Планк! — повторил он. — Хо! А не Джордж Робинсон с Настурциум-роуд, 14?

Лорд Икенхем удивился и вынул изо рта сигару.

— Не может быть! — воскликнул он. — Неужели вы полицейский с собачьих бегов?

Мартышка закричал и забулькал, словно он тонет. Дядя его, напротив, радовался, словно жених, обретший потерянную невесту.

— Нет, какая красота! — ликовал он. — Я бы вас в жизни не узнал. Усы, что ли... Дорогой мой, я счастлив. Что вы делаете в этих краях?

— Лучше я спрошу, что Вы делаете, — сурово отвечал констебль. — Вы и ваш сообщник Эдвин Смит.

— И его помните? Какая память! Что делаем? Приехали погостить.

— Вот как?

— Уверю вас.

— Погостить вы погостите, — сказал Гарольд Поттер, — но не в этом доме.

Лорд Икенхем поднял брови.

— Мартышка, — сказал он.

— Ы?

— Мне кажется, наш новый друг собрался изобличить нас.

— Ы...

— Собрались?

— Хо!

— Я бы еще подумал. Меня прогонят...

— Это уж точно.

— ...и судить будет другой, менее расположенный к вашему племяннику, и несчастное дитя лишь упомянут в списке участников. Сестра ваша спросит, в чем дело. Узнав это и убедившись, что виноваты вы, она, вероятно, кое-что скажет. Подумайте, дорогой мой! Стоит ли изобличать нас при таких обстоятельствах?

Иногда полицейских одергивают судьи и они ощущают то, что ощутит всякий, если мул лягнет его в брюхо. Констеблю показалось, что его одернул весь суд. Челюсть у него отвисла или, скажем, поникла, и он глухо заурчал.

— Урчите, урчите, — одобрил это граф. — Я мало знаком с миссис Стабз, но она мне показалась сильной натурой. Словом, мой дорогой, я бы не действовал сгоряча.

Поттер и не действовал. Примерно с минуту он пребывал в том особом молчании, которое как бы состоит из клея. Потом забрался на велосипед — и укатил.

Лорд Икенхем всегда был милостив к поверженному врагу.

— Прекрасные у нас полисмены, — заметил он. — Раздавишь — поднимутся, убьешь — а они живы. Однако молчать он будет.

— Откуда ты знаешь? — возразил Мартышка, обретавший все более мрачный взгляд на жизнь. — Он поехал к Бостоку. Наверное, расскажет.

— Ты не видел его сестру, — возразил граф. — Нет, он не расскажет, успокойся.

Мартышка усмехнулся так, что посрамил бы Билла Окшота, специалиста по безрадостному смеху.

— Успокоиться? Ха-ха! Когда ты поселишься под этим... как его...

— Nom de plume?

— Именно. И станешь взламывать шкафы...

— Ах, оставь! Такой пустяк... Ночью взломаем, утром уедем.

— Ночью?

— Да. Я звонил Салли, мы обо всем договорились. Она приведет машину в сад, к часу ночи. Буду ждать у музея. Передам ей бюст, и все.

— Все!

— А что такого?

— Да что угодно. Тебя могут поймать.

— Никто еще меня не поймал. Среди коллег я зовусь тенью. Ну, что такое! Вечно ты видишь мрачную сторону...

— А что, есть другая? — заинтересовался Мартышка.

4 Приближалось время обеда. Леди Босток, одевшись, стояла у зеркала, мечтая о том, чтобы меньше походить на лошадь. Лошадей она любила, но сходству с ними не радовалась.

В спальню вошел сэр Эйлмер, по-видимому, сердитый.

— Эмили! — сказал он.

— Да, дорогой?

— Приходил Поттер.

— Да, дорогой.

— Идиот.

— Почему, дорогой?

Сэр Эйлмер взял щетку и яростно ею взмахнул.

— Помнишь, — спросил он, — как я играл Дика Диди в «Пинафоре»?

— Да, дорогой. Разве это можно забыть?

— Помнишь, он пошел предупредить капитана, что дочь собралась бежать из дома, и ничего толком не сказал?

— Конечно, дорогой. Ты был особенно хо...

— Вот так и Поттер. Тут какая-то тайна.

— Тайна?

— А что еще? Мычит, намекает. «Берегитесь», «сегодня ночью»... Что ты

корчишься?

Леди Босток не корчилась, а дрожала.

— Что же это, дорогой? — выговорила она.

— Откуда мне знать? Только спрошу — молчит, как заколдованный. Спятил, наверное. Будет сторожить в саду.

— Эйлмер!

— Не ори. Я прикусил язык.

— Но, Эйлмер!..

— А может, что-то разузнал об этом самозванце. Если он хоть двинется, я ему покажу!

— Покажешь?

— Да.

— Что, дорогой?

— Не важно, — ответил сэра Эйлмер, хотя не ему бы так отвечать, когда он обвинял в уклончивости Поттера. — Я все продумал. Он не отвертится.

Часть третья

Глава 8

Спокойный, уютный вечер, к которому стремился лорд Икенхем, уже закончился.

На колокольне отзвенел ту-рум

и проводил вечернюю зарю,

покорный скот неспешно вышел в ночь,

в саду уснули невесомым сном

и алые, и белые цветы,

остались лишь ночные существа,

как то: совы, мыши (простые и летучие), комары и констебль.

Часы на вышеупомянутой колокольне, пятнадцать минут назад пробившие полночь, печально звякнули, сообщая Мартышке, что еще через сорок пять минут свершится неизбежное.

Шагая по комнате и трясясь, как исследователь Бразилии, подхвативший малярию, он был безупречно элегантен, ибо не подумал раздеться в эту страшную ночь. Когда приезжаешь к родителям невесты и узнаешь, что твой безумный дядя будет их грабить, уже не до сна. Ты шагаешь и трясешься. Мартышка пробовал отвлечься, почитать «Убийство в тумане», но не смог. Есть времена, когда не прельстит и самый Безликий Бес.

В былые дни, одно воспоминание о которых походило на подгнившую устрицу, Мартышка трясясь, но все же не так. Сейчас, как героиня «Убийства», запертая в логове бандитов, он ощущал, что нервы торчат вершка на два и еще заворачиваются. Душевная боль совсем бы его прибила, если бы не терзала и жажда, образуя противовес.

Жажда эта, как часто бывает в молодости, начиналась в подошвах и шла кверху, неуклонно обостряясь. Началась она по приезде, а дошла до апогея, когда Джейн принесла в гостиную графин и сифон. Мартышка был сильным человеком, но сидеть и смотреть, как сэра Эйлмер, Билл и дядя пьют, словно лоси у водополя, не

сможет и самый суровый аскет.

Итак, Мартышка шагал, кляня тот порыв, который побудил его сказать Гермione, что он не пьет, и представляя себе, как напьется, если выживет. Отшагав весь ковер, он повернул было обратно, но застыл, настолько походя при этом на Пробуждение Души, что обманул бы и знатока. Часы прозвенели дважды, обращаясь к нему.

«Неужели ты забыл, — ласково осведомились они, — что в гостиной стоит графин? Мы ничего не говорим, так. напоминаем».

Мартышка предположил, что это, в сущности, ангел-хранитель. Кого-кого, а этих ангелов он почитал.

Через несколько секунд он был в коридоре, через три минуты — в гостиной, через три с четвертью — дрожащей рукой наливал живительную жидкость. А через четыре, откинувшись в кресле, положив ноги на столик, испытывал высшее блаженство. И тут раздался голос.

Сказал он только «Ой», но мог и просто крикнуть. Волосы у Мартышки поднялись дыбом, как иглы на взъяренном дикобразе, сердце с тупым стуком ударилось о передние зубы, и, жалобно крикнув, Мартышка взлетел к потолку.

Дважды коснувшись его и опускаясь на пол, он заметил, что это не сэр Эйлмер, а старый друг, Элзи Бин. Она стояла в дверях, приложив руки к груди, и пыхла, как пыхтят служанки, если зайдут ночью в гостиную, а там сидит аристократ.

Мартышке стало легче, спокойствие вернулось к нему, а с ним — и млеко милости. Если ты думал увидеть баронета в халате, приятно, убедившись в ошибке, потолковать с одним из лучших умов Боттлтон-Ист. Высвободив язык, зацепившийся за голосовые связки, Мартышка приветливо заметил:

— Пип-пип!

— Пип-пип, сэр.

— Это вы?

— Да, сэр.

— Ну и испугался же я!

— И я, сэр.

— Значит, оба испугались, — подытожил Мартышка, еще со школы питавший склонность к математике. — Вы уж простите, принял за хозяина. Помните, вы удачно назвали его титаном? Так и есть; а я их не люблю. Что ж, располагайтесь, побеседуем. Как ваш Гарольд? Элзи опечалилась.

— Худо, — отвечала она с той искренностью, которую в Боттлтон-Ист выпитывают из воздуха. — Сил никаких нет, какой упрямый.

— Не хочет уйти со службы?

— Ага.

Мартышка тоже опечалился. Он не видел в Поттере той бесовской прелести, которая привлекает женщин, — но при чем тут он? Если ты влюблена, ты плачешь и томишься, словно твой возлюбленный — Кларк Гейбл или Грегори Пек.

— Сейчас говорили-говорили, и все зря.

— Какой ужас!

— Сестра совсем подмяла. Прямо не знаю, что и делать.

Жемчужная слеза появилась в уголке ее глаза, и она шмыгнула носом. Мартышка погладил ее по голове. Хоть это вправде сделать благородный человек!

— Все будет хорошо, — сказал он. — Подождите, он уступит. Как-никак любовь...

— Если бы в нос заехать... — мечтательно сказала Элзи.

— Заехать в нос?

— Ага.

Мысль эта Мартышке понравилась, но скорее абстрактно.

— Стал бы поумней, — продолжала Элзи. — Он у меня нервный.

— Нервный? — удивилась Мартышка, не заметивший этой черты.

— Ага. Он из-за этого переехал. В городе как? Схватишь кого, а он в ухо. Дали бы тут, он бы сразу ушел. Предупредил бы за месяц, — уточнила Элзи.

Мартышка понял ее. Как не понять, когда мысль так прекрасно выражена.

— Это верно, — сказал он.

— А вы не дадите ему в нос? — несмело спросила Элзи.

— Не дам.

— Может, по шлему стукнете? Когда не смотрит.

Сердечно жалея наивное создание, Мартышка все же не стал скрывать горькую правду:

— Они смотрят всегда. Нет, Элзи, на меня не рассчитывайте. Тут подошел бы ваш брат. Как жаль, что он занят до сентября! За что его покартали?

— Соппротивление при исполнении. Дал полисмену по голове.

— Вот видите! Значит, все в порядке. Подождите до осени. А почему вы здесь?

— Виски взять хотела.

Гостеприимный Мартышка спохватился.

— Простите! — сказал он. — Сейчас налью.

— Для Гарольда, — пояснила Элзи. — Он в саду. Бросил мне камешек в окно и говорит, принеси выпить. В саду! — горестно вскрикнула она. — Приличные люди спят. Ну, никаких сил!

Она шмыгнула носом, и Мартышка поспешил ее утешить.

— Все будет хорошо, — заверил он. — Сигарету?

— Ага.

— Тут — турецкие, тут — виргинские.

Он дал ей прикурить от своей, и, когда лица их соприкоснулись, в комнату вошел Билл.

2 Мы не знаем, можно ли назвать великими умами Билла Окшота и Мартышку, но в эту ночь они проявили свойство, присущее таким умам, а именно — думали в унисон. И тот, и другой, вспомнив о графине, пошли выпить.

Со встречи с лордом Икенхемом Билл испытывал то, что испытал бы, если бы фалды его фрака привязали к экспрессу Лондон — Эдинбург. Как многие, кого судьба свела с мятежным графом, когда тот без поводка, молодой путешественник страшился будущего, а потому не мог заснуть. Бессонница располагает к жажде, жажда — к мысли о графинах.

И у Билла, и у Мартышки мысль не расходилась с делом, разница была в мелочах. Мартышка не знал, скрипят ли ступеньки, и шел осторожно, как Агаг, знакомый с местностью, а Билл несясь, словно бизон к водопою. Тем больше поразила его трогательная сцена. Элзи Бин проговорила «Ой!». Билл ничего не мог сказать. Он стоял и смотрел, потрясенный до глубины души.

Мартышка нарушит молчание первым.

— Привет, — заметил он.

— А, это вы, сэр! — прибавила Элзи.

— Здравствуйте, — сказал новоприбывший.

Говорил он отрешенно, ибо старался понять, хуже ли, если Мартышка невменяем. Несомненно, Элзи ошиблась, сообщив, что он уехал в Лондон, — он

просто покатался, что вполне резонно в теплый летний день. Но хорошо это или плохо? Недавно сгоряча Билл подумал, что нормальный распутник лучше больного, а теперь — сомневался. Может быть, вменяемый растлитель особенно страшен?

Одно он знал точно: как только Элзи уйдет, он поговорит с ним, как с младшим братом — скажем, как Брабазон-Планк-мајог с Брабазоном-Планком-тіпог.

Возможность эта представилась раньше, чем подумали бы люди, хорошо знавшие невесту Поттера. Она была общительна и болтлива, но, нарушая строгий этикет, приличий придерживалась; и чутье подсказало ей, что, оказавшись в бигуди и в халате вместе с молодым хозяином и молодым же гостем, надо уйти как можно скорей. Этим начинаются все книги о достойном поведении.

Поэтому, учтиво промолвив: «Ну, спокойной ночи!», она ушла; а Мартышка ощутил какое-то неудобство, словно подуло из окна, посмотрел и понял, что его испепеляет пламенный взгляд.

Разные люди испепеляют по-разному. Билл, уверенный в том, что пора указать Мартышке, чем поведение его отличается от идеала, стал густо-вишневым, а глаза у него вылезли, как у крупной улитки. Кроме того, он трижды откашлялся.

— Мартышка, — сказал он.

— Да?

Он откашлялся еще раз.

— Мартышка.

— Прошу!

Билл обошел комнату. Трудно придумать хорошее начало, а когда говоришь с распутником как старший брат, такое начало — исключительно важно. Он в пятый раз прочистил горло:

— Мартышка.

— Здесь!

Откашлявшись снова и тщательно ответив на вопрос, не проглотил ли он комара, Билл опять пошел по кругу. Наткнувшись на небольшое кресло, он остановился от боли.

— Мартышка, — сказал он твердо, — мы об этом еще не говорили, как-то не приходилось, но я недавно узнал, что ты обручен с Гермионой.

— Это верно.

— Поздравляю.

— Спасибо.

— Желаю счастья.

— Мерси.

— Тебе... х-ха... и ей. Главное, ей.

— Ну, естественно!

— Ты сможешь его обеспечить?

— Надеюсь.

— Интересно, как, если ты все время распутничаешь со служанками?

— А?

— Ты слышал.

— Распутничаю?

— Да.

Мало кто вынесет спокойно такие слова. Мартышка налил себе виски и, взмахнув стаканом, как король Артур — Эскалибуром, начал речь в свою защиту.

Нет, сказал он, не распутничает все время, да и вообще не распутничает. Прежде всего, уточним термин. Предложить сигарету — не распутство. Прикурить

— тоже. Оказавшись ночью в гостиной с общительной служанкой, всякий воспитанный человек будет учтив.

Он поболтает с ней. Он предложит сигарету. Если она согласится, он поможет закурить. Так, по крайней мере, думает Мартышка: так думали бы сэра Галахад и шевалье Байяр, которых никто не обвинял в распутстве. Очень жаль, что у некоторых такое грязное воображение, ибо, надо сказать, чистому все чисто.

Речь удалась на славу, и мы не удивимся, что Билл покачнулся, словно дуб под ветром. Однако, прочистив горло, вспомнил все благородство своей миссии и снова обрел ту спокойную мощь, которая его отличала.

— Возможно, — сказал он, — но я видел, как ты целовал Элзи.

Мартышка удивился:

— Я?

— Да.

— Элзи?

— Элзи.

— В жизни я ее не целовал!

— Целовал. На ступеньках.

Мартышка хлопнул себя по лбу.

— И верно! Ты подумай... Целовал — но по-братски.

— Прямо, по-братски!

— Да, — не сдался Мартышка, словно часто видел, как целуют служанок их братья. — Если бы ты все знал...

Билл поднял руку. Он ничего не хотел знать и, подойдя к бывшему другу, посмотрел на него так, словно он-аллигатор, которого надо укротить взглядом.

— Твистлтон!

— Какой я тебе Твистлтон?

— Как хочу, так и называю. Твистлтон, имей в виду: оторву голову, выпотрошу брюхо...

— Ну, что ты, честное слово!

— ...голыми руками. Чтобы этого больше не было!

— Чего?

— Сам знаешь. Ты кто, Дон Жуан? Мотылек? В общем, хватит. Сдерживай себя. Брось служанок. Ты женишься на прекраснейшей из девушек. Она любит тебя, доверяет...

— Да постой ты!

Мартышка замялся, поскольку Билл снова поднял руку. Жест этот очень эффективен в исторических пьесах, где мигом успокаивает разъяренные толпы. Однако сейчас он помог и в жизни — видно, тут важен размер руки. Измученному Мартышке показалось, что она не меньше окорока.

— Наверное, — продолжал Билл, — ты думаешь, какое мне дело.

— Нет. Нет. Ничего я не думал.

— Хорошо, я скажу. Я люблю Гермину всю мою жизнь.

— Правда?

— Правда. Много лет. А ей не говорил.

— Не говорил?

— Конечно. Она ничего не знает.

— Вон что!

— Но я обязан печься о ее счастье, как...

— Гувернантка?

— Старший брат. Печься, как брат, и смотри за тем, чтобы к ней не относились как к пустой игрушке.

Это Мартышку удивило. Он не думал, что к Гермione можно так относиться.

— К игрушке, — повторил Билл. — Пусть выходит за другого...

— Молодец!

— Да, мне тяжело, но если хочет — пусть выходит. Я желаю ей счастья.

— Правильно!

— Но помни, Твистлтон, — прибавил Билл, и, взглянув на него, Мартышка вспомнил директора школы, с которым пятнадцать лет назад у него был разговор о том, можно ли носить в класс белых мышей, — помни, если я пойму, что другой видит в ней игрушку, не дает ей счастья, разрывает сердце, я оторву ему голову и удуш его, как...

— Собаку? — подсказал Мартышка.

— Нет, не собаку. Кто душит собак? Как змею.

Мартышка мог сказать, что и змей душат редко, но ему не хотелось. Странно оцепенев, смотрел он, как собеседник подходит к столику, наливает виски, прибавляет очень мало воды, выпивает все это и направляется к двери. Она закрылась. Он остался один.

То чувство, которое испытал полицейский, которого ударил по шлему брат Элзи Бин, уже проходило, когда из музея послышался странный крик, а там и голоса. Сжавшись в кресле, словно заяц в норе, Мартышка не сразу узнал их. Один из них волновался: другой его успокаивал.

Хлопнула дверь, потом вторая, и в гостиную вошел лорд Икенхем.

З Недавняя беседа не повлияла на него: он был беспечен и спокоен, каким и бывает английский пэр, когда вспомнит, что в гостиной остался графин виски. Другие, послабее, дрожали бы всем телом, но он сохранял ту мягкую невозмутимость, которой отличается рыба на льду. Сердце у Мартышки уже не только прыгало а la Нижинский, но и громыало а la мотор, но все же ему показалось, что глава их семьи что-то напевает.

— А, ты здесь! — сказал граф, протягивая руку к графину. — Не спится? Где виски, там и ты. — Он налил себе и сел в кресло. — По-моему, — он отхлебнул, — это лучшее время суток. Тишина, бодрящая влага, приятная беседа. Ну, какие новости? Ты чем-то расстроен? Надеюсь, ничего не случилось?

Мартышка зашипел, словно сифон, в котором кончается вода. Вопрос показался ему неуместным.

— В каком смысле «ничего»? — спросил он. — Сейчас мне сказали, что меня выпотрошат.

— Кто это сказал?

— Билл Окшот.

— Прорицал или сам собирался?

— Собирался сам.

— Ты меня удивляешь. Билл Окшот, этот милейший человек?

— Да уж, милейший! Хуже Безликого Беса. Ему самое место в комнате ужасов. Еще он обещал оторвать мне голову и задушить меня, как змею.

— Когда человек без головы, душить его трудно. Что ж ты такое сделал?

— Сидел тут с Элзи Бин.

— Не припомню, кто это. Столько встречаешь людей...

— Служанка.

— А, да! Которую ты целовал.

Мартышка обратил лицо к потолку, словно взывал к небесной справедливости.

— Да не целовал я! Ну, чмокнул по-братски, она мне очень помогла. Вас обоих послушать, мы сутками играем в фантики.

— Дорогой мой, не горячись. Я тебя понимаю. Он очень расстроен. Его волнует счастье твоей невесты.

— Он ее любит.

— Вот как? Бедный Билл! Наверное, ему было неприятно, когда я сказал в поезде, что она выходит за тебя. Мне его жаль.

— А мне — нет. Чтоб он лопнул.

— Другое странно: как у Балбеса может быть дочь, чарующая всех до единого? Ему больше подошла бы Горгона со змеями. Ты, часом, не слышал, как он кричал?

— Слышал. Что случилось?

— Обиделся.

— Застал тебя в музее?

— Это я его застал. Он спал там среди своих экспонатов. Нехорошо, по-моему. Или ты экспонат — тогда спи, или не экспонат. — Красивое лицо пятого графа подернулось печалью. — Знаешь, Мартышка, мне претит такая низость. До чего дошел человек, если он привязал веревку к большому пальцу ноги и к ручке двери!

— Что ты говоришь!

— Привязал. Честное слово, это подло. Простились, разошлись по комнатам, казалось бы — спи у себя, как честный землевладелец! Иду в музей, не чуя зла, берусь за ручку, поворачиваю...

— А, черт!

— Не знаю, доводилось ли тебе наступить в темноте на кошку? Со мной это было, в Нью-Йорке, на Уэверли-плейс. Абсолютно то же самое.

— Что ты сказал?

— Говорил в основном он.

— Нет, как ты оправдался?

— Ах, оправдался? Очень просто. Я сказал, что хожу во сне.

— Поверил он?

— Вот уж не знаю. Какое мне дело, в сущности?

— Ну, нам конец.

— Чепуха! Опять этот мрачный взгляд на жизнь. Что, собственно, случилось? Кое-что не вышло.

— Кое-что!

— Дорогой мой, обойти такое препятствие — легче легкого. Хорошо, Балбес спит в музее. Значит, надо его выкурить. Самый быстрый способ — снотворное, но я ничего не захватил. Очень глупо. Нельзя приезжать в поместья без капель или таблеток. Но вообще я не беспокоюсь. Если я не могу перехитрить губернатора в отставке, зачем я столько лет тренировался в Соединенных Штатах Америки? Волнует меня одно, как там Салли. Она ждет в саду, словно Марианна какая-нибудь...

Мартышка испуганно вскрикнул.

— Там этот чертов Поттер! — сообщил он. — Элзи брала для него виски.

Лорд Икенхем задумчиво помассировал подбородок.

— Не знал, не знал. В саду, э? Это немного осложняет дело. Однако...

Он не договорил. Разрывая ночную тишь, зазвенел звонок, словно кто-то нажал на него большим пальцем и не отпускает. Лорд Икенхем посмотрел на Мартышку, Мартышка — на лорда Икенхема.

— Поттер, — сказал граф.
— А, черт! — сказал его племянник.

Глава 9

Многие гордо отмечали (или отметили бы, если бы пришлось), что наши полицейские, закалившись с детства, переносят с отрешенным спокойствием тяготы и огорчения, неизбежные на их стезе, другими словами — не канючат.

Если, скажем, им придется провести в саду летнюю, но не теплую ночь и попросить, чтобы принесли горячительный напиток, и не дожидаться его, они не падут духом, а напомним себе: «Долг, совести суровое дитя» — и останутся, где были.

Так случилось и с Гарольдом Поттером. Проигрывая сызнова сцену Ромео и Джульетты, невеста его побежала за виски, но, видимо, на ее пути возникли препятствия. Минуты шли, она не появлялась, он подумал про эти препятствия и, раза два вздохнув, один — чертыхнувшись, вытеснил виски из сознания.

Человек потоньше утешился бы стихотворством, ибо сад эшенденских владений к тому располагал. Легкие ветерки приносили запах табака и вьющихся роз, одни совы ухали, другие — охали. Прибавьте к этому молчаливое величие дома и сверкание воды, отражающей мерцание звезд, и вот вам среда, которая легко породит полисмена-поэта.

Однако Гарольд Поттер не очень любил стихи. Даже гуляя при луне со своей Элзи, он рассказывал ей, в лучшем случае, как болят у него мозоли, натертые сапогами. Сейчас он думал о бутербродах с ветчиной и как раз представил себе, какой бутерброд съест дома, когда различил во мраке смутный силуэт. Подобно ему самому, тот притаился.

Полисмен поджал губы. Силуэт ему не понравился. Нет, не смутностью — в такой час трудно ее избежать, а неуместностью. Гарольд Поттер считал, что силуэтам нечего делать ночью в саду Эшендена, и, сильно волнуясь, вышел из-за дерева, видя перед собой большие буквы:

«БЕССТРАШНЫЙ КОНСТЕБЛЬ ИЗЛОВИЛ ОПАСНОГО ВОРА».

— У-у! — сказал он, хотя мог бы сказать: «Это что такое?», как и рекомендуется в справочниках. — У-уу! Чего вам тут нужно?

Сомнения в том, серьезно ли дело, мгновенно рассеялись. Силуэт подскочил и кинулся бежать. Поттер кинулся за ним, видя шапку:

«НОЧНАЯ ОХОТА В ТЕМНОМ САДУ».

Когда гонишься за кем-то по пересеченной местности, многое зависит от удачи. Беги они по треку, мало кто поставил бы на констебля, ибо он отличался не столько прытью, сколько солидностью. Но в таких погонях прыть еще не все. Силуэт обо что-то споткнулся, чуть не упал — и Поттер настиг его единым скачком, хотя и сам потерял равновесие. Обретя его, он оказался наедине со звездами и совами. Смутный силуэт исчез. Констебль держал что-то вроде неполного платья.

Именно тогда решился он подойти к дверям и позвонить. Вскоре ему открыли. Он вошел в холл.

Народу там было много. Если звонишь ночью в дверь, непременно привлекаешь внимание. Кроме личных друзей — кухарки, невесты, горничной Джейн и мальчика

Перси, который чистил обувь и ножи, — констебль заметил сэра Эйлмера, напоминающего Клемансо в плохом настроении, леди Босток, напоминающую лошадь, а также их племянника, напоминающего большой помидор. Мало того, с дрожью ярости он увидел таких подонков, такие отребья Ист-Далиджа, как Джордж Робинсон и Эдвин Смит. Первый из них был благодушен, второй — беспокоен.

Констебль разгладил усы. Пробил его час, тот час, когда они все будут ползать перед ним. По крайней мере, он так думал, пока не услышал крика, который издал сэр Эйлмер, уснувший было после беседы с пятым графом.

— Да, сэр? — спросил ревностный констебль, немного испуганный его манерой.

— Это ВЫ трезвонили?

— Простите, сэр?

— КАКОГО ЧЕРТА?! Разбудить меня!.. Переполошить весь дом!..

— Я поймал грабителя, сэр.

— Где же он? Вы что, его отпустили?

— Выпустил, сэр.

— Кретин! Болван! Дурак! Идиот! — сказал сэр Эйлмер.

Констебль огорчился:

— Я не виноват, сэр. Когда я его схватил, порвалась... хм... одежда.

Предъявляя вещественные доказательства, он поднес их сэру Эйлмеру. Сэр Эйлмер всмотрелся.

— Это платье, — сказал он.

— Женская одежда, — уточнил Поттер. — Неизвестная особа пряталась в саду. Когда я ее схватил, она разорвалась.

Слова, несомненно, способные вогнать в дрожь, вызвали крик, точнее — женское восклицание «О-ох!». Зная, что невеста его воскликнет «Ой!», констебль заподозрил Джейн или кухарку, а сэр Эйлмер вообще заметил, сколько собралось народу.

— Эмили! — сказал он.

— Да, дорогой?

— Что они тут делают? — спросил он, переводя взгляд с кухарки на Джейн, с Джейн на Элзи. — Пусть идут спать!

— Хорошо, дорогой!

— Титан! — крикнул молодой голос. Элзи собиралась послушать новости, а там — по-дружески обсудить их, и ее независимый дух возмутился. Когда ей исполнилось семь лет, она перевозбудилась, ей стало худо, и ее увели с пантомимы. С тех пор она не знала таких разочарований.

— Кто это сказал? — спросил лорд Эйлмер.

— Я, — спокойно и строго отвечала Элзи Вин. — Титан и есть, можете меня уволить.

— И меня! — сказала кухарка, радуясь удачной мысли.

— Да и меня, — сказала компанейская Джейн.

Сэр Эйлмер вцепился в свой халат, словно хотел его разорвать, как пророк Ветхого завета.

— Эмили!

— Да, дорогой?

— Ты их разгонишь или нет?

— Да, дорогой, сейчас, дорогой.

Невыразимо страдая — кто-кто, а она знала, как трудно нанять прислугу,

— леди Босток отослала женщин. Остался только Перси, закуливший сигарету,

радуясь тому, что мужчины могут теперь обсудить все толком.

Сэр Эйлмер перевел дух, словно оратор на собрании, с которого изгнали смутьянов.

— Поттер!

— Сэр?

— Расскажите все снова.

Констебль рассказал, и даже лучше, ибо сумел подыскать слова, а сэр Эйлмер внимательно выслушал.

— Где она была?

— Неизвестная особа, — поправил полицейский, — находилась в саду.

— Где именно?

— Недалеко от окна, сэр. За ним ваши штуки.

— Что-о-о?

— Эспогаты, сэр.

— Экспонаты.

— Да, сэр.

— Что она делала?

— Таилась, сэр.

— Зачем?

— Не знаю, сэр.

Перси стряхнул пепел.

— Сообщника ждала, — сказал он. — Ничего не попишешь, банда.

Лучше бы он не говорил. Констебль, вынужденный смиряться перед вышестоящими, ждал случая разрядить обиду с той поры, как сэр Эйлмер назвал его кретином, болваном, идиотом и дураком. Схватив нахала за левое ухо, он ловко вышвырнул его и вернулся, удовлетворенный хорошо выполненным делом.

Однако Перси приоткрыл дверь и сказал:

— И меня увольняйте.

Лорд Икенхем, молчавший до сей поры, тоже взял слово:

— Ловко ты их. Балбес. Единым махом... Жаль, в деревне очень трудно найти прислугу.

Сэр Эйлмер не ответил, он и сам так думал. В беседу вступил констебль.

— Вообще-то, мальчишка прав, — заметил он. Перси он не любил, подозревая, что тот кинул в него кирпич, но любил справедливость. — Банда и есть. Сообщники — в доме, — прибавил он, бросив при этом многозначительный взгляд.

Тут заговорил Мартышка и так живо, словно его укололи в заднее место. Упомянув о многозначительном взгляде, мы забыли сказать, что смотрел констебль на последнего из Твистлтонов, а может — и преуменьшили его силу. Глупо называть многозначительным смертоносный луч.

— Что вы на меня смотрите?

Остроумный констебль заметил, что кошке дозволяется смотреть на короля, и еще радовался своей находчивости, когда сэр Эйлмер решил, что пришла пора говорить без околичностей. Весь вечер он играл радушного хозяина — во всяком случае, не слишком свирепого — перед этим ползучим гадом, и теперь даже мысль о Гермионе не могла его остановить.

— Я вам скажу, почему он смотрит. Он знает, что вы — мошенник.

— Кто, я?

— Вы. Думаете, обманули? Не-ет! ПОТТЕР!

— Да, сэр?

— Расскажите, где вы их видели.

— Хорошо, сэр, — отвечал констебль, устремляя взгляд в пустоту. — Забыл! Надо посмотреть, там записано. А в общем, год назад я дежурил на собачьих бегах. Обвиняемый привлек мое внимание, поскольку нарушал порядок, и, отвечая на мой вопрос, назвался Смитом.

— Не Твистлтоном?

— Нет, сэр. Эдвин Смит, адрес — Ист-Далидж, Настурциум-роуд, 11.

— Ну, что скажете? — спросил сэр Эйлмер.

Тут вмешался лорд Икенхем:

— Балбес, не дури. Ну, назвал чужую фамилию. Ты сам так делал.

— Я? Нет!

Лорд Икенхем пожал плечами:

— Не хочешь — не говори. Кто-кто, а я бы не хотел будить болезненных воспоминаний. Уверяю тебя, это Реджинальд. Вообще-то Билл сказал мне, что ты спятил.

— Вот как?

— Я спросил, в чем это выражается, а он ответил, что ты заподозрил его старого друга. Вы подтверждаете, Билл, что это ваш старый друг?

— Да.

— Пожалуйста!

Сэр Эйлмер подул в усы.

— Уильям его не видел двенадцать лет. Ха! Уильям!

— Да, дядя?

— Спроси его что-нибудь.

— Спросить?

— Про школьные дни.

— Мы не учились вместе. Я познакомился с ним на празднике, в Икенхеме.

— Чем не гарантия? — вставил граф. — Исключительно достойный дом. Кстати, как ты туда съездил?

— Не важно, — отвечал баронет. — Что он там делал?

— Гостил.

Сэр Эйлмер подумал и снискал вдохновение:

— Была там собака?

— Э?

— Собака.

— А собака. Соба...

— Не говори. Спрашивай.

Лорд Икенхем кивнул:

— Очень умно, Балбес. Если он там гостил, он вспомнит, была ли там собака.

Мальчики помнят собак. Ну, обвиняемый, помнишь?

— Еще бы. Колли.

— Правильно, Билл Окшот?

— Правильно.

— Как ее звали?

— Рукавица.

— Верно, Билл Окшот?

— Верно. В самую точку. Спросить еще, дядя Эйлмер?

— Не надо.

— Надеюсь, — сказал лорд Икенхем. — Не позорься, Балбес.

— Вот как? — откликнулся уязвленный хозяин. — Сейчас перейдем к вам.

— Ко мне?

— Да. Откуда я знаю, кто вы? Брабазона я помню, вы на него не похожи...

— Я объяснил. «Грация». Банка поменьше — полкроны, побольше — три кроны шесть пенсов. Смешаешь с едой — и зада как не бывало.

— Я не верю, что вы — Планк. Может, Уильям подцепил чужого человека, чтобы судить этих детей.

— Смешно! Посмотри на него. Какой чистый взгляд, какой лоб!..

— Тут что-то не так, — твердо сказал сэр Эйлмер, — и я в этом разберусь. Совершенно чужой человек говорит, что он со мной учился. Поттер ловит женщину, которая рыщет в моем саду.

— Не столько рыщет, сколько таится.

— МОЛЧАТЬ!

— Слушаюсь, сэр.

— Рыщет в моем саду, пытаюсь связаться с сообщником. Кто он? Не я же.

— Надеюсь, Балбес.

— Не Уильям. Не этот мальчишка, который тут был...

— Откуда ты знаешь? Я бы смотрел за ним и смотрел.

— Видимо, не Реджинальд, поскольку он — Реджинальд. Остаетесь вы.

— Ну что ты, Балбес! Почему ты думаешь, что она пыталась с кем-то связаться? Скорее бедное создание искало приюта на ночь в каком-нибудь амбаре или стойле, что бы ни значили эти слова.

— Ха-ха, бедное создание! И шла бы в стойло, а то рыщет...

— Таится, сэр.

— Ма-алчать! Рыщет под окнами музея. Ясно, из шайки. Я их выведу на чистую воду! Вот вы, например, докажите, что вы Планк.

Лорд Икенхем приятно улыбнулся.

— Что ж ты раньше не сказал? Пожалуйста. Тебе недостаточно, что я зову тебя Балбесом?

— Могли откуда-то узнать.

— Тогда вспомним то, чего не узнаешь без постоянного общения. Кто стащил пирожки с джемом в школьной лавке? Кто всунул перо в стул француза? Кто получил шесть раз по заду за измывательства над младшими? Кстати, помнишь хрупкое златовласое дитя, которое смотрело на тебя, словно на небожителя? Ты измывался над ним, Балбес, ты ему угрожал, словно ассириец, ты драл его за волосы, ты выкручивал его нежную ручку. Но тут он вырвал ее и дал тебе в глаз, приятно было посмотреть. Через десять минут, препроводив тебя в постель, мы узнали, что этот мальчик — чемпион в легчайшем весе, которого отец перевел к нам, чтобы он дышал деревенским воздухом. А вот еще...

Он остановился. Речь его прервали странные и страшные звуки, словно закудахтал индеек с большим горлом. Констебль смеялся редко, пытался себя сдерживать, но не сумел.

— Ык, ык, ык, — промолвил он, и сэр Эйлмер кинулся на него с яростью златовласого чемпиона, которому выкручивают руку.

— ПОТТЕР!

— Сэр?..

— Вон отсюда! Что вы тут торчите? Искали бы ту женщину, если сдуру упустили.

Укор отрезвил Гарольда Поттера.

— Да, сэ, — сказал он.

— Что «да»?

— То есть нет, сэ. В общем, пойду искать. А чего там? Сразу увижу, она, простите, голая, — вывел он со свойственной ему ясностью мысли.

Учтиво поклонившись, он ушел, и сэ Эйлмер решил последовать его примеру.

— Пойду спать, — сказал он. — Уже часа два.

— Больше, — сообщил лорд Икенхем, взглянув на часы. — Как бежит время! Пойдем и мы, пора.

Он взял пол руку племянника, дышавшего так, словно у него поднялась температура, и пошел с ним наверх.

2 Спальня, отведенная лорду Икенхему, выходила окнами в парк, и он усадил Мартышку в шезлонг у самого балкона.

— Отдохни, — сказал он, подкладывая подушку. — Ты напоминаешь мне моего нью-йоркского друга по имени Брим Рокметеллер, когда ему четвертого июля подложили шутихи под стул. Такой самый вид. Казалось бы, все в порядке, разобрались в этой истории с Эдвином Смитом, а ты горюешь.

Мартышка сел прямо, опять растопылив ноги во всех направлениях.

— Ну, ну! — заметил лорд Икенхем, приводя их в порядок. — Ты человек или осьминог! Просто хоть связывай.

— Дядя Фред, — тихо сказал Мартышка, не внемля упреку, — может быть, ты не знаешь, что от тебя нет никаких сил. Где ты — там разорение и гибель. Жизнь, свобода, счастье исчезают, как тени. Слово черная смерть, ты косишь народ тысячами.

Пыл его и слог немного удивили лорда Икенхема.

— Дорогой мой, что же я сделал?

— Объяснил про эти бега.

— Ну, знаешь! Я хотел помочь. Если бы я не вмешался...

— Если бы ты не вмешался, я бы стоял насмерть.

Лорд Икенхем покачал головой:

— Ничего бы не вышло. Видит бог, я всегда за то, чтобы не сознаваться, тридцать лет так живу, сколько женат, но тут — не подходит. Балбес поверил бы Поттеру. Он бы решил, что ты — вор

— А кто я теперь? Что скажет Гермiona? Узнает — разорвет помолвку.

— Ты думаешь?

— Просто вижу, как она пишет письмо.

— Что ж, и прекрасно. Я бы радовался.

— Чему тут радоваться? Я ее боготворю. До сих пор...

— Знаю-знаю. Не умел любить. На мой взгляд, нельзя связывать судьбу с воспитательницей детского сада, которая будет всю жизнь бить мужа лопатой. Но сейчас не до бесед о браке. Есть дела поважнее.

— Какие это?

— Дорогой мой, тебе безразлично, что Салли мечется по округе в одной рубашке? Где твоё рыцарство?

Мартышка опустил голову. Ему было очень стыдно.

— Ах ты, и верно! — сказал он. — Она простудится.

— Это в лучшем случае.

— Ее схватит Поттер.

— Вот именно.

— Чтоб он лопнул!

— Да, и я бы этого хотел. Не констебль, а могучая сила природы. Никогда не думал, что такое рвение уместается в полицейской форме. Что ж, до свидания.

— Куда ты идешь?

— Туда, во тьму, — отвечал пэр, перекидывая через руку цветастый халат.

— Мы не знаем, где Салли, но уйти далеко она не могла. Сиди здесь, отдыхай, размышляй.

Он вышел, ступая как можно бесшумней, а Мартышка откинулся в шезлонге и закрыл глаза.

«Размышляй!..» — горько подумал он и безрадостно засмеялся.

Но разум наш способен на многое. Казалось бы, какие размышления, когда мозг похож скорее на вихрь, чем на скопище серых клеток? Однако Мартышка заметил, что он и впрямь размышляет.

В сознании его, словно огненный образ, вставал графин, оставшийся на круглом столике и полный наполовину. Разум услужливо подсказал, что виски приносит пользу именно в таком состоянии. Любой врач, продолжал разум, порекомендует, нет — просто пропишет стаканчик-другой.

Через полминуты Мартышка отправился в обетованную землю, еще через полторы — сидел, задрал ноги, в своем любимом кресле. Спокойствие вернулось к нему.

В гостиной было очень тихо и очень хорошо, точнее — тихо и хорошо минут пятнадцать. К концу их вошел сэр Эйлмер и стало хуже. Поскольку сон его дважды прервали, он тоже вспомнил о графине и потянулся к нему душой. Опыт подсказывал, что самая жестокая бессонница — ничто перед стаканчиком-другим.

Мартышке он не обрадовался. Хотя ему и пришлось отказаться от прежних воззрений, он все же считал его гадом и ничуть не намеревался выпивать с ним в третьем часу. Жизнь, думал он, трудна и так, когда не натыкаешься повсюду на этого субъекта. Если бы после двух дней общения с будущим зятем сэра Эйлмера спросили, каким он хотел бы видеть мир, он бы сказал, что не привередлив и просит только об одном: чтобы в мире не было Твистлтонов.

— Уфф! — сказал он. — Ф-фуф! Опять вы!

Очень трудно на это ответить. Мартышка не придумал ничего, только подпрыгнул сидя, что уже вошло в привычку, а приземлившись — нервно хихикнул.

И зря. Мы знаем, как относился к этому сэр Эйлмер. Да, он не рвал людей на части, но лишь потому, что не хотел связываться с судом. Он посмотрел на Мартышку — и увидел, что тот держит бокал.

— Эй! — вскричал он. — Я думал, вы не пьете.

— А?

— Не пьете!!!

— Именно, не пью.

— Тогда чего ж вы хлещете виски?

— Прописали.

— Что?!

— Врачи рекомендуют. Для здоровья.

Бывают минуты, когда, объяснив все, мы ждем, что из этого выйдет. Такая минута настала. Мартышка искал детского доверия в суровом лице будущего тестя — и тут вошла леди Босток.

Некоторым покажется, что таких совпадений не бывает. Шесть обитателей Эшенден-Мэнор независимо друг от друга вспомнили о графине, который оставила Джейн! Однако другие увидят в этом ту неотвратимость, которая страшит и пленяет

нас в греческой трагедии. Эсхил говаривал Еврипиду: «Неотвратимость — это вещь!», и тот с ним соглашался.

Как бы то ни было, леди Босток тоже привлек графин. Не в силах уснуть после недавней передряги, она подумала, не выпить ли виски, разбавив его водой. Увидев единомышленников, она удивилась.

— Эйлмер! — сказала она. — Реджинальд! Я думала, вы не пьете.

Сэр Эйлмер издал исключительно противный звук, как бы выговаривая носом: «Еще чего!»

— Прописали для здоровья, — объяснил он.

— Да?

— Да. Врачи.

Тон его был так глумлив, что Мартышка, расплескавший почти все во время прыжка, не решился налить снова. Теперь ему хотелось не столько выпить на дорогу, сколько оказаться там, где нет ни сэра Эйлмера, ни его жены.

— Э... а... спокойной ночи, — сказал он.

— Уходите? — мрачно прогремел сэр Эйлмер.

— Э... да... спокойной... э...

Супруги тоже пожелали ему спать спокойно. Когда дверь закрылась, леди Босток напоминала лошадь, не очень довольную овсом.

— Ах, господи! — сказала она. — Надеюсь, Реджинальд не пьяница. — Тут она вспомнила: — Слава богу! Он ведь не Реджинальд. Он мошенник.

— Реджинальд, — сообщил сэр Эйлмер. — Мы тут разобрались, все выяснили. На этих собачьих бегах он дал чужое имя и чужой адрес.

— Это нехорошо.

— Что уж хорошего! Подло, я сказал бы. Мерзко. А пить он пьет. Ты посмотри, как у него бегают глаза. Я сразу понял. Хихикает! Пьяница, тут и думать нечего. Алкоголик. Ты уж поверь, он и здесь пил, как губка. Что будет делать Гермiona, ума не приложу. Алкоголики видят зеленых змей, — сэр Эйлмер отпустил воображение на волю, — желтых жаб, синих слонов. Лиловых пингвинов...

Материнское сердце не камень. Леди Босток жалобно заржала.

— Надо ее предупредить!

— Именно. Вот и напиши.

— Я к ней поеду!

— Езжай.

— Прямо с утра!

— Чем раньше, тем лучше. А сейчас ложись, не выспишься. Почему ты вообще пришла?

— Не могла уснуть. Решила немного выпить.

— А я много. Тоже не спал. Какой сон, если в доме кишат лунатики и констебли!

Легли эти бабы?

— Да, дорогой. Все уходят.

— Черт с ними.

— О господи! О господи! О господи!

— Что еще?

— Я думаю о Реджинальде. Знаешь, их печат золотом. Может, попробовать?

Не ведая об этих суждениях, но их подозревая, Мартышка взобрался на второй этаж. Нельзя сказать, что он обрел покой; однако его приятно удивляло, что рядом никого нет, ибо недавние события породили в нем нелюбовь к роду человеческому. «Один, один, в конце концов, один!» — думал он, открывая дверь спальни.

На кровати сидел дядя Фредерик, куря некрепкую сигару, а в кресле — окутанная цветастым халатом девушка, при виде которой сердце его снова подпрыгнуло, перекрыв прежние рекорды.

— А, Мартышка, — сказал лорд Икенхем, — заходи, заходи. Тут Салли. Мы влезли по водосточной трубе.

З Мартышка не сразу обрел дар речи. Голосовые связки завязываются узлом от сильных чувств, а у него этих чувств было два.

Конечно, он боялся дядиных действий, он не доверял им, но, кроме того, он смутился, как смутится всякий, неожиданно встретив невесту, с которой расстался после бурной ссоры.

К счастью, невесты в таких ситуациях смущаются меньше. Салли, если судить по виду, не смутилась вообще. Глаза ее, по-прежнему сияющие, сияли приветливо. Когда она заговорила, приветливым оказался и голос, а уж об улыбке не стоит и говорить.

— Здравствуй, — сказала она.

— Здравствуй.

— Рада тебя видеть.

— О-о-о-о...

— Хорошо выглядишь.

— Э...да.

Мартышка говорил рассеянно, ибо думал о другом. За всеми хлопотами — Нью-Йорк, наследство, помолвка — он забыл, как улыбается Салли, и теперь испытывал примерно то, что испытал 4 июля Брим Рокметеллер.

Да, он забыл, как действует эта улыбка, когда засияет, словно огни кабачка после долгого пути, переноса в уютный, веселый, радостный мир. Великая любовь, и та не помогла: Мартышка испытал неприятные чувства вины и утраты.

Но они ушли. Собравшись с силами, он подумал о Гермione — и пожалуйста! Твердый, стальной Реджинальд без единой щелочки в латах задал вопрос, который мог задать и пораньше.

— Что это значит? — спросил он холодно и ровно, как Поттер, обращающийся к подозрительному субъекту. — Что это значит, дядя Фред?

— Ты о чем?

— Что тут делает Салли?

— Скрывается.

— В моей комнате?

— Ничего, это временно.

Мартышка сжал голову руками, чувствуя, как обычно, что она сейчас треснет.

— Господи! — сказал он.

— В чем дело? У тебя неприятности?

— Да не может она тут быть!

— Не беспокойся, ты уйдешь ко мне. Кровать не предоставляю, но вспомни этот шезлонг!

— Я не о том. А вдруг кто-нибудь придет?

— Куда?

— Сюда.

— Когда?

— Утром.

— Никто не придет, кроме горничной, а днем я уведу Салли. Она поставила машину в здешний гараж. Съезжу в Икенхем, привезу ей платье, и пусть едет, куда

ее душе угодно. Кстати, — задумчиво прибавил он, — почему именно «душе»? Очень возвышенно. В общем, утром придет служанка, надо ее уломать. Ты никогда не думал, что если бы гости умели уламывать служанок, те смело пускали бы постояльцев?

— Как ты ее уломаешь?

— Странное слово... Как будто забытый, старинный спорт. Наверное, Вильгельм Завоеватель был просто чемпионом. Дорогой мой, не беспокойся. Собственно, я ее уже уломал. Расскажу по порядку. Можно, Салли?

— Пожалуйста, дядя Фред.

— Прекрасно. Итак, когда мы расстались, я обыскал местность со всей доступной мне скрупулезностью. Трудно без пса, всегда бери его в гости, но я и сам обнаружил ее в оранжерее, где она поливала слезами цветы.

— Ничего подобного! — вскричала Салли, и лорд Икенхем, поднявшись с места, поцеловал ее в макушку.

— Это для красоты, — объяснил он. — Ты вела себя как герой, я просто гордился. Когда Салли услышала мой голос, она засмеялась.

— Хотел бы я засмеяться!

— А ты не можешь? Несмотря на счастливый конец?

— Какой еще конец?

— Счастливый. Ведь Салли спаслась, словно корабль в бурю. На чем я остановился?

— На оранжерее.

— Правильно. Обнаружил, закутал в халат, и мы стали красться сквозь тьму. Ты слышал о Чингачгукке?

— Нет.

— Индеец, известный в мое время. Видимо, теперь не читают Фенимора Купера.

— При чем он тут?

— Я хотел объяснить, как мы крались. Тихо. бесшумно. словно индейцы в мокалинах. И тут мы услышали голоса.

— Я так и подпрыгнула!

— Как и я. Взвились в воздух. Дело в том, что один голос принадлежал констеблю, другой — Элзи Бин. Что приятно в этой усадьбе, всегда можно встретить ночью служанку.

Говорила в основном она. Видимо, попрекала констебля его службой. Она сообщила, что через месяц уходит и должна узнать, уходит ли он. Оказалось, что у них совершенно разные взгляды, мало того — идеалы. Поэтому я решил, что она сочувствует нам, и не ошибся. Вскоре констебль ушел, а наша подруга, негромко фыркнув, направилась к дому. Тут мы и вступили с ней в контакт.

— Игриво крикнув: «Эй!»

— Игриво, как ты заметила, крикнув «Эй!». После этого все пошло как по маслу. Позже она сказала, что дикие звуки из тьмы ее напугали, но она сумела с собой совладать и приветливо нам ответила. Именно она указала нам эту трубу, а когда я посадил Салли, подсадила меня, иначе по трубе не влезешь. Удивительно приятная девушка! Теперь я понимаю, почему ты...

— Что — я? Ну что — я?

— Ах, ничего! Итак, она помогла нам и обещала помогать в будущем. Скоро она зайдет. Видимо, она считает, что есть о чем потолковать.

— О еде! — воскликнула Салли.

— Можно и о еде.

— Я сейчас умру.

— Хорошо, через несколько минут отведу тебя в кладовую. Я бы и сам съел два-три вареных яйца. Ночью всегда хочется есть. А вот и мисс Бин! Заходите, заходите! Надеюсь, вы знакомы. Сигарету?

— Спасибо, сэра.

— Мартышка, дай нашей гостье сигарету. Присаживайтесь, мисс Бин. Скамеечку под ноги? Прекрасно. А теперь поведайте нам, что вас гнетет. Вероятно, вы хотите подсказать, как мы вознаградим вас за вашу доброту. Пять фунтов, на мой взгляд... вернее, десять.

Элзи Бин затрясла головой. Папильотки запрыгали, как усы у сэра Эйлмера.

— Не надо мне денег, — сказала она, не называя их презренным сором, но как бы и называя. — Лучше дайте в нос Гарольду.

Голос был звонок и строг, лицо — сурово, голубые глаза неумолимо сверкали. По-видимому, беседа в саду исчерпала ее терпение. Вот горничная, подумали бы вы, которая больше не уступит; и не ошиблись бы. Дочери Боттлтон-Ист славятся своим пылом, а манера констебля отвечать «Да нет...» на самые пылкие мольбы довела бы и более кротких служанок.

Лорд Икенхем учтиво склонил голову:

— Гарольду?

— Это Поттер.

— А, ваш полицейский друг! Что надо с ним сделать?

— Дать в нос.

— То есть ударить? Стукнуть? Заехать?

— Ага.

— Почему же? Я не навязчив, но это любопытно.

— Чтобы он ушел из полиции. Я говорила мистеру Твистлтону. Гарольд очень нервный. Чуть что — обижается.

— А, так, так!.. Я вас прекрасно понимаю. Психологически это безупречно. Если бы я служил в полиции и меня ударили по носу, я бы тут же ушел. Что ж, мы согласны. Мартышка...

Мартышка дернулся.

— Дядя Фред, — сообщил он, — мы с Элзи уже все решили. Сделает это ее брат. Надо тебе сказать, бить полицейских — его хобби.

— Да он не выйдет до сентября!

Лорд Икенхем очень огорчился.

— Неужели ты хочешь, — спросил он, — чтобы наша бедная подруга ждала до сентября? Мы должны помочь ей немедленно. К несчастью, я уже не тот, плохо даю в нос, хотя был бы счастлив осуществить такую прекрасную мечту. Следовательно, это сделаешь ты и как можно скорее.

— Ах ты, черт!..

— Не говори таких слов. Ты напоминаешь мне нашего предка, сэра Джервиса, который позорил свой род в давние дни. Зовут его под Яппу — он свернется в постели и скажет: «Как-нибудь позже». Ты выполнишь свой долг, обсудив все сперва с мисс Бин. А мы, пока ты обсуждаешь, сходим в кладовую. Лучше — по черной лестнице. Вы не подскажете нам, где она? В конце коридора? Спасибо, мисс Бин. Наверное, кладовую найти нетрудно. Есть в кухне газ, чтобы сварить яйца? Прекрасно. Все удобства. Идем. Салли. Обещаю тебе прекрасную трапезу. Есть тут умеют. Вероятно, кроме яиц, мы найдем ветчину, а может — и сосиски.

Со старинной учтивостью поклонившись Элзи Бин, лорд Икенхем вывел Салли из комнаты, рассказывая ей о том, как он жарил сосиски на кончике пера, а Мартышка увидел, что собеседница его уже не так сурова.

— Симпатичный старичок, — сказала она.

Такое неточное описание человека, похожего на анчар, который губит все, к чему прикоснется, поразило Мартышку, и он воскликнул: «Ха!»

— Что?

— Ха, — повторил страдалец и хотел это объяснить, когда услышал негромкий стук, а потом — слово «Мартышка». Судя по голосу, стучится Билл Окшот.

4 В словесности, дошедшей до нас сквозь века, есть много выразительнейших описаний того, как откликаются люди на неожиданную неприятность. Вспомним короля Клавдия, когда он смотрит «Мышеловку», а у более поздних писателей — мужа, когда он находит в кармане письмо, которое жена просила послать за две недели до этого.

Однако для сравнения с Мартышкой мы выберем только Макбета, увидевшего дух Банко. Волосы у него зашевелились, словно пол легким бризом, глаза совершенно вылезли, с побелевших губ сорвался бессмысленный крик — не «Ой», излюбленный служанкой, и не «Х-р-р!», как сказал бы сэр Эйлмер, а нечто среднее. Наблюдательный и умный шотландец, взглянув на Макбета, заметил: «Идемте, лорды, — государю худо». Нет сомнений, что, взглянув на Мартышку, он произнес бы эти же слова.

Мы понимаем, в чем тут дело. Если молодому человеку тонкого и нежного склада молодой человек покрупнее, да и склонный к буйству, скажет, что задушит его за ночные беседы со служанкой в гостиной, первый из этих молодых людей полагает, что служанка в его спальне вызовет еще большие нарекания. Вот почему мы не будем к нему строги, когда он со словами «Ой!» или «Х-р-р!» смотрит на старого друга, как смотрел бы на гостя, который зашел к обеду, хотя он сам его убил. Глазами души он видел огромные руки Билла Окшота.

Однако он быстро обрел былую прыть. Чутье не молчит в час беды, а Мартышка принадлежал к роду, где непрестанный опыт выработал умение вести себя в таких ситуациях. В XVIII и XIX веках, да и в других, хотя пореже, Твистлтоны только и делали, что быстро прятались в шкаф. Ведомый наследственным чутьем, Мартышка направил Элзи к шкафу.

— Сидите тихо! — прошипел он. — Ни звука, ни хрипа, ни стопа. А то меня убьют.

После чего закрыл шкаф, поправил галстук, набрал в легкие воздуха и произнес:

— Войдите!

Когда он, приглаживая волосы, препоручал душу богу вошел Билл Окшот.

— Привет, — сказал Мартышка.

— Привет, — откликнулся Билл. — Нам надо... э... поговорить.

Иногда эта фраза звучала зловеще, иногда — но не сейчас. Билл произнес ее мягко, мало того — робко, и Мартышка не без радости понял, что при своих размерах настроен он мирно. Кто-нибудь наблюдательный, вроде Росса, сказал бы, что Билл растерян, — и не ошибся бы.

Дело в том, что, вспоминая беседу в гостиной, Билл задумался, не был ли он грубоват. Какие-то фразы, быть может, напоминали об анатомии. Словом, он пришел к Мартышке, чтобы попросить прощения, и как раз собирался к этому приступить.

Мартышке было бы приятней, если бы он каялся в письменной форме, но

слушал он вежливо, хотя и рассеянно, ибо в шкафу что-то шуршало, и ему казалось, что у него по спине бегают пауки. Так уже было в годы Регентства с одним Твистлтоном.

Видимо, и Билл что-то слышал, поскольку спросил:

— Что это?

— Э?

— Шуршание какое-то.

Мартышка вытер пот со лба и ответил:

— Мышь.

— А, мышь! Так и кишат...

— Да, в этом году их много, — согласился Мартышка. — Ну, спокойной ночи, старик.

Но Билл, как многие в молодости, страдал избытком чувств. Если уж он мирился с другом, так мирился. Он сел, и кровать заскрипела под его весом.

— Хорошо, что мы помирились, — заметил он. — Значит, ты не обиделся?

— Что ты, что ты, что...

— А то я думал, ты обиделся.

— Нет-нет-нет.

— Прости, что я орал.

— Я тебя не задерживаю?

— Куда мне спешить? Понимаешь, увидел я тебя с Элзи и подумал...

— Ясно, ясно.

— Сам знаешь.

— Еще бы!

— Я бы эту мышь прогнал.

— Прогоню с утра. Не пожалею.

— Понимаешь, ты к ней придвинулся... К Элзи, не к мыши.

— Она прикуривала.

— Конечно, конечно. Теперь я знаю. Теперь я тебе доверяю.

— Ну, ладно...

— Я верю, что Гермiona будет с тобой счастлива.

— А то!..

— Здорово! — подытожил Билл, вкладывая в это слово всю душу. — Понимаешь, Мартышка, я люблю Гермionу.

— Да, ты говорил.

— Гермiona...

— Может, утром обсудим?

— Почему?

— Поздновато, а?

— Хочешь лечь? Ну, я только скажу, что Гермiona... Ну, это...

— Что?

— Путеводная звезда. Гермiona — моя путеводная звезда. Как она прекрасна, Мартышка!

— Ужас.

— Таких больше нет.

— Куда там!

— А сердце?

— О-о!

— А ум?

— О-о-о!

— Как тебе нравятся ее книги?

Мартышка вздрогнул. «Убийству в тумане» он посвятил именно те часы, которые надо было потратить на них.

— Знаешь, — сказал он, — все руки не доходят. Она мне одну оставила, сразу видно — жуть. Новое слово.

— Какую?

— Забыл. Такое название.

— Когда вышла?

— Прямо сейчас.

— А, значит, я еще не видел! Здорово. Буду читать. Ты подумай, она пишет замечательные книги...

— О-о-о!

— ...и остается простой, скромной, неприхотливой. Встает в шесть утра, идет на...

Мартышка подпрыгнул.

— В шесть утра? — произнес он тонким и сдавленным голосом. — Нет, не в шесть!

— Летом — в шесть.

— А зимой?

— В семь. Потом она играет в гольф или гуляет в полях. Таких, как она, нет на свете. Что ж, ложись. — С этими словами Билл Окшот поднялся и ушел.

Мартышка послушал, как он уходит, прежде чем выпустить из шкафа Элзи. Мы не скажем, что любовь его ослабела, он все так же почитал Гермину, но мысль о том, что она, возможно, заставит вставать и его, показалась неприятной. Вот почему, освобождая пленницу, он был рассеян и на ее восклицания отвечал «О» или «Э».

— Чего я тут сидела? — спрашивала она. — Это же мистер Уильям!

— О! — сказал Мартышка и развил свою мысль: — Если б он вас нашел, он бы оторвал мне голову.

— Ну-у!

— И выпотрошил.

— Вот это да!

— Именно. Если его довести, он очень опасен. Ах ты, черт! Может, он ударит вашего Гарольда?

— Так вы же ударите.

— Я ему уступлю. Столько дел!.. Он будет очень рад.

Элзи покачала головой:

— Не будет. Я его просила.

— Когда это?

— Когда я посадила старика на трубу.

— И он отказался?

— Да. Сказал — это не поможет.

Мартышка тоже так думал, но все-таки рассердился. Горько, когда человек не использует своих дарований. Так и вспоминается притча о талантах.

— Чего вы все от меня ждете? — жалобно воскликнул он. — Как будто это легче легкого! Я просто не знаю, что надо делать. Хоть бы кто научил! Да и тогда...

Элзи поняла его сомнения.

— Да, — сказала она, — лучше толкните его в пруд.

— Какой еще пруд?

— Где утки. У самых ворот в парк.

— А если он туда не пойдет?

— Пойдет. Он всегда туда ходит. Встанет на берегу и плюет в воду.

Мартышка оживился. Мы не станем утверждать, что замысел ему понравился, но все же больше, чем прежний. — Подползти сзади?

— Ага.

— И толкнуть?

— Ага.

— Понимаю... В этом что-то есть. Может быть, вы нашли выход. А пока посмотрите, нет ли кого в коридоре. Если нет, бегите к себе.

Однако прежде, чем она вышла, вернулись граф и Салли, очень довольные, особенно граф, вдоволь наевшийся яиц.

— Давно так не ел, — сказал он. — Какой стол у Балбеса! Что ж, пора и лечь. Вечер кончается. А ты собирайся, мой дорогой.

Мартышка не ответил, ибо смотрел на Салли. Лорд Икенхем деликатно ткнул его в бок.

— Ой!

— Собирайся. Уложи чемодан.

— А? Да, да, да.

— Самое необходимое. Я одолжу тебе бритву и любимую губку. — Он обернулся к Элзи: — Вы все обсудили?

— Да, сэр. Мистер Твистлтон толкает Гарольда в пруд.

Мартышка, отрешенно укладывая вещи, снова промолчал. Не глядя на Салли, он ее видел. Когда она вошла, он испытал такой верный улар, словно в него попала молния, ибо глаза ее после чая и яиц сияли еще ярче, а улыбка — что и говорить. Пытаясь думать о Гермione, он вспоминал только эти шесть утра, зимой — семь. Закрыв чемодан, он постоял. Сердце опять прыгало.

— Что ж, Салли, — сказал лорд Икенхем. — Иди ложись.

— Спокойной ночи, дядя Фред. Спокойной ночи, Мартышка.

— А? О, спокойной ночи.

— Спасибо, что приютил.

— А? Что ты, что ты...

— Спокойной ночи, мисс Бин.

— Спокойной ночи, сэр.

— Спасибо вам большое. Нет, какая мысль! Толкнуть в пруд. Блестяще, поистине — блестяще. Пошли, Мартышка.

В коридоре Мартышка замешкался. Граф на него взглянул.

— Забыл что-нибудь?

— А? Нет, нет. Думаю о Салли.

— Что именно?

— Ей очень идет халат.

— Да, идет. Кстати, она просила помаду. Достань где-нибудь, а?

— Хорошо, — сказал Мартышка, — достану.

И задумчиво двинулся дальше.

Часть четвертая

Глава 10

Если вы после раннего завтрака поедете на станцию Уокли, вы попадете на экспресс, который в 12.43 доставит вас к вокзалу Ватерлоо. Бег времени не убедил леди Босток отменить свою поездку: она хотела объяснить дочери, почему нельзя, надев фату, идти к алтарю под руку с Реджинальдом. До станции ее довез Билл, а лондонской квартиры она достигла в самом начале второго, когда Гермиона садилась в двухместную машину.

Увидев эту девушку во всем великолепии новой шляпы, лучшего платья и тщательно выбранных туфель, самый заунывный человек признал бы ее ослепительной. Отец походил на моржа, мать — на участницу скачек, но дочь — высокая, темноволосая, с большими глазами и античным профилем — воплощала самые дерзкие мечты восточного властелина.

Когда леди Босток негромко заржала, она обернулась и поглядела на нее с тем естественным огорчением, которое испытает всякий, если прожил вместе с матерью неделю, расстался с ней, а через двое суток видит, что она вернулась.

— Мама! — вскричала она глубоким, низким голосом, который столько лет будоражил душу Билла, как сбивалка для яиц. — Что...

— Ах, господи! — сказала леди Восток. — Ты уходишь? Мне надо с тобой поговорить.

— Никак не могу остаться. Уже опоздала. А в чем дело?

— О господи! О-о-о-о! Реджинальд...

— Реджинальд?

— Да. Папа...

Глаза у Гермионы мрачно сверкнули. Упомянуть вместе этих мужчин, думала она, можно лишь в том случае, если сэр Эйлмер нарушит ее строгий приказ. Когда она сказала «лелеять», надо лелеять.

— Что он сделал с Реджинальдом? — спросила она. — Лаял?

— Нет, нет! Папа никогда не лает. Он повышает голос.

— Повышал?

— В сущности, нет. Дело не в этом. О господи! Если начать сначала...

— Тогда отложим. Я спешу. Издатель пригласил в ресторан.

— Мистер Попгуд?

Гермиона коротко, сухо засмеялась. За три года Огастес Попгуд не предложил ей и сырной палочки. Равно как и Сирил Грули, его партнер.

— Нет, — отвечала она, — новый. Я получила на днях письмо. Кажется, деловой человек, не то что Попгуд и Грули. Мистер Понтер, или Пеентер, глава издательства «Радость жизни». До свидания, мама. Постараюсь вернуться поскорей.

— Я тебя подожду.

— Важное дело?

— Очень важное, очень.

— Связано с Реджинальдом?

— Да, дорогая. Мы узнали...

— Прости, не могу, — сказала Гермиона.

Как всякая девушка, она была любопытна, как писательница — честолюбива, а потому предпочла делового человека, который, судя по всему, обладал свойствами, очень важными для писательницы.

Машина отъехала. Сидя за рулем, Гермиона с удовольствием думала о Понтере. Или Пентере. А может — Пейнтере.

2 Пейнтером он и был, братом Салли. Да, в вестибюле гостиницы Гермину ждал Отис и, когда машина влилась в поток других машин, нетерпеливо вскочил, чтобы шагать взад-вперед, поглядывая на часы. Предстоящая трапеза очень его беспокоила.

Письмо он написал не случайно. Он все продумал. С самого начала понимая, что сэра Эйлмера надо урезонить, он попросил сестру поговорить с Мартышкой: и, терзаясь теми чувствами, какими терзался бы всякий, препоручив Мартышке свою судьбу, случайно увидел в «Тайм» женскую фотографию.

Подпись гласила: «Мисс Гермiona Босток, дочь сэра Эйлмера и леди Босток из Эшенден-Мэнор. Занимая высокое положение в свете, мисс Босток написала несколько книг под псевдонимом „Гвиннет Гульд“.

Тут его и осенило. Такие мысли делают честь человеку, который занимался прежде антиквариатом, интерьером и марионетками. Изложим.

Вопрос: Кто уломает старого хрыча, который подает в суд на издателя?

Ответ: О чем тут говорить? Его дочь.

Вопрос: Значит, ее и ловим?

Ответ: Вот именно.

Вопрос: А как?

Ответ: Проще простого! Она пишет книги. Предложим ей договор. Тогда ее интересы совпадут с нашими и она, не жалея сил, будет за нас бороться. Для верности пригласим в ресторан.

Вопрос: Молодец. Куда?

Ответ: К «Баррибо».

Вопрос: Что? А ты там был, цены видел?

Ответ: Не мелочись. Такое дело не провернешь на пиве с сосисками.

Итак, Отис ходил по вестибюлю, гадая, почему Гермiony все нет и сколько с него сплуют, если она не придет. Несколько продуманных слов отвратят ее от шампанского — желудочный сок, то-се; но здесь кусается и рейнвейн.

Заметив, что рот у Отиса открыт, ибо он страдает аденоидами, а колени стучат друг о друга, словно кимвалы, наблюдатель удивился бы, что он в близком родстве с такой девушкой, как Салли. Что ж, дочери бывают красивей родителей, сестры — красивее братьев. Мистер Пойнтер — толстый, красноносый, в роговых очках и с бакенбардами — напоминал об американских поселенцах на восточном берегу Сены.

Собственно, там он и жил после колледжа, а душу и бакенбарды стал возвращать еще на втором курсе. Rive Gauche он покинул ради Лондона, где перепробовал многое (без успеха), и вот через пять лет ждал Гермину как глава издательства «Радость жизни», в прошлом — «Задор».

Стрелки его часов показывали 1.27, когда он увидел сквозь стеклянную дверь, что швейцар подтянулся, судорожно подкрутил ус, приложил руку к фуражке, после чего двери завращались, и с ними в вестибюль въехала молодая дама, при виде которой Отис пожалел, что прыщ на носу еще не поддался лечению.

Сделав шаг вперед, он учтиво спросил:

— Мисс Гульд?

— О, мистер Понтер!

— Пейнтер.

— Ах, Пейнтер! Я не опоздала?

— Нет, нет. Коктейль?

— Спасибо, не пью.

— Не пьете?

— Только лимонад.

Бумажник в заднем кармане весело подпрыгнул, и Отис повел даму в малый зал, случайно зная, что лимонад стоит всего полкроны.

Может быть, из-за этой верной ноты все и пошло так хорошо. Самый строгий критик не стал бы отрицать, что, начиная с семги, воцарился дух вавилонских пиршеств или тех конференций, которые проходят в атмосфере полного доброжелательства.

Как часто встреча издателя с писателем бывает печальной! Издатель горько вздыхает, ссылаясь на времена, дороговизну бумаги и книжный рынок. Когда писатель, стремясь его ободрить, намекнет, что все эти беды побеждает разумная политика и своевременная реклама, он вздохнет еще раз и скажет, что расхваливать авторов в печати не только накладно, но и бесполезно, а вот... как бы это назвать... реклама слухов действительно приносит плоды.

Сейчас ничего этого не было. Отис ничуть не считал, что времена чем-то плохи. Напротив, он ими восхищался, равно как и книжным рынком. Что до бумаги, он, судя по тону, был за нее спокоен.

Лично он, сообщил он, верит в рекламу. Когда он находит настоящего автора — например, вас, мисс Гульд, — для него нет пределов. Статейка — здесь, заметка — там. Дорого? Ничего, окупится. Девиз его, сообщил он, приближаясь к единственной фразе, которую привез из Парижа, кроме «O la la!»

— «L'audace, l'audace et toujours l'audace».

После таких слов молодая писательница непременно ощутит, что попала на розовое облако; ощутила и Гермiona. Ощущение это усилилось, когда Отис сказал, что со следующих трех книг будет платить ей 20%, если же разоидется более трех тысяч экземпляров-то и 25. Даже аденоиды не приглушат таких слов.

Возможно, доверившись Биллу Окшоту, читатель неверно представляет себе, какое место в литературе заняла Гермiona Босток. У Попгуда с Грули она издала три книги, и разошлись они так: первая — 1104 экз., вторая — 1608. Третья, по выражению Попгуда, шла туго, хотя оптимист Грули надеялся продать тысячи две.

Но даже если вы с ним согласны, вы не скажете, что такие цифры вознаграждают за тяжкий труд. Гермiona же полагала, что причина — не в качестве книг, а в недостатке рекламы. Однажды она завела об этом речь, и Попгуд заметил, что расхваливать авторов в печати — накладно и бесплодно. Плоды приносит... как бы это назвать?

— Реклама слухов? — подсказал Грули.

— Она самая, — согласился его собрат, благодарно глядя на мастера слова.

Поэтому мы не удивимся, что Гермiona опьянялась вином прельстительных слов, и даже глава издательства «Радость жизни» казался ей довольно красивым. Но вдруг после долгих похвал он произнес:

— Однако...

И помолчал; а Гермiona, спускаясь с облака, посмотрела на него. Когда тебе предлагают 20%, а дальше — 25, такие слова неуместны.

— Однако? — повторила она.

Отис снял, протер и надел роговые очки (нос его к этому времени стал темно-малиновым). Кроме того, он потрогал прыщ и погладил бакенбарды.

— Понимаете, — начал он, — не все у меня так гладко. Может быть, денег не будет. Я разорюсь.

— Что!

— Да. На меня подадут в суд. Адвокат говорит, что убытки — огромны.

— Вы можете выиграть.

— Если дойдет до суда, не могу. Просто не знаю, что и делать. Этот Босток...

— БОСТОК?

— Сэр Эйлмер Босток. Он был губернатором одной африканской колонии, написал мемуары, отдал мне...

— Нет! В «Задор».

— Мы переименовали название. Теперь оно как-то острее. Но вы-то откуда об этом знаете? Удивительно, как расходятся слухи... Ну, если знаете, объяснять не буду. Босток мстит мне, он — недобрый человек. Поверьте, судебная тяжба меня разорит.

— Ах, так! — сказала Гермиона.

Лорд Икенхем, глядя на ее фото, решил, что она может испепелить взглядом, — и не ошибся. Простое «Ах, так!» звучало зловеще, как «Хо!» у констебля Поттера.

Мы упоминали в нашей летописи о волке, который не нашел в саях русского крестьянина, и тигре, который не получил к завтраку неимущего индуса. Что их чувства перед чувствами молодой писательницы, которая узнала, что ее отец пытается разорить сказочно-прекрасного главу издательства «Радость жизни»!

Гермиона встала. Лицо ее было мрачным и решительным.

— Не беспокойтесь, мистер Поттер, — сказала она. — Дело до суда не дойдет.

— Что?..

— Я не сказала вам, что Гвиннет Гульд — мой псевдоним. Я — Гермиона Босток, дочь сэра Эйлмера.

— Дочь? — проговорил ошеломленный Отис. — Это поразительно! Это удивительно! Это невероятно!

— С отцом я поговорю. Сейчас же поеду к ним.

— Может быть, и мне поехать, на всякий случай?

— Что ж, я вас подвезу. Пока мы беседуем, посидите в кабачке. Если вы готовы, идемте. Машина — у входа.

Подъезжая к Гилфорду, Гермиона ощутила, что мысль, которая тыкалась в ее сознание, словно пьяный жилец, когда он не может попасть ключом в скважину, туда вошла. Она глотнула воздуха.

— Простите? — сказал Отис, вздохавший все время, ибо ее манера водить машину была для него внове.

— Ничего, — отвечала Гермиона. — Так, вспомнила.

Вспомнила она, что кроткая леди Босток сидит уже три часа в лондонской квартире, намереваясь поговорить про Реджинальда. Легкий укол совести погасила мысль об удобных креслах и новых журналах. Гермиона нажала на акселератор, и Отис, закрыв глаза, препоручил свою душу богу.

Глава 11

Послеполуденное солнце, освещавшее сквозь сплошное окно бывшую спальню Мартышки, осветило тем самым и его бывшую невесту, прерывая ее недолгий сон. Она встала, зевнула и потянулась.

Окно выходило на балкон. В летний день приятно посидеть на балконе, но, если ты хотя бы немного известен полиции, этого делать не следует. Пришлось стоять за гардиной, глядя оттуда на зелено-золотой мир.

Насмотревшись на кусок дорожки и часть цветущего куста, Салли собралась сесть в шезлонг, когда увидела высокого, изысканного человека с небольшим

чемоданом. Он скрылся, а через секунду-другую на балкон что-то шмякнулось.

Сердце у нее подпрыгнуло. Со свойственным ей умом она поняла, что это — платье. У пятого графа бывали приступы легкомыслия, но он не стал бы бросать чемоданы просто так. Осторожно, на четвереньках, Салли подкралась к бесценному дару и схватила его.

Белое платье и алый жакет леди Икенхем она надела с той быстротой, какую проявит всякая девушка, располагавшая какое-то время только цветастым халатом. Лорд Икенхем вошел, когда она смотрелась в зеркало.

— Все в порядке? — осведомился он. — Неплохой бросок, а? Заметь, я с давних пор ничего не швырял вверх, но, если продаешь газированную воду, рука не ослабеет. Хороший жакет. Элегантный.

Салли его поцеловала.

— Спасибо, дядя Фред, — сказала она. — Вы просто ангел. А вас никто не видел?

— Никто. Хозяйка уехала в Лондон, Балбес — в деревне, продает кому-то корову, если я не спутал.

— Почему же сейчас не поставить? — удивилась Салли.

— Неужели ты думаешь, что мне не пришло это в голову? Я сразу устремился в музей и обнаружил, что Балбес его запер, а ключ увез. Как я говорил Мартышке, есть в Балбесе какая-то грубость души. Но не волнуйся. Вскоре я все устрою самым лучшим образом.

— О, если бы!

— Салли! Неужели и ты мне не доверяешь?

— Доверяю, доверяю! Дядя, миленький, забудьте эти глупые слова!

— Я их уже забыл. Да, ты прелестна в этом платье. Видение, иначе не скажешь. Не удивляюсь, что Мартышка тебя любит.

— Любил.

— Любит, и сильнее, чем прежде. Вчера он так и вылупился. Видела ты креветку в брачный сезон? Вылитый Мартышка. А напоследок он мне сказал: «Как она хороша!» Это — любовь.

— Если я ему понравилась в таком халате...

— Любовь, ты уж мне поверь. Он тебя боготворит. Обожает. Умрет за розу из твоих волос. А ты как?

— Я-то не меняюсь.

— Любишь его?

— Обожаю.

— Похвально, хотя и странно. Я и сам его люблю. Собственно, кроме жены, тебя и собаки, я никого так не люблю, как Мартышку. А вот обожать — не обожаю. С чего бы?

— Очень просто. Он — ягненок.

— Ты его так видишь?

— Конечно. Мягкий, беленький ягненок, которого хочется погладить.

— Может, ты и права. Я плохо разбираюсь в ягнятах. А вот что ты его любишь, это хорошо. Скоро понадобится. На мой взгляд, этому браку не бывать.

— Что-что, а сладость и свет вы распространять умеете!

— Стараюсь, как могу.

— Поговорите еще! Почему вы так думаете?

— Ну, скажи, зачем Гермione выходить за Мартышку?

— Наверное, тоже любит ягнят.

— Ерунда. Я видел только фото, но знаю, что ей нужен большой, надежный муж охотничье-рыболовного типа. Они с Биллом Окшотом созданы друг для друга. Но он слишком робок, так нельзя. Надо мне с ним поговорить. Пойду-ка поищу.

— Не ходите! Поговорим о Мартышке. Он измучился, смотреть больно. Сидел и стонал.

— А не пел?

— Скорее нет. Он закрыл лицо руками.

— Да, поет он иначе. Закинет голову, испускает ноты под углом в 45 градусов. Очень неприятно, особенно если это — «О, Долорес, королева дальних морей!». И так, он стонал. Почему?

— Не хочет толкать полисмена в пруд.

— Не хочет? Даже ради божественной Элзи?

— Да.

— Что же ему дорого, он сам? — опечалился лорд Икенхем. — Ах, Салли, мужчины уже не те. Где Галахеды? Помню, дева в беде только знак подает — и я бегу, хлопая ушами. Ничего не поделаешь, долг чести! Мы обязаны Элзи Бин. Не понимаю, чего он волнуется. Пруд — рядом, под рукой.

Салли посмотрела на графа так, как редко смотрела сама Жанна д'Арк.

— Где именно? — спросила она.

— Прямо у ворот. Элзи Бин сообщила мне, что Поттер часто стоит там, плюет и, будем надеяться, думает о ней. Что может быть приятней, чем толкнуть его в эти минуты? Ради прекрасной Элзи я бы толкнул двадцать констеблей.

— У Мартышки — тонкая, ранимая душа.

— А у меня? В Нью-Йорке все удивлялись. Что там разговаривать! По донесениям, Поттер приезжает именно в это время. Где Мартышка?

— Не знаю.

— Пойду поищу.

— Минуточку, — сказала Салли, обретая сходство еще и с Иаилью, женой Хеверовой.

— В чем дело? Беспокоишься за своего Мартышку?

— Да.

— Сказано тебе, это легко и приятно.

— Не для него. Он — ягненок.

— Почему ягненок не может толкнуть полисмена?

— Не может, и все. Тут нужна женщина.

— Господи, Салли! Ты не соби...

— Собираюсь. Все решено. Давно не творила добра. До свидания, дядя Фред.

Салли юркнула на балкон и, судя по звуку, перелезла на трубу. Выглянув из двери, граф увидел, как она исчезает. Он вздохнул — безрассудная юность исторгала из него такие вздохи — и вернулся в комнату, а оттуда направился в холл, где Билл Окшот балансировал палкой, держа ее на кончике носа.

2 Молодой хозяин Эшендена занимался эквилибристикой не из легкомыслия; как многие в этом доме, он пытался отвлечь разум от печальных предметов. Что все обстоит именно так, доказывала его глубокая серьезность. Мало кто глубоко серьезен, когда балансирует палкой, но ему это удавалось.

Увидев графа, он немного оживился. Ему хотелось посоветоваться с верным человеком, но случая не было.

— Вот здорово! — сказал он. — Это вы.

Лорд Икенхем на время отложил беспокойство о Салли.

— Слова «вот здорово», — заметил он, — выбраны очень удачно. Я тоже хотел вас видеть.

— А я — вас. Мне надо с вами посоветоваться.

— Что ж, выйдет дуэт. Я бы вас переговорил, но вы хозяин, уступаю вам трибуну. Просим.

Билл собрался с мыслями.

— Значит, так, — начал он. — Повез я тетю на станцию, ей нужно в Лондон. Сам я не выспался, молчу, смотрю на дорогу...

Лорд Икенхем его перебил:

— Прочитаю в вашей биографии, глава «На станцию с тетей». Переходите к главному.

— Молчу, а она говорит: «Алкоголик».

— За что ж она вас?

— Не меня. Мартышку.

— Вот как? Ну, знаете!

— Говорит: «Алкоголик». А я говорю: «Что?» А она говорит: «Алкоголик». А я говорю: «Кто?» А она говорит: «Реджинальд».

Лорд Икенхем его похвалил:

— Да, это мастерство. У вас редкий слог, Билл Окшот. Вы, часом, не Синклер Льюис? Нет? Значит, кто-то другой. Итак, ваша тетя говорила: «Алкоголик», пока не вышли на Мартышку. Она не сообщила, на чем основаны эти обвинения?

— Как же! Он пил виски в гостиной.

— Я бы не волновался. Лучшие люди пьют в гостиных, скажем — я.

— Вы пьете днем, а он — ночью. Я его застал в час, тетя с дядей — в полтретьего. Полтора часа! Прикинем еще полчаса до меня, получится два. Когда они ушли, он остался. После завтрака лыка не вязал.

— Нельзя напиться за завтраком.

— Именно! Напился он ночью и еще не прочухался, когда это случилось.

— Что вы имеете в виду?

— Тетя меня ждала. Дядя Эйлмер... нехорошо отозвался о ее шляпе, она пошла надеть другую, а в комнате кто-то шуршит. Открыла дверь — никого, открыла шкаф — там Мартышка.

— Не туфля и не розовый шарф?

— Нет. Он ей улыбнулся и сказал, что ему нужна помада. Ясное дело, напился. Разве трезвый подумает, что тетя Эмили мажется? Так вот, я не знаю, предупредить ли Гермиону. Нельзя, чтобы она вышла замуж за пьяницу.

— Может огорчиться? Но вы ошиблись, Билл Окшот, Мартышка пьет очень мало. Сейчас он страдает.

— Почему?

— Он всегда страдает, когда мы вместе. Это трудно объяснить.

— Значит, не говорить Гермионе?

— Я подумаю. А вот о другом, — лорд Икенхем строго посмотрел на Билла,

— с ней поговорить надо.

— А?

— О том, что вы ее любите.

— О!

— Боритесь со своей склонностью к междометиям. Любите или нет?

Билл Окшот обрел приятный густо-малиновый оттенок.

— Люблю, чего там, — отвечал он, — но сказать не могу.

— Почему?

— Нельзя. Она выходит за Мартышку.

— Что вы, можно! вспомните Лохинвара. вспомнили?

— Еще бы! Декламировал в детстве.

— Представляю восторг публики! Мне лучше удавалась «Шхуна „Геспер“». А насчет Мартышки не беспокойтесь, он любит другую. Помните, я говорил, что ему бы лучше жениться на одной моей знакомой? Когда-то к этому шло, но они поссорились. Так вот, ожидается рецидив, симптомы верные. Насколько я понял, мисс Босток в Лондоне. Поезжайте туда и вы.

— Ым...

— Что значит «Ым»?

Билл снова принялся копать ногой Пол, производя тот самый звук, какой производят волны, боясь о каменистый берег.

— Трудно...

— Что, объяснить в любви? Ерунда!

— Я девять лет пытался. Не могу.

Лорд Икенхем подумал.

— Кажется, — сказал он, — я понял, в чем дело. Вы сперва размышляете, а тут нужен порыв. Р-раз — и готово! Подошел. Поразил. Словом — быстрота и натиск.

— Да? — без особого пыла откликнулся Билл Окшот, и граф его снова понял.

— Вы нервничаете, — заметил он, кладя ему руку на плечо. — Когда я увидел фотографию, меня поразила та величавая неприступность, которая отпугивала пастухов от наиболее строгих богинь. Таких красавиц в мое время называли царственными. Что ж, тем более нужен натиск. Этих красавиц нужно подчинять.

— Мартышка не подчиняет!

— Конечно. Он — ягненок, у них другие методы.

— А я не ягненок?

— Ну, что вы! Вы велики для этого, сильны, багровы можете съесть за обедом целый пирог. Мартышка берет хрупкостью и лепетом, а вы — только натиском. Вам придется вести себя, как вели герои романов, популярных в мое время. Ходят в бриджах, с хлыстом — на всякий пожарный случай, мало ли что. Как же ее звали? А, вот! Этель М. Делл. Ведите себя, как герои Этель М. Делл. Купите, изучите.

— Я не буду бить Гермину никаким хлыстом, — твердо сказал Билл.

— А зря, помогло бы.

— Нет и нет.

— Что же, дело ваше. Тогда схватите ее за обе руки.

— Ну, что вы!

— Как бы она ни отбивалась, прижмите к груди и покройте лицо поцелуями. Говорить не надо. Разве что «Ты — моя!» или что-нибудь в этом духе. В общем, обдумайте, Билл Окшот. Метод верный. Провалов не было. Однако мне пора. Пойду найду Мартышку. Вы не знаете, где он?

— Полчаса назад ходил по корту.

— Опустив голову?

— Да, кажется.

— Так я и думал. Бедный он, бедный!.. Ничего, у меня хорошая новость. Пока! Да, кстати, — лорд Икенхем опять появился, словно Чеширский кот, — за руки хватайте крепко. Можно немного встряхнуть.

Он снова исчез, и Билл услышал, как, направляясь к корту, он поет любовную песню времен своей молодости.

3 Застенчивый, робкий человек, который год за годом копает землю ногой и таращит глаза в присутствии своей дамы, ощутит после таких бесед точно то же, что ощутил бы, прыгнув в ледяную воду. Сперва он потрясен и ничего не видит, потом — приходит в экстаз.

Когда наставник его ушел, Билл довольно долго стоял в оцепенении. От самой мысли о таких действиях хребет у него извивался, как змея в серпентарии. Примерно это чувствовал он в школе, съев на пари шесть эскимо подряд.

Вдруг, к его большому удивлению, страх сменился восторгом. Он понял и оценил всю прелесть нового метода. Особенно понравилось ему, что объяснение сводится к чисто физическим действиям. Их он не боялся. Действовать руками он умел.

Пленила его и простота. Никаких изысков, никаких сложностей. Он решил проверить, все ли помнит.

Схватить за руки?

Легко.

Встряхнуть?

Чепуха!

Прижать и осыпать?

О чем разговор!

Сказать: «Ты — моя!»...

Тут он задумался. Ему казалось, что лорд Икенхем, блистательный режиссер, не слишком силен в диалоге. Все ж как-то глупо. Лучше попынтеть. Да, именно. Хватаем, трясем, прижимаем, осыпаем, пынтим. Замечательно!

Гонимый напряженной мыслью, он ходил по холлу, склонив голову, загибая палец за пальцем. Когда вдохновение подсказало ему, что хорошо бы попынтеть, он услышал глухой удар, а потом жалобный рев.

Решив, что за окном разбилась машина, он присмотрелся, разглядел неподалеку что-то весомое и, приглядевшись еще, опознал своего дядю; но только начал перед ним извиняться, как сердце его подпрыгнуло, словно балерина, репетирующая новое па. За сэрром Эйлмером, невыразимо прекрасная, стояла Гермiona.

Она ему улыбнулась; она вообще сияла. Сгрузив издателя у кабачка, она подъехала к дому, когда сэр Эйлмер из него выходил, и так сильна была ее личность, что убедить его удалось за две минуты с четвертью. Издательство могло спать спокойно.

Тем самым она сияла. По-своему, как сестра, она любила старого друга и обрадовалась ему.

— Здравствуй, Билл, — сказала она, и он обрел дар речи, откликнувшись:

— Здравствуй.

Обрел этот дар и сэр Эйлмер.

— Какого черта ты тут торчишь? — спросил он, стоя на одной ноге, массируя другую. — Ходит, как носорог! Смотри под ноги.

Однако Билл смотрел на Гермionу. Он что-то такое слышал, но сосредоточиться не мог.

— Конечно, конечно, — сказал он.

— Что «конечно»?

— Да, правда? — откликнулся Билл.

Мастеру фырканыя оставалось одно, и он фыркнул, после чего прошел в музей, решив разобраться во всем попозже. Стоит ли тратить силы на человека, который

вообще идиот, а сейчас — в особенности?

Гермиона все сияла.

— Вот ты и вернулся, — сказала она. — Я очень рада. Как там, в Бразилии?

— Здорово.

— Хорошо?

— О, а, э, спасибо.

— Ты загорел. Много было приключений?

— Э, да, а.

— Наверное, много змей?

— О, о!

— Непременно все расскажи, а то я спешу. Надо повидать одного знакомого.

Билл откашлялся.

— Э... постой... — сказал он.

Сейчас или никогда, думал он. Они одни. Шагнешь — и схватишь. Пыхтит он и так. Лучших условий ждать нечего.

Но двинуться он не мог. Его сковала та слабость, которая сковывает столько в наше время, а исцеляется — только бодрящей микстурой доктора Смита. Будь у него бутылка, что там — ложка микстуры, он бы пришел в себя. Но ее не было; и он копал ногой, тарачил глаза, как все эти девять лет.

— Да? — сказала Гермиона.

(«Хватаем, трясем, прижимаем, осыпаем, пыхтим» — подсказало его суперэго, но тело не послушалось.)

— Да?

— Гермиона!

— Да?

— Гермиона...

— Да?

— Так, ничего, — сказал Билл.

И оказался один. За окнами, судя по звукам, отъехала машина. Гермиону он не винил. Вспомнив, как он мерзко блеял, словно диктор Би-би-си, он задрожал и удивился такой нечеловеческой трусости.

С горя он собрался было биться головой об стену, но передумал и решил пойти к себе, зарыться лицом в подушку.

4 Стремясь поскорее сообщить Отису благую весть, Гермиона решила не мешкать. Задержись она хоть на минуту, она увидела бы молодого человека без шляпы, но с выпученными глазами, который мчался от корта к дому. Кажется, Реджинальда Твистлтона уже сравнивали с кошкой на раскаленных кирпичах. Именно это сравнение пришло бы сейчас в голову стороннему наблюдателю.

Пронесясь над террасой, он влетел в дом; пронесясь над холлом, взлетел по лестнице; пронесясь над коридором, ворвался в свою бывшую комнату, и Салли, отдыхавшая в шезлонге, как амазонка после битвы, поднялась ему навстречу. Точнее, она тоже взлетела, словно снизу, сквозь подушки, быстро вылез большой гвоздь. Она умела владеть собой, но когда столкнешь в пруд констебля, это как-то возбуждает, и она подумала было, что ворвался Поттер.

Распознав свою ошибку, она стала спокойней, но ненамного.

— Мартышка! — сказала она.

— Салли! — сказал Мартышка.

Если мы сообщим, что его очень тронул разговор с лордом Икенхемом, направившимся позже в кабачок потолковать о Бразилии, вы вправе обвинить нас в

сдержанности. Чувства бушевали в его груди, и среди них выделялись благодарность, стыд, любовь, какой он еще не испытывал, хотя влюблялся регулярно с самых юных лет.

Он совершенно забыл о Гермионе. Он помнил только о Салли. Примерно так же, как Билл, собиравшийся он хватать, трясти, целовать и пыхтеть, с той лишь разницей, что Билл представлял себя в роли костоправа, а Мартышка — скорее паломника, приближающегося к святыне. Да, мы неточны, слова «хватать» и «трясти» тут не подходят. Оставим «пыхтеть» и «целовать».

Пыхтел он и так; что же до поцелуев, Билл Окшот, окажись он рядом, получил бы наглядный урок.

— О, Салли! — говорил Мартышка.

— О! — говорила и Салли.

Время не двигалось. Во внешнем мире люди чем-то занимались. Констебль переодевался. Лорд Икенхем шел по деревне. Гермиона ехала в том же направлении, на полмили дальше. Сэр Эйлмер поправлял экспонаты. Билл Окшот лежал лицом в подушку. А в Лондоне леди Босток, пересмотрев журналы, впала в легкую дремоту.

Мартышка же и Салли в благоухании фиалок и роз слушали нежную музыку, которую исполнял на редкость умелый оркестр, состоявший в основном из арф и скрипок. Констеблем, лордом Икенхемом, сэром Эйлмером, леди Босток, Биллом и Гермионой они не интересовались. Обняв Салли поудобней (они сидели в шезлонге). Мартышка удивлялся, что бывают такие идиоты, такие редкие кретины, как этот полный дурак, расставшийся с единственной девушкой на свете.

— Нет, какой болван!

— А я?

— Я хуже, никакого сравнения.

— Это я виновата.

— Нет!

— Я.

— Нет!

— Я!

Спор разгорался, и Мартышка уже произнес было: «Нет», но лицо его перекошилось, как за четырнадцать часов до того, когда в гостиную вошел Билл Окшот.

— Что такое? — забеспокоилась Салли.

Мартышка нервно глотнул.

— Ничего, — отвечал он. — Просто вспомнил про Гермиону.

Салли задрожала. Многое, в сущности — все, зависело от того, считают ли Твистлтоны. что слово — это слово.

— А я? — спросила она. — Может быть, честь не позволяет тебе расторгнуть помолвку?

Мартышка глотнул еще раз.

— Не то чтобы честь... — ответил он. — Ты ее не видела? То-то и оно. Если бы видела, сама поняла бы. Как к ней подступиться?

— Очень просто. Пойди и скажи, что ты ошибся.

— М-да...

— Или напиши.

Мартышка дернулся, как сильный пловец, который стал тонуть и вдруг увидел, что кто-то бросает ему спасательный круг.

— Написать?

— Все ж легче.

— Верно! — обрадовался Мартышка, в порыве благодарности прижимая Салли к груди и покрывая ее лицо поцелуями. Однако ему помешала Элзи Бин, которая, тихо постучавшись, внесла поднос, а на нем чайник, чашку, тосты и кусок пирога.

— Чай, — объяснила она.

Мартышка рассердился.

— Почему вы не трубите в рог? — спросил он.

Элзи не испугалась ни этих слов, ни нежной сцены. В Боттлстон-Ист такого не пугаются.

— Чай, тосты, пирожок, — сказала она. — Толкнули вы Гарольда, мистер Твистлтон?

Салли взяла власть в свои руки:

— Конечно, толкнул. Он ведь обещал? Вот! Разве он обманет?

— Значит, плюхнулся?

— Еще как! Слышала вся округа.

— Красота! Спасибо вам, мистер Твистлтон. Мисс Гермиону видели?

Мартышка подскочил вершка на два:

— Разве она здесь?

— А то! На машине приехала.

Мартышка не ответил, зато сжал голову руками.

— Пойду, похожу по корту, — сказал он. — Тут надо подумать.

Глухо застонав, он вышел, обретя былое сходство со злополучной кошкой, а Элзи критическим взглядом проводила его.

— Хороший человек, — признала она. — Только не в своем уме.

— Есть немного, — согласилась Салли. — Это очень приятно.

5 Когда Гермиона подъехала к кабачку, кабачок на месте был, Отиса в нем не было. Ей сообщили, что он куда-то ушел; и, огорчившись, как огорчится всякий, если он принес добрую весть из Аахена в Гент, а Гент исчез, она поехала обратно. В конце концов, подумала она, если уж ты здесь, можно повидаться и с женихом. Вспомнила она о нем только теперь.

Однако и огорчение, и мысль о Мартышке исчезли подобно Генту. У первого же камня, отмечающего милю, что-то ударило ее меж глаз. То был замысел первого из трех романов (20%, а после 3000 экз. — 25), которые Отис сможет теперь выпустить. С писателями всегда так. Едут, или идут, или просто спят в кресле, ни о чем особом не думают, и вдруг — бац!

Твердо зная, что загонять идею в анналы памяти нельзя ни в коем случае, писатели эти немедленно делают заметки. Остановив машину, Гермиона отыскала старый конверт и принялась строчить, напряженно дыша носом. Примерно в это же время лорд Икенхем достиг кабачка.

6 Шел он легко, как ходят те, кто уверен в хорошем приеме, ибо прошлый раз имел здесь оглушительный успех. Блондинка, ее дядя (хозяин) и несколько посетителей слушали его, затаив дыхание. Жителям Хемпшира нечасто доводится слушать человека, который знает Бразилию вдоль и поперек, укрощал взором аллигаторов и может рассказать об этом просто и доходчиво.

На сей раз аудитория была поменьше. Собственно, осталась только блондинка. В конце концов, при всем желании английские сельчане не могут пить непрерывно. Видимо, именно сейчас они разрешили себе отдохнуть.

Но истинный артист играет во всю силу перед любой аудиторией. Опершись на

стойку и заказав пива, лорд Икенхем продолжил свой рассказ о низовьях Амазонки так, словно зал набит битком, и блондинка стала слушать.

— Ах ты, как жаль! — сказала она, когда он отвлекся, подняв кружку.

— Жаль? — немного обиделся граф, поскольку говорил о чудесном спасении от пумы. — А, понимаю! Вы огорчились, что пума осталась голодной. Да, огорчилась и она: я заметил, что глаза ее полны невыплаканных слез.

— Нет, — возразила блондинка, — мне жаль, что вы разошлись с тем джентльменом. Зашел он выпить и говорит: «А я прямо из Бразилии». Наверное, он бы хотел вас повидать.

Лорд Икенхем заметил, что желание это чрезвычайно распространено, хотя на самом деле не обрадовался.

— И впрямь, какая жалость, — сказал он. — Я был бы очень...

— Да вот и он, — сказала блондинка.

Дверь открылась, и взорам явился немолодой человек с довольно хмурым и очень загорелым лицом. Местное пиво было так прекрасно, что многие, отведав его, вскоре возвращались.

— Простите, сэр, — сказала блондинка, когда новоприбывший подошел к стойке, нетерпеливо облизываясь. — Этот джентльмен тоже из Бразилии. Да вы про него слышали, он очень знаменитый. Майор Брабазон-Планк.

В это мгновение раздался крик: «Ми-и-иртл!», и блондинка, которую родители нарекли именно этим именем, убежала, бросив «Простите». Видимо, суровый опыт научил ее, что дядя ждать не любит.

— Расскажите про эту пуму! — кинула она на бегу.

Пятый граф и сам рассказал бы, но пришелец как-то странно и пристально смотрел на него. В нашей хронике мы упоминали суровые, невидящие взгляды — вспомним Коггза, дворецкого из Икенхем-Холла, — но этот их превзошел.

— Брабазон-Планк? — проверил новоприбывший. — Я не ослышался?

— Нет, — отвечал лорд Икенхем. — Я — майор Брабазон.

— Исследователь Южной Америки?

— Он самый.

— Вот и я тоже, — сказал пришелец, взволнованный таким совпадением.

Глава 12

Когда два сильных человека называют себя Брабазонами, возникает некоторое напряжение. Поначалу они молчат. Так случилось и теперь. Первым заговорил лорд Икенхем.

— Да? — сказал он. — Тогда отдавай два шиллинга.

— Два шиллинга?

— Если нет мелочи, дам сдачи.

Краснодеревое лицо майора немного потемнело.

— Что вы порете?

— Гони деньги.

— Вы в себе?

— Тут мнения расходятся. Одни говорят — да, другие — нет, — отвечал терпеливый граф. — Но сейчас не до этого. Зад, гони деньги. Помню, идем мы с тобой по крикетному полю дивным летним вечером, и ты говоришь: «Зараза, ты не хочешь дать мне два шиллинга?» А я отвечаю: «Нет, не хочу, но все равно придется». И дал.

Майор Брабазон-Планк схватился за стойку.

— Зад? — повторил он. — Зараза? Крикетное поле? Господи! Ты — Зараза Твистлтон!

— Как давно это было! — сказал ему друг детства. — Перед тобою, любезный Зад, — Фредерик Алтамонт Корнуоллис, пятый граф Икенхемский.

Майор Брабазон-Планк мечтательно глотнул из кружки.

— Зараза! — проговорил он, явственно и глубоко растроганный. — Да, а почему ты сказал, что ты — это я?

— Так, к слову, — отвечал граф.

— Зараза... А, чтоб меня черти драли! В жизни бы не узнал.

— Как и Балбес. Ты помнишь Балбеса? Знаешь, что он тут живет?

— Я приехал к его племяннику.

— В Эшенден-Мэнор?

— Да.

— Уезжай, Зад, — посоветовал лорд Икенхем. — Тебе нельзя туда ехать.

— Почему?

— Потому что там — я, под твоим именем. Балбес забеспокоится, если нас будет двое. Казалось бы, чем больше Брабазонов, тем лучше, но ему этого не понять.

Майор еще раз отхлебнул пива.

— Под моим именем? — переспросил он.

— Совершенно верно.

— Он думает, что ты — это я?

— Естественно.

— Почему? — спросил Брабазон-Планк, хватая быка за рога. — Зачем тебе это нужно?

— Долго рассказывать, Зад, устанешь. Ты не волнуйся. Просто прикинь: «Станет добрый старый Зараза делать это без причины?» и «Если причина есть, благородна ли она?» Ответы будут: «Нет» и «Да», по ходу вопросов.

Майор оторопело помолчал. Мозги у него трещали от напряжения.

— Господи! — сказал он наконец.

По-видимому, нырнув в прошлое, он вспомнил юного Твистлттона. Заразой зря не назовут. Он припал к кружке; глаза над ней внезапно налились кровью.

— Какого черта! — вскричал он. — Нет, под моим именем!

— Оно красивое, Зад, — сказал лорд Икенхем. — Через черточку. Очень красивое.

— Ты меня позоришь.

— Ну, что ты! Я тебя прославляю. Жители этих мест в восторге. Скажи спасибо, что такой человек, как я...

— Не скажу. Возвращайся к Балбесу, складывай вещи. Допью это пиво — выдам тебя.

— Выдашь? Старого друга?

— К черту!..

— В которого ты бросал бумажные дротики?

— Они тут ни при чем.

— Кто тебе дал два шиллинга?

— Шут с ними.

— Ты суровый человек. Зад.

— Нет, я не суровый. Я берегу свою репутацию.

— Сказано тебе, она в надежных руках.

— Да уж, в надежных! Слушай, — майор посмотрел на часы, — выдам я тебя в 5.00. Остается 23 минуты. Поторопись.

Но граф торопиться не стал. Он смотрел на друга детских лет с той же нежной жалостью, с какою смотрел недавно на констебля Поттера. Он был добр и не хотел обижать примитивных людей, собиравшихся его выдать. Поэтому он вздохнул, приступая к делу.

— Оставь надежды, юный Зад, — сказал он, — ничего у тебя не получится. Билл Окшот рассказал мне разные вещи.

— Какие именно?

— У тебя есть ахиллесова пята, или, если хочешь, щель в доспехах. Назовем ее острой неприязнью к младенцам. Что же, если ты выдашь меня Балбесу, ты немедленно окажешься на их лежбище. Вскоре тут будет праздник, а среди развлечений — конкурс детской красоты. Я согласился быть там судьей. Видишь, где опасность? Нет меня — механически берут тебя.

— Почему?

— Потому что, дорогой мой Зад, какой-то Брабазон им нужен. Все его ждут, о нем объявили. Если я уеду, ты станешь единственным носителем этого имени. Быть может, ты думаешь, что Балбес, человек крутой, и его жена, еще круче, выпустят тебя с миром? Не думай, не обольщай себя. Надежды нет.

Загар несчастного Планка был слишком густ, чтобы мы могли определить, побледнел ли он; но он задрожал, а в глазах его появилось то, что появляется в них, когда человек посмотрит в пропасть.

— Почему бы им не позвать священника? — спросил он. — У нас в Лауэр-Шегли этих чертовых младенцев судит настоятель. Для чего же еще его держать?

— Священник заболел корью.

— Идиот!

— Жестоко говорить так про страдальца, который лежи в постели, весь в алую крапинку. Но я понимаю твои чувства. Тяжело не выдавать кого-то, когда уже решил выдать. С удовольствием помог бы, но как — не знаю. Скажу хотя бы, что через сотню лет тебе будет все равно. Что ж, приятно было увидеться. Рад бы поболтать, да не могу, дела. Мы, Брабазон-Планки. — деловые люди. Загляни как-нибудь, я — тут, рядом. Вспомним былое: школу, Бразилию... Достанешь два шиллинга — захвати с собой.

Снова похлопав друга по плечу, он удалился; а несчастный друг, тяжело дыша, допил свою кружку.

2 У Гермионы работа спорилась. Как и бывает обычно, главная мысль вызвала к жизни много второстепенных, одна другой лучше. Вскоре конверт уже не мог вместить их, и она перешла к водительским правам, но, случайно подняв глаза, увидела, что к ней приближается немолодой человек исключительно изысканного вида.

— Добрый день, — сказал он, приподняв шляпу с учтивостью былых времен.

В наше время, когда распушенность давно заместила учтивость, пожилые незнакомцы нередко подходят к очень красивым девушкам. Кто как, а Гермиона в этих случаях бывала резка, и настолько, что незнакомцу казалось, что он рассердил дикую кошку. Однако пятый граф был так приличен с виду, что она немного растерялась. Брови у нее дрогнули, словно вот-вот поднимутся, — и все.

— Если не ошибаюсь, — продолжал незнакомец, — передо мною мисс Босток? Разрешите представиться, Брабазон-Планк. Гошу у вашего отца.

Гермиона успокоилась и даже выказала радушие.

— О! — сказала она. — Добрый день.

— Добрый, — согласился граф. — Не уделите ли мне минутку?

— Конечно, с удовольствием. Как странно, что вы меня узнали!

— Ничуть. Такие лица забыть нельзя. Мне посчастливилось увидеть ваш портрет...

— А, да, в «Тэтлере»!

— Нет, не в «Тэтлере». Мне показывал его ваш кузен, который с ним не расстанется. Дело в том, — пояснил граф, — что я возглавлял экспедицию, в которой такую огромную роль играл Уильям Окшот. Всякий раз, как у него начиналась лихорадка, другими словами — температура, он вынимал вашу фотографию и еле слышно шептал: «О, ты! О, ты!» Я чуть не плакал, как, впрочем, и другие. Мы становились лучше, тоньше.

Гермиона глядела на него. Будь она менее красива, мы бы сказали, что она вылупилась. Чувства у нее были такие, словно она прожила много лет у подножия тихого холма и вдруг обнаружила, что это — действующий вулкан.

— Не думайте, — продолжал граф, — что Уильям Окшот бредил. Нет, каждые полчаса он вынимал и целовал вашу фотографию. Как видите, он не забывал вас, он — верен, в отличие от многих молодых людей. Когда он шептал: «О, ты!», я думал о том, что слова эти однозначны: «О» — это «о», «ты» — это вы. Разрешите заметить, — прибавил он, отечески улыбнувшись, — что он не ошибся. Ваш союз исключительно удачен.

— Но я...

— Ему повезло. Но и вам повезло, мисс Босток! Мало на свете людей, которых я уважаю, как Уильяма Окшота. Только ему доверюсь я, если встречу аллигатора. Вы скажете, что в семейной жизни аллигаторы не так уж важны, и все же... Человек, который способен вставить ему в пасть палку и, увернувшись от могучего хвоста, разрубить его топором, в доме пригодится. Надеюсь, теперь, когда Уильям Окшот вернулся, свадьбу откладывать не станут?

Гермиона, неоднократно пытавшаяся вставить слово, растерянно проговорила:

— Я за Билла не выхожу.

— Ну, что вы! — возразил граф. — Выходите, как не выйти!

— Я выхожу за другого человека. Он тоже тут гостит.

Лорд Икенхем перепугался.

— Помилуйте, не за Твистлтона же! — воскликнул он. — Истинный остолоп...

Манера у Гермионы стала наконец такой, какой могла стать изначально.

— Мне очень странно, — заметила она, грозно сверкнув глазами, — что вы считаете его остолопом.

— При чем тут «считаю»? — возразил граф. — Это — объективная истина. Спросите любого человека: «Вы знаете Твистлтона?», и он ответит вам: «А, остолопа?!» Бог с вами, моя дорогая, за него нельзя выходить! Разве станет хорошим мужем тот, кого непрерывно арестовывают на собачьих бегах?

— Что?!

— Поверьте мне. А он называет чужое имя.

— Какая чушь!

— Дорогая моя, это не чушь, а факт. Не верите — крикните ему сзади: «Эй, Эдвин Смит!» Подпрыгнет до неба. Не знаю, как вы, а я отношусь с подозрительностью к собачьим бегам. Там очень смешанное общество. Ну хорошо, допустим — ходи, но веди себя прилично! Что надо сделать, чтобы тебя арестовали?

Вы скажете, он выпил. Выпил, конечно, но что с того? Кстати, вы примирились с тем, что он — алкоголик?

— Кто?!

— Алкоголик.

— Реджинальд вообще не пьет.

— При вас — возможно. В прочее время он сосет, как пылесос. Ах, жаль, вас не было прошлой ночью! Спустился в гостиную и тако-ое устроил!..

Гермиона все время порывалась уйти, но тут порываться перестала. Когда узнаешь, что твой снежно-белый жених скорее похож на рубашку портового грузчика, трудно проронить: «Вот как? Ну, мне пора». Ты застываешь. Ты тяжело дышишь. Ты говоришь:

— Не скрывайте от меня ничего.

Пока граф рассказывал, прекрасное лицо Гермионы становилось все мрачнее. Девушке с идеалами неприятно узнать, что она вскормила змею — а змеиные свойства Твистлтона открывались ей с каждым словом.

— О! — сказала она.

— Господи! — сказала она.

— Боже мой! — сказала она.

Рассказ подходил к концу. Гермиона смотрела вдаль окаменевшим взглядом. Что-то делала она и зубами; вероятно, именно то, что называют в книгах «скрежетать».

— Может быть, — завершил свою повесть граф, никогда не терявший милосердия, — может быть, он просто болен. Душевнобольной. Говорят, он в родстве с лордом Икенхемом. Тут призадумаетесь. Вы знаете графа?

— Только по слухам.

— Но по каким! Многие полагают, что место ему — в сумасшедшем доме. Мне известно, что он получал самые лестные предложения. Безумие — наследственно. Когда я увидел этого Твистлтона, мне было ясно, что он сбежал из лечебницы. Когда же я услышал то, что случилось сегодня...

— А что такое?

Гермиона дрожала. Она не думала, что будет и акт II.

— Вскоре после завтрака леди Босток зашла в свою спальню, открыла гардероб и обнаружила там, на полу, Реджинальда Твистлтона. Он сообщил ей, что хочет взять помаду.

Гермиона вцепилась в водительские права. Акт I достаточно тронул ее, но II его превзошел.

Рассуждая о девушках, идеалах и змеях, мы забыли сказать, что особенно неприятно, если змеи эти употребляют помаду. Люди и сейчас беседуют о кризисе 1929 года, спрашивая друг друга: «Помните, как упали такие-то акции?» — но рейтинг Реджинальда Твистлтона упал гораздо быстрее.

Гермиона щелкнула зубами.

— Я бы с ним поговорил, — продолжил граф. — Я бы потребовал объяснений. Иногда задаешься вопросом, различает ли он добро и зло.

— Ничего, различит, — пообещала Гермиона.

Граф смотрел ей вслед, когда она уезжала, довольный тем, как нетерпеливо нажимает она на педаль. Потом он перелез через ворота, сел на душистую траву и, глядя в чистое небо, подумал о том, как приятно распространять сладость и свет. Если сердце его и кольнула жалость к Мартышке, он ее подавил; после чего впал в легкую дремоту.

Гермиона тем временем затормозила у входа и собиралась войти в дом, когда услышала голос отца:

—ВОН!

Сразу вслед за этим выбежал Поттер, похожий на констебля, побывавшего в плавильной речи. Гермиона подошла к окну.

— Отец, — спросила она, — ты знаешь, где Реджинальд?

— Нет.

— Я бы хотела его повидать.

— Зачем? — с удивлением спросил сэр Эйлмер.

— Чтобы разорвать помолвку, — отвечала Гермиона, еще раз скрипнув зубами.

Завидев в этот самый миг изящный силуэт, движущийся по корту, она ринулась туда. Из ноздрей ее вылетали небольшие язычки пламени.

3 Юная Миртл, побеседовав с дядей, вернулась в зал и увидела, что новый посетитель еще стоит у стойки, глядя в пустую кружку, но с ним никого нет.

— У? — сказала она, ибо надеялась послушать про Бразилию, где сильный всегда прав, а мужчина — это мужчина. — Майор Планк сбежал?

Новый посетитель мрачно хмыкнул. Более наблюдательный человек заметил бы, что тема ему неприятна,

— Он вам про пуму говорил? — спросила Миртл. — Нет? Значит, так: идет он по джунглям, рвет орехи, а тут откуда ни возьмись здоровая пума. Что?

Новый посетитель, тихо проклявший пуму, повторяться не стал, но зато спросил еще пива.

— Я б испугалась, — продолжила Миртл. — Да уж, прямо насмерть. Пумы, они как? Прыгнут на шею и грызут. Хорошего мало. А майор Планк — человек смелый, так и скажу. Идет это он с ружьем и с верным туземцем...

Новый посетитель повторил свой заказ привлекающим внимание голосом. Миртл обиделась, но пиво дала. Он погрузился в кружку, говоря «Х-х!»; она промолчала.

Однако девицы у стойки не могут долго молчать. Подчеркнуто протерев бокал, Миртл возобновила беседу, правда — на менее опасные темы:

— Чего-то дядя разошелся.

— Чей дядя?

— Мой. Здешний хозяин. Слышите, как орет?

Посетитель, смягчившийся от пива, сообщил, что слышит.

— То-то и оно, — поддержала разговор племянница. — Вот я вам скажу, у нас тут праздник. Называется «ежегодный». Значит, каждый год устраивают. Там будет конкурс младенцев. Что?

Посетитель дал понять, что ей показалось.

— Называется детской красоты. Значит, кто — красивый, а кто — нет. Вот у вас есть младенец, судья и скажет, он красивей всех. Премии дадут. Понятно, а?

Посетитель сказал, что это понятно.

— Ну, вот. Дядя Джон записал своего Уилфреда и еще бился об заклад, сто бутылок против восьми. А теперь что?

Посетитель этого не знал.

— Викарий наш корью заболел, микробы эти расплодились, так что конкурса не будет. Детям опасно.

Она промолчала, довольная произведенным эффектом. Видимо, посетитель интересовался не пумами, а простыми историями из сельской жизни. Странно только, что он смеялся, хотя история — очень печальная. Даже глаза у него засияли,

будто он избавился от какой-то тяжести.

— Отменили, — сказала для ясности Миртл. — Значит, нечего было и записывать. Проиграл дядя Джон свои бутылки.

— Ай-я-я-яй! — ответил посетитель. — Не скажете ли вы, как пройти в Эшенден-Мэнор?

— Прямо, а потом направо.

— Спасибо вам большое.

Глава 13

Мы ничуть не удивимся, что полицейский Поттер, сбегав домой и переодевшись, направился к сэру Эйлмеру — у кого же просить защиты, как не у главы местного суда? Не успели воды сомкнуться над ним, как он об этом подумал.

Однако он не знал, что именно в это время искать аудиенции — еще безумней, чем дразнить желчного тигра. Голос не прошептал ему: «Берегись!» и не прибавил для ясности, что, отказавшись от иска, баронет кипит злобой, а потому — скорее укусит, чем выслушает.

Открыл он это сам, когда на второй минуте услышал неожиданный вопрос:

— Вы что, надрались?

Тут полисмен увидел, что собеседник смотрит на него без особой приязни. Когда человек пришел в свой музей, чтобы побыть наедине с горем, ему не хватает только полисменов, бормочущих какую-то дичь. Где покорные дочери, которые в прежнее время только и знали слова: «Как вам угодно, папенька...»? Их нет, а полисмены — есть.

Тем не менее Поттер удивился. Он не знал, что рассказ его непонятен, и подумал было, что глаза у сэра Эйлмера наливаются кровью от того возмущения, какое испытывает порядочный человек, когда обидят другого человека, тоже порядочного. Теперь он понял, что ошибся.

— Я насчет нападения, сэр. С отягчающими обстоятельствами.

— Какое нападение?

— Вот это, сэр. Меня толкнули в пруд.

— В пруд?

— Да, сэр. Где утки, сэр.

Баронет утвердился в своих подозрениях. Сам Реджинальд в разгаре оргии не порол такой чепухи.

— Какие тут могут быть утки?

Констебль догадался, что сэр Эйлмер принял утверждение за вопрос.

— Когда я сказал: «Где утки, сэр», я имел в виду «Где утки, сэр», а не «Где утки?», сэр. Констатировал факт. Неопознанное лицо толкнуло меня в пруд, в котором находятся утки.

— Толкнуло?

— Толкнуло, сэр.

— Кто же это?

— Женщина в красном, сэр, — отвечал констебль, приближаясь к стилю ранних детективов. — Особа женского пола в красном жакете и с красной штучкой на голове. Как бы шарф.

— Так шарф или что?

— Шарф, сэр.

— Тогда и говорите «шарф». Нет, что ж это такое? Давно пора сказать в суде,

чтобы вы все, трам-та-ра-рам. полнее выражались. Ладно. Вы ее видели?

— Не совсем, сэр.

Баронет закрыл глаза, вероятно, молясь о ниспослании силы.

— Что — это — значит?

— Я ее видел, сэр, и в то же время не видел. Такое как бы меркание...

Мельцание...

— Если вы еще раз скажете «как бы», я за себя не отвечаю! Вы сможете ее узнать?

— Опознать, — ненавязчиво поправил Поттер. — Конечно, сэр. Только ее нету.

— Вот именно. Чего же вы ко мне лезете?

Собственно говоря, полицейский лез к баронету, чтобы тот запер все выходы и обыскал округу; но, прежде чем об этом сказал, баронет переменил тему:

— А что вы делали у пруда?

— Плевал, сэр. Я всегда там стою и плюю. Стою, значит, и слышу как бы шаги...

— ВОИ!

Констебль повиновался. Дойдя до кустов, он закурил трубку и, в своей манере, стал задумчиво плевать. Мы не скроем, что думы его были нележки.

Как известно, лучший друг сына — мама, а лучший друг полисмена — глава местных судей. Когда сгущаются тучи, самая мысль об этих судьях придает силу; что уж говорить о главе! Кто погладит, приголубит? Он и только он.

Всякий, кто бежал когда-то к маме, чтобы рассказать о своих обидах, и получал от нее под дых, поймет состояние Поттера. Если так принимают полисменов те, кто обязан утешать их, думал он, Элзи права. Чем раньше уйти, тем лучше.

Если бы в эти минуты вы подошли к кустам и спросили: «Ну как, констебль Поттер?», он бы ответил вам, что с него довольно. Мы не сомневаемся, что горькие мысли стали бы еще горше; но тут их отодвинуло на задний план неожиданное зрелище.

Констебль увидел сквозь ветки, что на балкон вышла женщина в красном со штукой на голове (как бы шарф). Она посмотрела направо, посмотрела налево и вернулась в комнату.

Гарольд Поттер охнул и задрожал от шлема до ботинок. Он сказал бы: «Хо!», но слово это примерзло к его усам.

Что-что, а думать он умел. Женщина в красном толкнула его в пруд. Женщина в красном находится в доме. Можно предположить, что это — одно и то же лицо. Хорошо, предположить. Но как же в этом убедиться? Перед ним открывались два пути: 1) доложить сэру Эйлмеру; 2) прихватив стремянку из сарая, взобраться на балкон, заглянуть в комнату и опознать — или не опознать — особу в красном.

Колебался он недолго. Отбросив вариант 1, он выбил трубку и направился к сараю.

3 Салли давно выпила чай, съела тосты, и ей становилось одиноко. Мартышки все не было и не было. Полулежа в шезлонге, она думала, как хочется ей погладить его по голове и сказать о своей любви.

Странная штука эта любовь. Если А видит в Б то, чего другие не видят, другие смиряются, хоть и страдают, подобно тому, как смирились они с болезнью викария.

Если бы эти другие увидели Салли, когда, стиснув руки и сияя взором, она изнывает от любви к Мартышке, они бы ошиблись, намекнув ей, что Реджинальд Твистлтон не может вызвать таких чувств. Ее не тронула бы картина, увиденная их глазами. Она любила, ничего не попишешь.

Одно мешало ей, одно пугало: такая умная девица, как Гермiona Босток,

навряд ли уступит свою драгоценную добычу. Да, это пугало ее — и зря; в этот самый момент Гермiona добычу уступала. Когда через двадцать минут Мартышка вошел в комнату, могло показаться, что он только что расстался с тайфуном или иным бичом божьим, если бы глаза его не сияли тем светом, каким сияют они у людей, изловивших Синюю птицу.

Салли не сразу заметила свет, и впрямь прикрытый платком, которым страдалец вытирал пот, а потому начала с упрёка:

— Как ты долго!

— Прости.

— Я выходила на балкон, тебя все нет и нет. Да, я понимаю, тебе надо подумать, но не столько же!

Мартышка опустил платок.

— Я не думал, — сказал он. — Я разговаривал с Гермioniой.

Салли подскочила:

— Значит, ты ее нашел?

— Она меня нашла.

— И что?

Мартышка подошел к зеркалу и разглядел себя, видимо — в поисках седины.

— Трудно сказать. Как-то все смещается. Ты не попадала в автомобильную катастрофу? Атомный взрыв? Тоже нет? Тогда объяснить не могу. Одно хорошо, мы с ней не поженимся.

— Мартышка!

— Салли!

— Мартышка, дорогой! Значит, мы будем счастливы!

Мартышка снова вытер лоб.

— Да, — согласился он, — будем, когда я приду в себя. Как-то ослабел...

— Бедненький! Так было страшно?

— Ужас.

— Что ты ей сказал?

— Ничего. Ну, вначале: «А, вот и ты». Беседу вела она.

— Неужели она и помолвку разорвала?

— Еще как! Знаешь, дяде Фреду место в лечебнице.

— Почему?

— Он с ней поговорил. Удивительно, как она все запомнила!

— Что именно?

— Про собачьи бега, и про вчерашнюю ночь, и про гардероб. Многое.

— Какой гардероб?

— Я пошел за помадой к леди Босток и залез...

— Мартышка! Ты просто герой! Ради меня?

— Ради тебя я что угодно сделаю. Ты же толкнула Поттера в пруд.

— Вот это у нас с тобой и хорошо. Помогаем друг другу. Идеальный брак. Какой молодец твой дядя Фред!

— Ты думаешь?

— Он спас тебя от девицы, с которой ты не был бы счастлив.

— Я ни с кем не был бы счастлив, кроме тебя. А вообще-то, правда, молодец.

— Себя не жалеет. Сладость и свет, сладость и свет.

— Да, многие жалуются. Конечно, место ему в лечебнице, но нам он помог.

— Вот именно.

— Теперь все в порядке.

— Все как есть.

— Салли!

— Мартышка!

Обнимались они достаточно долго, чтобы голливудский цензор покачал головой и велел вырезать метров двести, но все же окно Мартышка видел; и Салли с удивлением заметила, что он цепенеет.

— Что такое? — спросила она.

— Не смотри, — отвечал Мартышка. — Поттер влез на балкон.

3 Примерно тогда, когда Поттер прислонил лестницу к дому, а Мартышка начал рассказ о недавней беседе, майор Брабазон-Планк достиг ворот Эшенден-Мэнор и поехал по аллее.

Ехал он быстро. Он вообще ездил быстро, но теперь его подгоняли слова старого друга. Он только сейчас понял как следует, что Твистлтон — тот самый Икенхем, о котором он немало слышал. Были в Лондоне круги, где любили потолковать про пятого графа, и майор вращался именно в них, когда оставлял аллигаторов. Тем самым он прекрасно знал нравы, привычки и чудачества своего соученика, а значит, представлял себе, что будет, если он выступил под твоим именем.

Кое-чего он, правда, не знал, а именно — давно ли гостит Зараза у Балбеса; но предполагал, что и часа хватит, чтобы древнее имя Брабазонов было надолго опозорено.

Никто не едет быстрее, чем исследователь Бразилии, который хочет спасти свое имя. Гермiona — и та не развивала такой скорости. Большая плоская ступня, словно для того и созданная, не отрывалась от акселератора.

Майор слишком спешил, чтобы позвонить у входа и ждать. Услышав голоса за стеклянной дверью, он толкнул ее, вошел — и увидел своего подчиненного, который беседовал с мужчиной постарше, пыхтящим в седые усы. Судя по выражению лиц, оба были чем-то расстроены. И впрямь, Билла Окшота и сэра Эйлмера мы вправе сравнить с двумя пороховыми погребями. Ни чай, ни пончики, ни бутерброды не успокоили их, ибо несчастный баронет, не в силах сдержаться, упомянул о том, что вечер его жизни не скрасит Реджинальд Твистлтон в роли зятя. Билл воскликнул: «Вот это да!», объяснив свое волнение тем, что Гермiona, обретя свободу, может снизить к тому, кто любил ее всю жизнь. Сэру Эйлмеру это не понравилось.

— Ха! — сказал он, хотя ел пончик, и прибавил, что совершенно незачем улыбаться, как гиена, шансов нет и не будет.

— На что ты ей? — спросил баронет. — Она относится к тебе как...

— Знаю, — сказал загрустивший Билл. — К брату.

— Нет, — поправил его сэр Эйлмер. — К овце. Несмотря на свои размеры.

Билл задрожал, как лист.

— К овце? — уточнил он.

— Да.

— К овце?

— Именно. К идиотской овце, которая гуся на место не поставит.

Более опытный полемист использовал бы этот образ, попросив оппонента назвать хотя бы трех овец, ставивших на место гуся, но Билл только пыхтел, сжимая кулаки, раздувая ноздри, краснея от гнева и стыда и сожалея о том, что родство и возраст не позволяют дать противнику в глаз, на что он просто напрашивается.

— К овце, — повторил сэр Эйлмер. — Она мне сама сказала.

Именно в этот щекотливый миг и появился майор.

— Привет! — заметил он с той спокойной твердостью, которую обретаешь, годами входя без приглашения в туземные хижины. — Здрасьте, Билл.

Смятение духа довело Билла до того, что он не испугался, но тупо взглянул на майора, думая об овце. Может быть, думал он, Гермiona их любит? Ягнят она вроде терпела, но вот овца...

Здороваться пришлось сэру Эйлмеру.

— Эт-то кто такой? — спросил он, скорее радуясь, что можно сорвать злобу еще на одном несчастном.

Майор Планк привык к неприветливым хозяевам. Многие в былые дни встречали его с копьем.

— А это кто? — радушно парировал он. — Мне нужен Балбес Босток.

— Я сэр Эйлмер Босток, — сказал баронет.

Майор на него посмотрел.

— Да? — недоверчиво протянул он. — Интересно! Балбес моложе меня, а вы... что и говорить. Билл, где ваш дядя?

Именно в эту минуту вошла Джейн с вазой крупных ягод. В Эшенден-Мэнор себя не обижали — бутерброды с огурцом, пончики, кекс и еще клубника.

— ДЖЕЙН! — вскричал сэр Эйлмер.

Другая выронила бы вазу, но Джейн только вздрогнула.

— Да, сэр.

— Скажите этому... джентльмену, кто я такой.

— Сэр Эйлмер Босток, сэр.

— Правильно, — подтвердил он, словно судья на конкурсе знаний, которые вошли в моду.

Майор Планк выразил желание, чтобы его (майора) побрал черт.

— Усы, — прибавил он. — Если человек прикрывается целым кустом седых усов, всякий примет его за старика. Что ж, Балбес, рад тебя видеть. Вообще-то я по делу. Не узнал? Я — Планк.

— Планк!

— Брабазон-Планк. Только что я обнаружил, что Зараза — теперь он лорд Икенхем — живет здесь под моим именем. Не знаю, зачем ему это нужно, но я не потерплю...

После слова «Планк» сэр Эйлмер удачно изобразил загарпуненного кита, однако сейчас смог ответить:

— А я знаю. У нас тут конкурс треклятых младенцев, он будет судьей. Вместо Билла. Тот его уломал.

— Очень умно, Билл, — одобрил майор. — Опасная штука. Они и сами хороши, а уж матери... Смотрите. — Он поднял штанину и показал шрам на икре.

— Это — в Перу. Гналась за мной с кинжалом, потому что ее сынок попал в «отметим также...»

— Ввести Икенхема в мой дом, — продолжал сэр Эйлмер, — не так уж легко. Он знал, что я его не приму, есть причины. Поэтому он назвался Брабазоном-Планком, а мой племянник это подтвердил. Какого черта, — обратился он к Биллу, — ты вводишь в мой дом...

Он продолжил бы и эту речь, ему было что сказать, но тут Билл взорвался. С ранних лет относился он к дяде, как относится к вождю племени доисторический человек нервного типа. Он трепетал, он покорно слушал, он всячески его умасливал. Если бы сцена эта разыгралась пораньше, он, несомненно, сложился бы, как аккордеон.

Но сейчас душа его напоминала бензиновый бак, в который ударила молния. Встреча с Гермиейной огорчила его. Сообщение об овце растравило раны. А теперь, и не один раз, старый Балбес с моржовыми усами сказал «мой дом». Слова эти и сыграли роль последней капли.

Пока дядя бушевал, племянник машинально ел, и поначалу выражению чувств помешал пончик. Он его проглотил, а потом осведомился:

— «Мой»? Вы подумайте! Это почему же он ваш?

Сэр Эйлмер попытался ответить, что не в том дело, но не преуспел.

— «Мой!» — воскликнул его племянник, давясь этим местоимением, словно пончиком. — Нет, какая наглость! Какая подлость! Пора наконец разобраться, чей это дом!

— И впрямь, — одобрил майор, — разберитесь. Так чей же это дом?

(Заметим, что у него было семь теток, пять сестер и семейных ссор он не боялся.)

— Мой! — заорал Билл. — Мой, мой, мой, мой!

— А, ясно! — сказал Планк. — Ваш. При чем же тут Балбес?

— Втерся сюда. А что я мог? Мне было шестнадцать лет.

— Но потом вы стали старше?

— Наверяд ли. Разве его выкуришь?

— А что, невозможно?

— Духу не хватало.

— Это не мягкость. Билл, это — слабость.

— Ничего, сейчас и выгоню. Сколько можно быть... как это?

— Дураком?

— Ничтожеством. Сил моих нет. Убирайтесь отсюда, дядя Эйлмер. Куда хотите.

В Челтнем, Или в Бекс-Хилл.

— Или в Богнор-Риджис, — предложил майор.

— Можно и туда. В общем, я вас не держу. Ясно?

— Вполне, — одобрил Планк. — Какая сила слова!

— Вот так, — подытожил Билл, выходя прямо в сад.

Майор Брабазон-Планк взял пончик.

— Хороший у тебя племянник, — сказал он. — И пончики прекрасные. Съем-ка еще один.

Билл Окшот быстро прошел и террасу, и аллею. Глаза у него сверкали. Он тяжело дышал. Так бывает с тихими людьми, когда они ощутят вкус крови. Он с удовольствием встретил бы Джо Луиса и затеял с ним ссору. Почти это и случилось. В конце аллеи стоял не Джо Луис, а толстый, хотя и молодой человек в роговых очках; и в ту самую минуту, когда Билл его увидел, он пылко обнял Гермиюну.

Билл поскакал к ним, дыша еще тяжелее и совершенно уподобившись коню, который при трубном звуке издает голос, издавелека чуя битву.

Глава 14

Человеку тонкой души, чья деловая судьба решается в усадьбе, нелегко сидеть за две мили, терпеливо ожидая вестей. Беспокойство его возрастает с каждой минутой. Руки и ноги дрожат; глаза — вращаются; чувство, что в брюках кишат муравьи, набирает силу. Наконец, не в силах терпеть, он решает перебраться к центру событий.

Все это произошло с Отисом Пейнтером. Словно Эдит Лебединая Шея после

битвы при Гастингсе, он решил узнать, как там что.

Правда, пошел он не в ту сторону, перепутав направления, и только через 1,3 мили обнаружил, что при всех медицинских и эстетических достоинствах прогулки от Эшенден-Мэнор он удаляется. Тогда, вернувшись в кабачок, он одолжил велосипед у любезного чистильщика обуви и с нескольких попыток покатил к усадьбе. Опасаясь сэра Эйлмера, он поставил свой транспорт за деревом, а сам притаился в кустах, где и ждал появления Гермियोны.

Когда она появилась и подошла поближе, сердце у него упало, ибо вид у нее был грозный, словно отца уломать не удалось. На самом деле именно такой вид бывает у девушек, разделавшихся с пригретой по неразумию змеей. Губы сжимаются, грудь вздымается, глаза сверкают. Но Отис этого не знал и, выходя из кустов, думал: «Конец мечтам».

— Ну, как? — спросил он слишком громко, что естественно в его состоянии.

Гермиона, с маху проскочившая мимо, услышала голос и резко вздрогнула.

— Откуда вы взялись? — сурово спросила она. — Нельзя же так!

— А что?..

— Язык прикусила.

— Нет, — сказал Отис, забывший с горя все тонкости этикета, — что сэр Эйлмер? Вы его видели?

Гермиона совладала с собой. Язык болел, но именно этот издатель верил в хорошую рекламу.

— О, да! — отвечала она.

Ответ издателю не понравился. Он хотел большей ясности или, как выразилась бы реклама, чистоты слога.

— Что это значит? — спросил он. — Что он сказал?

Гермиона приятно улыбнулась.

— Все в порядке, — отвечала она. — В суд он не подаст. Точнее, он попросил аннулировать его иск.

Отис покачнулся.

— Попросил?

— Да.

— О-о-о!

Тут он и обнял собеседницу, мало того, стал ее целовать.

Поскольку мы ни в коей мере не хотим клеветать на издателей, людей поистине дивных, скажем сразу, что такие поступки им не свойственны. Статистика говорит, что процент авторов, обнятых и расцелованных издателем, практически равен нулю. Завидев Отиса с Гермиейной. Ходдер и Стафтен поджали бы губы, не говоря о Джонатане Кейпе, Хейнемане, Макмиллане, Голланце и Херберте Дженкинсе Ltd. Они бы просто захворали.

Что же касается Отиса, понять его можно. В конце концов, от радости надо кого-нибудь расцеловать. Кроме того, Гермияна была очень красива (хотя Фейбер и Фейбер чихать на это хотели) и, добавим, приветливо улыбнулась. Наконец, вправе ли мы судить человека, прожившего какое-то время на левом берегу, по нашим, лондонским меркам? Если бы Эйре и Спотсвид сняли квартиру на Rue Jacob, в двух шагах от Vou!Mich, они сами бы удивились, как быстро убывают добрые правила юности.

Очень жаль, что ни один из этих доводов не пришел в голову Биллу, когда он огибал угол. В Отисе он увидел распутника и повесу, порхающего с цветка на цветок, а нам известно, как он относился к этому роду существ. Ему представлялось, что

надежней всего — оторвать у них голову, к чему он и собирался приступить, когда схватил Отиса за шкуру, дернул — но услышал пронзительный вопль:

— Не убивай его! Это мой издатель!

Билл растерялся, Гермiona прибавила:

— Издает три следующих романа. 20 процентов, свыше трех тысяч — 25.

Билл все понял. Даже в ярости он мог рассуждать и рассудил, что у таких издателей головы отрывать не надо. Успехи Гермiony были дороже ему, чем ей. Словом, Отиса он выпустил. Тот попятился, прислонился к дереву и, отдуваясь, стал протирать очки.

Отдувался и Билл. Тяжело дыша, он схватил Гермionу за руку. Новый Уильям Окшот, гроза тиранов, походил на Джеймса Кэгни и на Аттилу. Глядя на него сквозь протертые очки, Отис припомнил парижского ажана, арестовавшего его на публичном балу.

Нельзя сказать, что Гермiona осталась холодной. Ее трясло: и этот неприятный процесс вызывал дрожь восторга. Как все красавицы, она привыкла к поклонникам. Годами вращалась она среди людей, сворачивавшихся, как копирка, от одного неласкового слова, и это ей приелось. Даже от Мартышки она втайне ждала бурных страстей, на какие способен разве что второй помощник грузового судна. И вот она нашла, где не искала. К своему кузену она относилась хорошо, но свысока, скажем — как к овце. Но эта овца, сбросив шкуру, оказалась заправским волком.

Так удивимся ли мы, что в мужчине, осыпающем ее поцелуями, Гермiona Босток узнала героя своих мечтаний?!

— Гермiona! — сквозь стиснутые зубы выговорил Билл.

— Да, дорогой?

— Ты выйдешь за меня замуж?

— Да, дорогой.

— И никаких Мартышек?

— Конечно, дорогой.

— Здорово! — сказал Билл Окшот и обернулся к издателю, который с тоской припоминал счастливые парижские дни. — Значит, издаете книги?

— Да, — с готовностью ответил Отис. — Все до единой.

— И дадите 20%, а там — и 25?

— Да.

— А может, сразу двадцать пять?

Отис это одобрил, — собственно, он и сам собирался это предложить.

— Здорово, — сказал Билл. — Пошли, выпьем чаю.

Гермiona покачала головой:

— Я не могу, дорогой. Надо ехать в Лондон. Мама сидит там очень давно, наверное, удивляется. Подвезти вас, мистер Пейнтер?

Отис вздрогнул:

— Поеду поездом.

— Он очень медленно идет.

— Ничего, я не спешу.

— Что ж, дело ваше. До свидания, дорогой.

— До свидания, — сказал Билл. — Я завтра приеду. А сейчас проводи меня до машины. Хорошо, дорогой?

Отис остался у дерева, слабый, но счастливый. Вскоре мимо него пронеслась машина, он закрыл глаза, а когда снова открыл, увидел Билла.

— А может, тридцать? — спросил тот.

- Pardon?
- Процентов. За ее книги.
- А, да, конечно! Что ж, это лучше.
- Зачем мелочиться?
- Вот именно.
- И реклама, да?
- Конечно.
- Здорово! Она очень страдала, что те издатели не рекламируют ее книги.
- Жалкие люди.
- Предпочитают рекламу слухов.
- Ха-ха!
- Значит, будут статьи?
- Еще как! Во всех воскресных газетах.
- А в будничных?
- Да, и в них. Хорошо бы плакаты...

Билл не думал, что этот человек вызовет в нем такие чувства. Может, и повеса — но какой ум, какое сердце!

— Здорово, — сказал он. — Такие плакаты на стенах. Да, здорово.

— Конечно, — заметил Отис, — это стоит денег. Нет-нет, я не колеблюсь, но мне бы небольшую... дотацию. Вы бы не вложили тысячу фунтов?

— Это мысль. А может, две?

— Или три? Или все пять? Такое круглое число.

— Оно круглое?

— В высшей степени.

— Здорово! Значит, пять.

Отис опять закрыл глаза, на сей раз — в экстазе. Он давно подозревал, что есть ангелы, но не надеялся их встретить, а уж тем более не надеялся, что ангел согласится на пять тысяч.

Открыв глаза, он увидел, что Билла нет — то ли вернулся на небо, то ли ушел на террасу. Выведя велосипед и птицей взлетев в седло, он покатил по аллее. Когда-то, в Париже, ему удалось взлелеять в себе солидный пессимизм, но теперь он был оптимистом, от бакенбард до подошв.

Пройди тут случайно Пиппа и скажи, что бог на небе и все хорошо на свете, он бы пожал ей руку и вскричал: «Как я вас понимаю!»

2 Билл не вознесся на небо, он пошел на террасу, куда через некоторое время явился и пятый граф, заметно посвежевший. Увидев молодого друга, он кинулся к нему, крича:

— Поздравляю!

Билл удивился такой прозорливости, но граф объяснил, что сходство с серафимом или херувимом, поющим «Осанна!», могло бы и само по себе обо всем рассказать.

— Хотя вообще-то, — прибавил он, — рассказал мне один знакомый, который ехал на велосипеде. Точнее, он уже не ехал, а лежал, мягко хихикая, но рассказать — рассказал. Насколько я понял, он видел все, от начала до конца. О технике вашей он самого высокого мнения. Схватили за руку?

— Да.

— Трясли?

— Да.

— Прижали, осыпали?

— Да.

— Чего же вы хотите! Метод Икенхема. Самая гордая красавица сдается в тот же миг. Наверное, жалеете, что потратили впустую столько лет?

— Не без этого.

— Робкое поклонение ничего не дает. Сегодня я беседовал с прекрасной Элзи, и она мне сообщила, что раскачать констебля было нелегко. Он жевал усы и говорил о положении в Китае, пока однажды вечером она не сказала: «Ну, хватит!» С тех пор все у них в порядке.

— Здорово, — откликнулся Билл, думая о Гермине. — Констебль? А, да! У вас нет свежей вырезки?

— Простите, нету. Зачем она вам?

— Элзи сейчас просила, как раз для Поттера. Кто-то дал ему в глаз.

— Вот как! Кто же?

— Не знаю. Я плохо понял. Что-то про Мартышку, но он никогда не ударит полисмена.

— Да, вряд ли.

— Наверное, я не расслышал. В общем, кто-то дал в глаз. Он хочет уходить со службы. Сегодня его толкнули в пруд, теперь — это. Собирается купить кабачок.

Лорд Икенхем со вкусом вздохнул. Он был доволен собой, и мы его не осудим. Человек, считающий своей целью счастье любящих сердец, имеет право похвалить себя, когда счастливые развязки так и хлопают, словно шутихи.

— Это приятная новость, Билл Окшот, — признал он. — Как вы говорите? Да, «здорово». Вы счастливы, Мартышка счастлив, теперь — и прекрасная Элзи. Просто финал оперетты. — Он посмотрел на Билла. — Вы носите шерстяное белье?

— Я? Нет. А что такое?

— Как-то вы ежитесь, чешетесь, что ли...

Билл стал темно-малиновым.

— Я места себе не нахожу, — объяснил он. — Ну, сами знаете.

— Знаю. И я жил в Аркадии. Тут хороша долгая прогулка. Идите, спустите пары.

— Ничего, что я вас брошу?

— Тяжело вас терять, но иначе вы лопнете. Au revoir, мой дорогой. Будьте счастливы.

Билл бросился в парк, словно пес, спущенный с поводка, и набрал такую скорость, что только на дороге вспомнил: надо было сказать про Планка. Он остановился, подумал, решил, что уже поздно, — и все графы и майоры сменились сладостным звоном свадебных колоколов.

3 Он оказался прав, было поздно, ибо не успел он уйти, как на террасе появился Планк, вытирая губы.

— Привет, Зараза, — сказал он графу. — Пончиков нету, я все съел. Красота, а не пончики. — Он сунул платок в карман. — Не ждал меня встретить? Думал, твоя взяла? Понимаешь, та откормленная дева сообщила, что конкурс отменен.

Лорд Икенхем удивился, но вида не подал.

— Вот как? — спросил он. — Отменен? Почему же?

— Эпидемия. Корь косит народ.

— Значит, ты меня выдал?

— Еще как!

— Балбес расстроился?

— О, да!

— Представляю... Все тебе нейдет, Зад! Казалось бы, старый хрыч...

— Неймется! — вскричал майор. — Я охраняю свою честь. Почему «старый»? Я на год моложе тебя. Вот Балбес — старый хрыч, и никто иной. Прямо Мафусаил какой-то, осталось есть траву...

— Мафусаил траву не ел.

— Ел.

— Никогда в жизни. Это Навуходоносор.

— Да? Ну, не важно, суть одна. Тебе еще повезло, ты не был в этой комнате. Балбес открыл там трибунал.

— Что он открыл?

— Военный суд. Когда я доедал пончики, пришел констебль с подбитым глазом. В одной руке он держал молодого человека с бледно-желтыми волосами, в другой — исключительно хорошенькую девушку. Насколько я понял, она толкнула его в пруд, а молодой человек дал ему в глаз. Балбес разбирает дело. Кажется, он местный судья. Мне лично их жаль, особенно — девушку в красном.

Лорд Икенхем покрутил ус.

— Оставь меня, Зад, — сказал он. — Я должен подумать.

— Подумать? Ладно, думай, — согласился майор. — Надо мне доесть клубнику.

Он ушел обратно, а лорд Икенхем принялся шагать взад-вперед. Судя по выражению лица, проворный мозг работал, как машина.

Вскоре это дало результаты. Лицо прояснилось, граф улыбнулся довольной улыбкой, пересек террасу и вошел в музей.

Сэр Эйлмер сидел один в музее и тоже улыбался. Впервые за этот вечер он был доволен, так доволен, как лев в Колизее, которому дали отборных христиан. Нельзя сказать, что он посмотрел на гостя приветливо, но он его не укусил.

— Ха! — воскликнул он. — Это ты?

— А, Балбес!.. — кротко откликнулся пятый граф. — Значит, ты видел нашего Зада. Ну, как он тебе? Он говорит, ты сильно постарел. Где Салли?

— Кто?

— Я слышал, она была здесь.

— Ты знаешь эту девушку?

— Как собственную племянницу.

Баронет ощутил то мягкое тепло, которое дарует нам тонизирующий эликсир доктора Смита. Все получалось еще лучше, чем он предполагал.

— Ах, вон что? — осведомился он. — Тогда тебе будет интересно, что я ей припаял тридцать суток без обжалования.

— Суровый приговор.

— Что поделаешь! Злодейство, каких мало. Толкают полицейских в пруд, а потом...

— Зачем же он вводит в искушение? Девушки — это девушки.

— Я им покажу!

— А как же милость? Она, понимаешь, нисходит с высоты на тех...

— К черту!

— Слышал бы тебя Шекспир! Значит, приговор не отменишь?

— Ни в коем случае. А теперь поговорим о тебе.

Лорд Икенхем кивнул:

— Да, я надеялся, что ты уделаешь мне минутку. Только постой, вызову свидетеля.

Подойдя к двери, он позвал: «Зад!», и появился майор, не доевший клубнику.

— Зайди-ка сюда, ты мне нужен. Наверное, мой рассказ тебя шокирует...

— Не про типа из Калькутты? Это я слышал.

— Нет, он в другом роде, но тоже потрясет твое нравственное чувство. Начать сначала?

— Вроде бы так лучше.

— Да, лучше. Жила-была американка по имени Элис. Приехала она в Лондон, купила кой-какие камушки, намереваясь отвезти их в Америку и там — носить...

— Что вы тут... — начал сэр Эйлмер, но граф на него посмотрел.

— Балбес, — сказал он, — если ты еще раз меня прервешь, всыплю шесть горячих. Зад с удовольствием тебя поддержит.

— Как в старое время... — умилился Планк.

— Великолепно. Итак, продолжаю. На чем мы остановились?

— Американка купила драгоценности.

— Так. Но ей пришлось в голову, что на нью-йоркской таможне придется много платить. Она платить не хотела.

— Что ж, естественно.

— И вот по своей девичьей простоте она решила на контрабанду.

— Молодец. Я всегда говорю, нечего платить этим гадам. У них и без того слишком много денег.

— Именно это ощущала мисс Ванситтер. Но контрабанда нелегка.

— Что верно, то верно. Помню, хотел я провезти сигары...

— Она поразмыслила, — поспешил сказать лорд Икенхем, — и ей пришел в голову замечательный способ. У нее была подруга, молодой скульптор. Она пошла к ней, и они положили камни в новый бюст. Наша американка решила, что эти гады скажут: «А, бюст!» — и больше ничего.

— Очень тонко.

— Да. Но... держись за кресло. Зад, скульпторша лепила в это время самого Балбеса.

— Зачем? — удивился майор.

— Для местного клуба.

— Вот это да!

— Во время сеансов она ему сказала, что оставляет тот, первый бюст у меня, недалеко отсюда, чтобы забрать потом. А Балбес... Нет, не могу! Не надо тебе знать такие вещи.

— Ничего, ничего.

— Ты не поверишь, но вчера Балбес проник ко мне и украл бюст.

— В котором камни?

— Да.

Перспективы, описанные графом, не удержали сэра Эйлмера.

— Это ложь!

Лорд Икенхем поднял брови.

— Помилуй, к чему этот пыл? Неужели ты думаешь, что я выдвину такое обвинение без солидных доказательств? Да, Зад, он проник ко мне, охмурил дворецкого...

— Неправда! Он меня не пустил.

— Когз говорит иначе. Он признался, что впустил тебя и оставил без присмотра. Мало того, он видел, что у тебя под пиджаком что-то есть. Не надо, Балбес, не стоит. Лучше, я бы так сказал — мужественней признаться во всем и положиться на нашу милость.

— Да, — согласился майор, — гораздо мужественней.

— Перейду к доказательствам. У тебя, Зад, хорошая, большая нога. Подойди, будь любезен, вон к тому шкафу и вышиби дверь.

— С удовольствием! — сказал майор.

Лорд Икенхем не переоценил его ногу. Хрупкая дверца только крякнула.

— Видишь бюст? — спросил граф.

— Вижу.

— Тащи сюда.

Баронет смотрел на бюст, как смотрят на змею. Он ничего не понимал. Жена бы ему объяснила, но ее не было.

— Как он сюда попал?

Граф изящно улыбнулся.

— Ну, Балбес, нельзя же так! Правда, Зад?

— Конечно.

— Разбей ему голову.

— Бюсту? Сейчас! — отвечал майор и разбил ее. Лорд Икенхем поднял из обломков замшевый мешочек, развязал завязки и высыпал сверкающие камни прямо перед сэром Эйлмером. Майор с нескрываемым восторгом глядел на баронета.

Третий друг собрал драгоценности и положил мешочек в карман.

— Ну, вот, — сказал он. — Ты спрашивал, Балбес, почему я явился под чужим именем. Я хотел уладить все тихо. Скоро выборы, скандал тебе не нужен, а что до самого дела — человек слаб... Мы понимаем, соблазны. Понимаем, Зад?

— Как не понять!

— Замнем это все?

— О чем речь!

— Ты никому не проговоришься?

— Ну, в клубе кому-нибудь, а вообще — конечно.

— Итак, все забыто. Естественно, свой беспощадный приговор ты отменяешь. Отменяешь, Балбес? — проверил он, заметив, что хозяин как-то сник.

Сэр Эйлмер снова уподобился загарпуненному киту.

— Что? — проговорил он. — Да, отменяю.

— Молодец, — похвалил его граф. — Так я и думал. А то — тридцать суток за детскую шалость! Какая-то Звездная Палата. Вы, большие начальники, привыкаете помыкать своими ближними. Ну, что ж, пойдём к Поттеру, пусть освободит узников. Насколько я понял, они в кладовке.

И он повел друга под руку, мягко увещевая начать новую жизнь. В конце концов, прибавил лорд Икенхем, подняться может всяк, поправ дурное «я», отмерший пласт.

Уже не слыша его голоса, майор Брабазон-Планк постоял, отрешенно глядя на экспонаты. Разум его отдыхал. Но тут, как бывало в лесах Бразилии, он вспомнил, что не доделано какое-то важное дело.

Подумав немного, он повернулся и пошел доедать клубнику.

<http://megabook.do.am/>